

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Противодействие попыткам
фальсификации истории России:
научные и законодательные аспекты

Издание Государственной Думы
2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Противодействие попыткам
фальсификации истории России:
научные и законодательные аспекты

Издание Государственной Думы
Москва • 2020

УДК 94(47+57):930.2

ББК 63.3(2)

П83

Автор-составитель:

Я. И. Листов, старший референт аппарата
фракции КПРФ в Государственной Думе

П83 **Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты.** – М.: Издание Государственной Думы, 2020. – 160 с.

В работе «Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты» известный российский историк, автор более 200 статей по истории СССР и 6 книг (специализируется на политической истории России XX века и вопросах противодействия фальсификации истории) раскрывает вопросы фальсификации истории путём внедрения в общественное сознание подложных документов и цитат. С привлечением фактов опровергает целый ряд фальсифицированных «документов» по истории нашей страны, используемых противниками нашего Отечества в своих интересах. Она также затрагивает и вопросы законодательной борьбы с фальсификацией истории России.

УДК 94(47+57):930.2

ББК 63.3(2)

© Аппарат Государственной Думы, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Фальсификация истории как угроза будущему	4
Два врага истории	7
Криминализация истории Западом и мемориальные законы	9
Опыт законодательной борьбы с фальсификацией в России	15
Закон хорошо, а наука лучше	19
Ленин и немецкие деньги	23
«Письмо Зиновьева», или белогвардейская фабрика фальшивок	30
Ленин «отрекается», или «Письмо цюрихскому другу»	43
«Указание В. И. Ленина № 13666»	51
Как Сталин отменял Ленина	56
Загадки «Письма Ленина Молотову»	67
Как Сталин стал «агентом охраны»	82
«Доклад Сталину об НЛО»	98
Как Жуков с Берией украинцев депортировали	104
Как Берия с Мюллером дружили	111
Дважды утопленная Молога	120
Как фальшивки мемориалами становятся	127
Приложение. Речь Сталина, которой не было	131

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК УГРОЗА БУДУЩЕМУ

В истории нашей страны, как и в истории всех великих мировых держав, были величайшие победы, героические свершения целых поколений, а также трагические события и политические ошибки. Уважительное отношение ко всем страницам собственной истории является одним из показателей нравственно-духовного здоровья общества.

Жизнеспособность российского общества и государства во многом зависит от наличия у граждан достойного отношения к историческому наследию России и её народов, что предполагает целенаправленную деятельность государства, институтов гражданского общества, ученых-историков, преподавателей гуманитарных дисциплин по формированию в обществе исторической культуры на основе уважения к истории своей страны, принципа историзма, с опорой на документальные источники и научные исследования, с учётом фундаментальных традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Сегодня уже стало очевидным, что для политиков, тех, кто проповедует социальный инженеринг, история как наука о прошлом, наука о развитии общества и человека, не интересна. Им нужна история как политический инструмент, как средство для достижения вполне конкретных, часто сугубо меркантильных целей, в том числе и, быть может, в первую очередь политических. Для них историческая достоверность не только похоть, а угроза тем социально-историческим концепциям, которые они строят для оболванивания масс, для придачи им фиктивного исторического опыта, лишения наций механизмов защиты и противодействия порабощению. Их союзником становится фальсификация. Да, сегодня подделывают не только лекарства и продукты, финансовые документы и деньги, сегодня фальсифицируют историю. С этой точки зрения фальсификация истории – это заведомо ложное описание либо трактовка тех или иных событий. Она становится острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность или нелегитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях. Историческое пространство любой страны может использоваться не только как поле для сражений в современных информационных войнах, но и как средство подготовки победы или поражения, как инструмент идеологического обоснования того или иного разворота событий, как «нелетальное оружие массового поражения».

Человек как творец и интерпретатор современной истории оказался в центре информационных технологий, с беспрецедентной скоростью и радикализмом меняющих жизнь человечества. Он же, его сознание, мировоззрение – в центре информационных войн. Их цель заключается прежде всего в том, чтобы навязать потенциальному противнику программируемый образ

мира, такого мироустройства, в котором для победителя будут складываться наиболее благоприятные условия существования и развития. Г. Киссинджер определил кредо такого рода событий с беспощадностью технолога: «Знание мировоззрения противника важнее объективной реальности».

Вымывание из школьных учебников в постсоветской России идей гражданственности и патриотизма, «переписывание» учебников истории, из которых исчезали наиболее значимые страницы русских побед, демонстрировали прямое следствие покушения на отечественную историю. Цель этого покушения была очевидна ещё великому русскому историку В. О. Ключевскому, который говорил, что народ без истории подобен ребёнку без родителей: любой может с ним сделать то, что ему заблагорассудится.

За последние два десятилетия активизировались попытки фальсификации истории России. Широкое распространение получило тенденциозное описание советского периода истории России как сплошной полосы ошибок и преступлений государства против своего народа, дискредитация имевшихся достижений в различных сферах социально-экономической жизни страны. В информационной политике ряда государств, в том числе ближнего зарубежья, систематически фальсифицируются и замалчиваются исторические факты и события, свидетельствующие о решающей роли советского государства и народа в разгроме фашистской Германии во Второй мировой войне и освобождении Европы от фашизма.

Также предпринимаются попытки исказить выдающуюся роль содружества народов России в отстаивании на протяжении многих веков независимости своей Родины, навязать обществу представления о негативном значении для развития некоторых народов их вхождения в состав российского государства (в частности, присоединения Поволжья к Московскому государству преподносится как событие, негативно повлиявшее на развитие народов этого региона). При этом игнорируются многочисленные источники и исследования ученых-историков, убедительно свидетельствующие об обратном, в том числе о таких фактах новейшей истории, как деятельность советского государства по ликвидации неграмотности, созданию государственности, письменности на национальных языках, строительству учреждений образования, медицины и культуры. Такие искажения истории способствуют росту недоверия между народами, разжиганию национальной и религиозной вражды, других проявлений экстремизма. В настоящее время имеются многочисленные примеры систематической фальсификации истории некоторых народов России в целях публичного обоснования требований, имеющих политический и экстремистский характер.

Всё это делается с целью не просто исказить прошлое. Цель более грандиозная: подменить будущее. Можно привести слова А. И. Владимирова, который ещё в начале XXI века предупреждал о «ставшей явью глобальной угрозе формирования не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии».

Одну из главных ролей в перестройке человеческого сознания имеет соответствующая интерпретация истории, вернее, её фальсификация и искажение, перестановка акцентов и предумышленное забвение. В последнее время целями такого рода деятельности стали:

- во-первых, российское государство как политический институт, его формы и режимы;
- во-вторых, русская история и национальные культурные и духовные ценности, те энергетические токи культуры, которые создали великое государство и великую историю;
- в-третьих – русская нация и национальное пространство, ею обживаемое и формируемое.

Именно на этих трёх направлениях начали формироваться констелляции продуманных недомолвок, нарочитых умолчаний, тенденциозно подбираемых фактов, вычурно формулируемых банальностей, откровенных нелепостей и грубой фальсификации явлений и событий. И всё это – отнюдь не случайности: все три упоминаемые сферы связаны с фундаментальными основами самоидентификации России, в них выкристаллизовываются её национальные интересы и духовные ценности.

Так, огульно критикуя (а по сути дела, фальсифицируя) историю России – СССР – Российской Федерации, фальсификаторы на деле целятся в современное российское государство как таковое, прекрасно осознавая, что именно государство, как правило, является наиболее эффективным институтом нации и общества, тем двигателем, без которого вообще невозможен общественный прогресс. Объектом критики становится, прежде всего, политическая система страны, её социальная основа и легитимность ставятся под сомнение. Для этого используются такие псевдоисторические аналогии, логика которых проста и незатейлива: например, сначала ставится знак равенства между «тоталитарными режимами» Сталина и Гитлера, затем – между СССР и его преемницей Россией, а затем перекидывается и на современную Россию. А соотечественники Черчилля и Рузвельта сегодня не задумываются, почему их великие лидеры не равняли нацизм со сталинизмом, почему им и в голову не приходило оспаривать решающую роль Советского Союза в победе над Гитлером и т. п.

В Ялте и Потсдаме лидеры Великобритании и США садились со Сталиным за стол переговоров и совместно решали судьбы мира, видя за «дядюшкой Джо» великий русский народ, обеспечивший победу над фашизмом. А сейчас в этих вопросах доминируют так называемые «новые оценки», выводимые из факта существования одного документа – пакта Молотова – Риббентропа. Вместо осознания сложнейшего узла противоречий, приведших ко Второй мировой войне, выдвигается до бессмысленности простенькая формула: в 1939-м два злодея поделили между собой Европу, превратив все остальные европейские страны и народы в невинные жертвы. И один из современных, достаточно известных польских историков упрекает Гитлера за «сговор» со Сталиным, а не с Варшавой, будучи уверенным, что в последнем случае немецкий фюрер не потерпел бы поражения в России.

Это лишь один пример из многих векторов направлений фальсификации истории.

История всегда является одним из жизненно важных ресурсов государственно организованной нации, которая не должна допускать девальвации своих исторических ценностей достижений. И борьба с фальсификацией российской истории кем бы то ни было должна рассматриваться как важнейшее государственное дело.

ДВА ВРАГА ИСТОРИИ

Фальсификация истории России идёт по двум направлениям: внешнему и внутреннему. Конечно, это упрощённый вариант, как у дерева сначала определяются два ствола, которые в свою очередь разделяются на сотни ветвей.

Если говорить о внешней фальсификации истории нашей страны, то она уже давно перешла из чисто идеологической борьбы с социальной системой в СССР к борьбе с Россией как фактором геополитическим. Но и здесь она плотно примыкает к новой тенденции пересмотра истории в глобальном плане. Глобализации для окончательной победы мало завоевать экономику, теперь она переходит к завоеванию сознания народов и наций. Посмотрите, как по всему миру толпа расправляется со своим наследием. Происходит торжество исторического модернизма. Под историческим модернизмом специалисты подразумевают восприятие исторического процесса не как развития общества, а как оценку действий людей по отношению к неким абстрактным, но незыблемым ценностям. История – это не только развитие технологий (это не отрицают и модернисты), но и развитие самого человека, развитие социальных институтов, норм этики и морали. Так, на определённом отрезке истории человечества рабство считалось нормой, но человечество развивалось, появлялись прогрессивные деятели и философы, которые доказывали, что владение человека человеком – это противоестественно. И они победили, в одних странах раньше, в других позже. Но развитие исторического модернизма, с одной стороны, и криминализация исторического процесса (об этом подробнее в главе, посвящённой мемориальным законам) привели к движению BLM, которое стало сносить памятники и мемориалы не только генералам Конфедерации, но и Колумбу, и даже отцам-основателям США. Все они обвиняются в том, что были людьми своего времени и придерживались этических норм и ценностей своей эпохи, а не ценностей начала XXI века. Это то же самое, что обвинять царя Хаммурапи (который был автором первого известного свода законов) в том, что он не соблюдал Женевскую конвенцию, или сносить памятник Кулибину за то, что не он изобрёл ракету.

Но в историческом модернизме страшно даже не это. Гораздо страшнее, что обесцениваются и даже обнуляются реальные заслуги исторических деятелей, их достижения объявляются ничем по сравнению с их виной перед современными ценностями. В этом плане очень показательны две истории. Первая – с фильмом, классикой мирового кинематографа «Унесённые ветром», который чуть не запретили в США, так как посчитали, что он пропагандирует расизм по отношению к чернокожим. Но ведь вместе с ним запретили и один из самых важных прорывов в США именно борьбы с расизмом: ведь именно за роль в этом фильме чернокожая актриса Хэтти Макдэниел первой из чернокожих актёров получила Оскара.

Для массового сознания в США это было не менее значимое событие, чем проповеди Мартина Лютера Кинга.

Второй пример относится к Европе: в Бельгии тоже в рамках борьбы с историей начали сносить памятники Леопольду II. Его совершенно правильно обвиняют в зверской эксплуатации колоний и в первую очередь Конго, где вследствие этого погибло, по разным данным, несколько миллионов человек. Но разве это сильно отличается от эксплуатации других колоний иными европейскими колониальными державами? Разве это отличается от эксплуатации стран третьего мира транснациональными корпорациями сегодня? Вместе с ним стирается и память о великой Бельгии, которой 44 года руководил Леопольд II, Бельгии, где в 1879 году была создана сеть обязательных, бесплатных и светских начальных школ при поддержке государства, были закреплены права работников на создание профсоюзов и принята отмена обязательных трудовых книжек, были приняты законы против детского труда; детям младше 12 лет запрещалось работать на фабриках, детям младше 16 лет запрещалось работать в ночное время, а женщинам моложе 21 лет запретили заниматься подземными работами, рабочие получили право на возмещение в результате несчастных случаев, был законодательно утверждён воскресный выходной. Жителям других стран Европы об этом оставалось только мечтать. При нём в Бельгии наступил настоящий промышленный бум. В стране производили гвозди, нитки, проволоку, текстиль, фаянс, продукты питания. Особенную известность в Европе приобрело бельгийское оружие, главным образом револьверы братьев Наган. Активно строились железные дороги. Всё это привело к тому, что сельское хозяйство было почти вытеснено промышленностью. Начался процесс урбанизации страны. А может, вместо памятников королю снести его наследие, которое приносит миллионы евро от туристов? Это и Королевские галереи, и ипподром Веллингтона, и парк Марии Генриетты в Остенде, и Королевский музей Центральной Африки в Тервюрене, и Парк пятидесятилетия в Брюсселе, и триумфальная арка, и комплекс в Дуден-Парке, и здание Антверпенского вокзала, и Лакенский дворец, и гигантский зимний сад при Лакене... Я не говорю, что эти заслуги оправдывают преступления Леопольда II, отнюдь. Но «памятник» не просто так исходит от слова «память». Именно её стирает исторический модернизм. Его цель – уравнивать все народы, лишив их индивидуальной истории, оставив в ней лишь криминал и поводы для вины и сожаления.

Этот процесс остро понимали уже в 70-е годы в СССР, где был написан целый ряд работ, предупреждавших об этом. Но наиболее ярко это выразилось в монологе учителя истории из фильма «Доживём до понедельника»: «Бедный Шмидт! Если бы он мог предвидеть этот посмертный строгий выговор... То и дело слышу: «Жорес не учёл», «Герцен не сумел», «Толстой недопонял»... Словно в истории орудовала компания двоечников...»

И именно это происходит сегодня: для современного европейца, американца история перестала быть сборником незаменимого опыта, она стала сводом ошибок, преступлений, вины и обид.

По всему миру низвергаются герои. Так, в прошлом, 2019 году в Индии почти незаметно прошёл юбилей основателя современной Индии

Джавахарлала Неру. От главы государства Моди он удостоился обидных реплик о виновности в кашмирском конфликте и создании династии, а государственная пропаганда ориентируется на политического союзника, врага Неру националиста Пателя, которому отгрохали самую большую статую в мире аж в 240 метров.

Не лучше дела и у нас в стране. В 150-летний юбилей основателя Советского государства, правообладателем и продолжателем которого является Российская Федерация, он удостоился фильмов и сериалов, снятых за государственный счёт и показанных на государственном телевидении, где он предстаёт мелким жуликом и немецким шпионом. И если бы эти фильмы были интерпретацией, пусть и не комплементарной, но реальных исторических событий... но нет, в основу их положена фальшивка, да к тому же разоблачённая 60 лет тому назад (об этом в главе ниже).

Всё это входит в единый тренд. Глобализации не нужны герои, ей нужен потребитель, причём потребитель унифицированный, с единой схемой восприятия, ценностной базой, легко управляемый и внушаемый.

Но в обществе глубоко сидят традиционные ценности, традиционное отношение к истории. Рано или поздно завеса тумана рассеивается, и общество начинает прозревать. На это глобализм отвечает политикой памяти и мемориальных законов, когда единообразию взглядов поддерживается не их объективностью и правдивостью, а силой государственного принуждения и страха, осуществлённого через закон. Когда закон вместо защиты истории от фальсификации защищает фальсификаторов. Во главе этого процесса сегодня идёт Европа.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДОМ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Историческая политика, или политика памяти, – термин сравнительно новый, хотя явление это очень старое. Во все времена и во всех странах разные общественные силы стремились навязать согражданам своё понимание прошлого. По мере усиления письменной памяти в XIX–XX веках роль исторической политики возростала. Усиливался и её осозанный, систематический характер. В последние десятилетия мы вновь стали свидетелями активизации исторической политики, что неизбежно в условиях глобальных изменений в области политики и геополитики.

Своеобразие нынешней исторической политики Запада во многом коренится в двух важных особенностях: криминализации и виктимизации прошлого – во взгляде на историю как на цепь преступлений и в стремлении человеческих коллективов представить себя в качестве их жертв. Парадигма такого отношения к прошлому сформировалась во многом вокруг Холокоста. Предтечей же такого взгляда стало декадентство европейских интеллектуалов, которые, устремляя свой взгляд в прошлое, обработанное антисоциальной пропагандой (один из её вариантов – антикоммунизм, русофобия,

но в целом – стремление показать, что раньше было неизмеримо хуже, чем сегодня, так что социальные протесты и движения бессмысленны), видели там эпоху катастроф и глобальных зверств, нередко совершавшихся во имя будущего. Распад прогрессистских взглядов сопровождался не только ностальгической консервацией наследия, но и фиксацией на трагическом опыте, который, как многим казалось, покончил с традицией европейского гуманизма. Мировые войны, Холокост и ГУЛАГ стали основным содержанием и символами XX века. Это создало ощущение, что история, центральными событиями которой стали эти явления, – преступная история. Вычёркивание из истории героизма и пафоса социального прогресса создали новую матрицу восприятия прошлого – его криминализацию.

Решающую роль в этом процессе сыграл Холокост, который стал центральным элементом новой исторической политики. Память о нём превратилась в один из определяющих факторов – «Память жертв» стала классической, максимально легитимной моделью современной западной исторической памяти. Огромную роль в её распространении сыграли также «комиссии по установлению правды» в Латинской Америке и Южной Африке.

Виктимизация истории была подготовлена «демократическим поворотом» в историографии 1950–1970-х годов, связанным с насаждением социальной истории. Её главная задача была противостоять марксистскому подходу в изучении истории. Так, в обществе был сильный запрос на «историю снизу», но вместо истории классов европейские интеллектуалы и идеологи предложили историю, увиденную с точки зрения народа (у нас аналогом этого подхода была «окопная правда»). Традиционная история, описывавшая деяния королей, полководцев, героев, лидеров, история государства и национального величия, патриотического воспитания была заменена историей тех, по кому тяжкой поступью «прошлась» история политическая (вспомните страдания о «железной поступи века», о горькой судьбе «маленького человека», которой потчевали нас либералы 80-х и 90-х). Тех, кто своим трудом и страданиями оплатил её «триумфы и трагедии». Эта установка создавала «парадигму сострадания» в восприятии истории.

На этом фоне криминализация и виктимизация прошлого повсеместно способствовали превращению «национального романа» в криминальную хронику. «История – лишь долгая череда преступлений против человечности», – резюмировал такое отношение Пьер Нора. Революционный террор и гражданские войны, колониальные завоевания и работорговля, мировые войны, тоталитарные режимы и сотрудничество с ними – таков далеко не полный список тем, которые выдвинула на первый план глобалистическая критика национальной истории.

Главными врагами нового подхода к исторической памяти стали те, кто пропагандировал аспекты патриотического воспитания в истории, те, кто хотел гордиться своей культурой и её героями, свершениями. Глобализму не нужна национальная история подвигов и побед, так как она рождает стремление к самоидентичности, глобализму нужна покорная усреднённая масса потребителей, которая не стремится к свершениям и открытиям, а свою страсть к новому вполне удовлетворяет очередной моделью айфона

или штанами из свежей коллекции «Гуччи». Но такого потребителя может воспитать лишь та политика памяти, в центре которой стоит память о насилиях и преступлениях, где главное место занимают Холокост и отчасти ГУЛАГ. Молодёжь, которая сформирована на памяти о тоталитарных режимах, антипатриотична, космополитична, она не хочет изучать историю, довольствуясь отрывочными представлениями из художественных образов (фильмы, книги, статьи) и разрозненных фрагментов, почерпнутых из социальных сетей.

Но как мир дошёл до этого?

Нацизм, как известно, был осуждён Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 году как человеконенавистническая идеология, приведшая к тяжёлым преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям против человечности. Вслед за этим в законодательство ряда стран – прежде всего тех, где до 1945 года существовали фашистские или близкие к фашизму режимы, – были внесены нормы, осуждавшие фашизм и запрещавшие фашистские партии, движения и символику (впоследствии эти нормы расширялись и уточнялись). Одновременно в занятой союзниками Германии осуществлялась денацификация – судебное преследование нацистских преступников и «чистка» государственного аппарата от лиц, активно сотрудничавших с режимом. Некоторых из них казнили, другие были приговорены к тюремному заключению, потеряли право занимать государственные должности и преподавать в университетах. Процессы над военными преступниками и коллаборационистами прошли также в Японии, Италии, Австрии, Франции, Финляндии и других странах.

Однако в странах Запада денацификация оставалась поверхностной, а в связи с началом холодной войны и вовсе была свёрнута. Многих бывших нацистов амнистировали, они вернулись в свои офисы и за университетские кафедры. Вспоминать о массовом соучастии в делах режима в 1950-е годы стало, мягко говоря, не принято. Из-за этого в западном обществе возник внутренний конфликт: некоторые интеллектуалы, например, Карл Ясперс, а несколько позднее Теодор Адорно, ставили вопрос о «немецкой вине», то есть об ответственности за нацизм не только отдельных осуждённых военных преступников, но народа в целом, в то время как большинство западных немцев ограничивались осуждением Гитлера и его приближённых, как если бы сами они никогда режим не поддерживали. Такой была и официальная позиция правительства ФРГ. Немцы «помнили» войну, национальную катастрофу и возрождение, но отнюдь не соучастие в преступлениях. Для примера, внутри восточно-германского общества такого конфликта не было: чёткое обозначение вины нацизма и его последователей, зримое обновление и возрождение общества, чёткий сонм героев-антифашистов сделали мир немцев в ГДР целостным, во главе государства стояли последовательные борцы с фашизмом, такие как Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Эрих Хонеккер, в то время как при общей антинацистской риторике в ФРГ шёл ползучий реванш, а на многих постах в руководстве засели либо лояльные фашизму политики, либо воспитанники Гитлерюгенда, а в армии так и бывшие члены нацистской партии.

Во Франции в те же годы восторжествовал миф о том, что вся страна, за исключением нескольких отщепенцев, в ответ на призыв генерала де Голля поднялась на борьбу против оккупантов. Как если бы не было ни вишистского режима маршала Петена, ни депортаций французских евреев. Но при этом героизм оказался обезличенным, слишком много во французском Сопротивлении было коммунистов и слишком мало голлистов.

Новые процессы над нацистскими преступниками в 1960-х годах, и прежде всего дело Эйхмана, одного из главных организаторов «окончательного решения», осуждённого в Иерусалиме в 1962 году, привлекли внимание общественности к проблеме Холокоста. В ещё большей степени, чем само дело, на общественное мнение повлияла книга Ханны Арентс «Эйхман в Иерусалиме», где облик палача как «простого человека» и «рядового бюрократа» был поставлен в связь с теорией тоталитаризма. В демократическом молодёжном движении 1968 года также явно выделялся не только социальный протест, но и протест против поколения «отцов», не сумевшего свести счёты с нацизмом, в наследии которого молодёжь не без основания видела одну из причин сохранения антидемократических тенденций.

Поражение Израиля в информационном противостоянии после событий «войны Судного дня» в 1973 году заставило его идеологов обратиться к проблеме исторической вины за Холокост. Выведенная в широкое информационное поле, она затронула и вопрос ответственности за сотрудничество с нацизмом. В этот процесс были включены и гигантские информационные ресурсы США и НАТО, ведь в этот же период в Европе началось движение против противостояния с СССР, миллионы выступали против американских ракет, размещённых на территории европейских стран, а де Голль даже приостановил участие Франции в военных структурах НАТО. В этот период один из американских сенаторов обронил интересную фразу: «Пусть лучше европейцы извиняются за Гитлера, чем дерутся против наших ракет». (Возможно, фраза придумана журналистами, но она очень точно определяет настроения в американских кругах.) И вот в результате массивной обработки, по словам Питера Новика, память о Холокосте стала «гражданской религией» Запада. Немецкое общественное мнение начинает рассматривать национал-социалистическое прошлое «по Ясперсу», сквозь призму «немецкой вины» – по сути, торжествует перевёрнутая нацистская установка «вина целой нации». Аналогичные оценки в 1970-е и последующие годы многократно звучали в заявлениях высших официальных лиц Германии.

Например, для Франции, где на смену голлистскому мифу о Сопротивлении пришло болезненное осознание массового сотрудничества с оккупантами. Актуальность «синдрома Виши» (памяти о коллаборационизме и депортациях) не ослабевает вот уже около сорока лет. С большим трудом преодолевая голлистский миф, официальная Франция также признала – устами президента Жака Ширака – ответственность за соучастие в Холокосте. При этом не изменилось и обезличивание Сопротивления, в результате Вторая мировая война и роль в ней Франции в массовом со-

знании стёрты, и если в честь Первой мировой войны по всей Франции стоят помпезные памятники, то о героях Сопротивления нацизму – скромные памятные таблички, которые не всегда можно сразу заметить.

С падением Восточного блока в 90-е годы в европейской политике памяти начался новый процесс, в Европейский Союз включались не только страны из бывшего соцлагеря, в систему криминализации европейской памяти включались и новые страны. И если на западе Европы уже устоялся фактор коллективной вины за Холокост и нацизм, то на востоке Европы стояли народы, которые прошли период реальной денацификации, гордые своим сопротивлением фашизму. Для них был сформирован новый миф – об общности тоталитарных режимов (нацистского и коммунистического), а коллективная вина несопротивления нацизму трансформировалась в вину несопротивления коммунизации и советизации. Одновременно с этим романтизировалось и гипертрофировалось «антикоммунистическое сопротивление» (волнения в ГДР в 1953 году, мятеж в Венгрии в 1956 году, контрреволюционные события в Чехословакии в 1968 году, движение Солидарности в Польше).

Вскоре подспели и общеевропейские законодательные инициативы. Вот небольшая хроника происходящего.

Свою историю европейские мемориальные законы ведут от законов, запрещающих отрицание Холокоста. Первый мемориальный закон был принят в ФРГ в 1985 году, смысл его был исключительно политический, так как в 1960–70-е годы немецкие суды спокойно наказывали за отрицание Холокоста на основе других статей Уголовного кодекса (о запрете пропаганды нацизма и о защите личного достоинства). В 1986 году Израиль криминализовал отрицание Холокоста. Первый «классический» мемориальный закон («закон Гессо») был принят во Франции в 1990 году. Он послужил образцом для законов других европейских стран, равно как и нормативных документов ЕС, включая рамочное решение 2008 года.

К настоящему времени законы, криминализирующие высказывания о прошлом, имеются в 23 европейских странах, включая (наряду с Германией и Францией) Австрию, Бельгию, Швейцарию, Португалию, а также ряд стран Восточной Европы – Польшу, Чешскую Республику, Словакию, Словению, Венгрию, Румынию, Литву и Латвию. В некоторых из них используется термин Холокост, но чаще применяется более общая формула – запрещение восхвалять, отрицать или преуменьшать преступления против человечности. Обычно соответствующие статьи входят в разделы Уголовного кодекса, предусматривающие наказание за геноцид и другие преступления расистского характера. Мемориальные законы некоторых восточно-европейских стран (Польши, Венгрии, Литвы) содержат также запрет на отрицание преступлений коммунистических режимов.

Стоит отметить, что англо-саксонский мир, всячески проповедуя идеи мемориальных законов в других странах, у себя их не вводит. Так, в Великобритании, а также в странах Скандинавии отказываются принимать мемориальные законы, поскольку видят в этом ограничение свободы слова. Для борьбы с нацизмом, утверждают они, достаточно существующего антирасистского законодательства. Нет мемориальных законов и в США,

где ссылаются на Первую поправку к Конституции, которая запрещает Конгрессу принимать законы, ограничивающие свободу слова.

Затем очередь стала за общеевропейскими парламентскими институтами:

- 2006 год: Резолюция ПАСЕ «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов»;
- 2007 год: открытие Бушем памятника жертвам коммунизма;
- 2008 год: Пражская декларация «О европейской совести и коммунизме»;
- 2009 год: Резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы», та самая, в которой уравнивались сталинизм и национал-социализм;
- 2010 год: Декларация о преступлениях коммунизма;
- 2011 год: письмо в Европарламент глав Чехии, Болгарии, Румынии, Латвии, Литвы и Венгрии с призывом запретить в Европе отрицание преступлений коммунизма;
- 2012 год: конференция правового регулирования коммунистических преступлений, проведённая в Брюсселе с участием членов Европарламента, которая вынесла решение создать наднациональную судебную организацию, целью которой является осуждение преступлений, совершённых коммунистическими тоталитарными режимами;
- 2013 год: Брюссель, тоже с политическим участием членов Европарламента конференция под названием «Давид и Голиаф. Малые народы под игом тоталитарных режимов», завершившаяся призывом «Нюрнберг-2». Под новым Нюрнбергом подразумевается Международный трибунал над коммунизмом.

Все эти удары в одну точку, всё вертится вокруг нашей победы во Второй мировой войне, одновременно под удар подпадает и послевоенное мироустройство, так называемая Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Создав образ «преступного коммунизма», идеологи информационно-психологической войны идут дальше:

- 2014 год: мир отмечает 100-летие Первой мировой войны. И как по команде, появляется огромное количество литературы (в качестве примера – публикация гарвардского профессора Шона МакМикина «Русские корни Первой мировой войны»), проходят многочисленные конференции, проводимые англичанами и американцами, где доказывается, что Первую мировую войну развязал сербский национализм и русский империализм.

Выстраивается следующая конструкция: Первую мировую войну развязала Российская империя, используя сербских националистов, Вторую мировую войну развязал Советский Союз в сговоре с фашистской Германией, а сегодня Россия, потому что она всегда развязывала эти войны, развязывает третью мировую войну. Причём нередко об этом сообщают одни и те же авторы.

Через всё это готовится включение России в общую историческую политику криминализации и виктимизации прошлого. В ответ Россия тоже стала использовать мемориальное законодательство для защиты исторической правды.

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ В РОССИИ

На фоне оголтелого переписывания истории в странах Восточной Европы и Прибалтики, которое осуществляется при поддержке Европейского Союза и США, в России всё чаще стали говорить о том, что пора законодательно защитить историю Отечества и память о её героях.

В 2020 году этот процесс завершился внесением поправок в Конституцию страны. Среди них были и те, что касались защиты истории. Часть 3 статьи 67 гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». В статье 67 также появилась новая часть 2, где сказано, что Россия объединена тысячелетней историей и сохраняет память предков, «а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство».

Путь к этим поправкам был непростым.

В 1990-е годы ельцинское правительство практически утратило государственный суверенитет в области истории, у нас повсю издавались низкопробные западные книжки, любой специалист из-за рубежа считался непререкаемым авторитетом. Отношения между Россией и странами Восточной Европы казались добрососедскими, но строилось это «добрососедство» на постоянном признании вины СССР и России перед этими странами, когда освобождение от фашизма стали называть оккупацией, а строительство единого экономического пространства – эксплуатацией и обворовыванием. Наши чиновники толпами носили цветы к памятникам венгерских мятежников, которые убивали наших солдат в 1956 году, сдирали кожу с коммунистов и готовы были убить за цвет ботинок, а иностранные дельцы беззастенчиво грабили наши богатства.

Но в 2000-е годы, когда Россия стала задумываться о своём месте в мире, о своих национальных интересах, а в исторической среде возвысили голос патриоты, заглушая песнопения западных грантоедов, «добрососедство» стало меняться на ненависть. Новым символом единства стал солдат-освободитель, а Великая Победа мая 1945 года объединила нацию.

Но в странах Восточной Европы советский воин стал трактоваться не как освободитель, а как оккупант. Там был сформирован новый образ героя, пособники нацизма стали «героями борьбы с Россией», Польша, Литва, Латвия, Эстония, а позже и Украина начали мемориальные войны. Россия не смогла найти с ними общий язык, на котором можно было бы достигнуть взаимопонимания, ведь они не хотят слышать голоса фактов, а требуют от нас лишь одного – покаяния и признания вины. На этом мир не строят, на этом растут войны.

Когда в 2007 году в Таллине памятник солдату-освободителю перенесли из центра города на военное кладбище, в России родилась идея законодательно запретить реабилитацию нацизма. Но по вопросу о том, как именно это сделать, возникли разногласия. Существовали два проекта закона – пространный и краткий. Первый, опубликованный в апреле 2009 года на сайте Regnum, подробно объяснял, что реабилитация нацизма стала массовым занятием в Восточной Европе, и предлагал целую систему мер для борьбы с ней, включая создание Общественного трибунала, которому и надлежало направлять государственную политику памяти. Этот проект так и не дошёл до Государственной Думы. Зато Президент России Дмитрий Медведев создал Президентскую комиссию по борьбе с фальсификаторами истории, которая, увы, так и не смогла выполнить возложенные на неё задачи и вскоре была распущена. Причина этого крылась в составе комиссии, в которую было включено изрядное количество лиц, которые состоялись на борьбе с советской властью.

Одновременно в Государственную Думу группой депутатов от фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ» был внесён и краткий проект, в СМИ получивший название «закона Яровой» (по фамилии одного из его авторов). Уголовный кодекс Российской Федерации предлагалось дополнить статьёй 354.1, предусматривавшей тюремное заключение до трёх лет (при отягчающих обстоятельствах – до пяти) за «Искажение приговора Нюрнбергского трибунала [...], допущенное с целью полной или частичной реабилитации нацизма и нацистских преступников, либо объявление преступными действий стран – участников антигитлеровской коалиции, а также одобрение, отрицание преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершённые публично».

Правительство в своём отзыве раскритиковало законодателей за юридическую безграмотность:

«Вызывает сомнение наличие в законопроекте такого положения, как «объявление преступными действий стран – участников антигитлеровской коалиции», в связи с тем, что неясно, на какой круг действий оно распространяется [и] о каком периоде идёт речь».

Закон не прошёл. Напротив, в стране начался новый виток «десталинизации», в октябре 2002 года Дмитрий Медведев осудил преступления Сталина, а в следующем апреле Владимир Путин вместе с польским премьером Дональдом Туском преклонил колени перед памятником жертвам Катыни. В октябре 2010 года Государственная Дума, несмотря на протесты специалистов, историков, которые требовали детального рассмотрения всех фактов, приняла декларацию, официально признавшую Катынский расстрел преступлением советского руководства. Фракция КПРФ решительно выступила против этой декларации, справедливо указывая, что она уподобляется европейским мемориальным законам, которые вместо научной дискуссии вводят законодательное решение исторической проблемы. А депутат В. Илюхин даже предъявил доказательства фальсификации так называемых документов по Катыни из «Особой папки» ЦК КПСС. Но думское большинство проигнорировало все эти доводы и приняло декларацию.

Стоит отметить, что в законодательном плане это не первый подобный документ. Так, 24 сентября 1989 года Съезд народных депутатов СССР принял постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Мало того, что он дал старт распаду СССР, когда из него вышли прибалтийские республики, так и международный ущерб от этого постановления ощущается нашей страной до сих пор.

Однако инициативная группа не прекращала своей работы. С 2010 года от имени группы стала выступать заместитель председателя Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству Ирина Яровая, председатель государственно-патриотического клуба «ЕДИНОЙ РОССИИ». В апреле 2010 года в Думу была внесена вторая, ещё более краткая версия закона, предусматривавшая те же наказания за «одобрение или отрицание установленных приговором Нюрнбергского трибунала преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершённые публично». Краткость, впрочем, не добавила законопроекту ясности, поскольку упомянутый приговор – сложный для интерпретации документ, из которого далеко не всегда понятно, какие именно преступления нацистов установил трибунал. Нельзя не признать, тем не менее, что законодатели учли замечания правительства. Впрочем, это делу не помогло. Новая версия, как и старая, без движения лежала в Государственной Думе.

В это же время в Совете Федерации родился свой проект мемориального закона, инициированный Борисом Шпигелем, бизнесменом, членом Совета Федерации и президентом Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. В мае 2012 года, действуя в качестве заместителя председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, Шпигель убедил Межпарламентскую ассамблею СНГ принять модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников». Модельный закон СНГ должен был служить, по мысли Шпигеля, основанием для принятия аналогичного российского закона.

Информация о том, что в Совете Федерации подготовлен антинацистский закон для России, появилась в прессе в ноябре 2012 года, а в марте следующего года Шпигель покинул Совет Федерации, поскольку членство в нём стало несовместимым с его предпринимательской деятельностью. За несколько дней до ухода Шпигель представил в Государственную Думу два закона – естественно, пространный и краткий. Пространный был скопирован с модельного закона СНГ, он предусматривал создание уполномоченного органа, преимущественно из общественных активистов, призванного координировать действия государства и общественных организаций по противодействию реабилитации нацизма. Краткий же проект предусматривал внесение изменений в статью 282 УК РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства». В перечень составов преступления, могущих повлечь за собой заключение на срок до двух (при отягчающих обстоятельствах – до пяти) лет, предлагалось внести действия, направленные на «реабилитацию нацизма, героизацию нацистских преступников и их пособников [и] отрицание Холокоста».

После ухода Шпигеля из Совета Федерации его законопроекты ждала разная судьба. Пространный проект остался без движения, а краткий в июне 2013 года был возвращён «субъекту права законодательной инициативы в связи с несоблюдением требований Регламента Государственной Думы» (непредставлением отзывов Правительства и Верховного суда Российской Федерации).

Новым поводом для обращения к проекту Яровой стал громкий скандал вокруг поста Леонида Гозмана, сравнившего СМЕРШ («Смерть шпионам» – советскую военную контрразведку времён войны) с СС. Этот «плевок» в историю Победы советского народа в Великой Отечественной войне возбудил общественность. На фоне этого вице-спикер Думы единоросс Сергей Железняк призвал вернуться к закону Яровой. В конце июня – начале июля за неделю список соавторов закона дополнился 37 фамилиями депутатов (сегодня в списке соавторов проекта 49 депутатов от всех фракций).

Однако в июне 2013 года, через несколько дней после сообщений о реанимации закона Яровой, Совет Федерации выступил со своим проектом мемориального закона. Инициатива исходила от сенатора Константина Добрынина, преемника Шпигеля на посту заместителя председателя Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству. Он заявил: «Мы предлагаем принять базовый законопроект о запрете реабилитации нацизма, где будут даны все дефиниции, и две поправки – в статью 282 УК РФ, где расширим понятие экстремистской деятельности, и в сам закон об экстремизме».

Когда страсти по провокации Гозмана улеглись, продвижение закона Яровой остановилось. Но в январе 2014 года грянул новый скандал, на этот раз вокруг телеканала «Дождь», который бросил новую провокацию, задав в годовщину снятия блокады Ленинграда вопрос телезрителям, не стоило ли сдать Ленинград фашистам, чтобы спасти жизни горожан. Возмущению ленинградцев не было предела. На этом фоне в Государственную Думу была внесена третья по счёту версия закона, которая криминализирует «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, соединённых с обвинением в совершении преступлений, установленных указанным приговором, совершённые публично».

Казалось, что и в этот раз закон ляжет на полку. В феврале «Известия» со ссылкой на «источник в Кремле» сообщили: «В администрации Президента [...] пришли к выводу, что ни один из существующих проектов [...] не может быть поддержан со стороны Кремля». По поводу проекта Яровой «источник» будто бы заявил: «Нас не устраивает правовая размытость документа». 13 марта появился отрицательный отзыв Правительства на законопроект. «Концептуально поддерживая идею», Правительство указало на неправильное использование терминов, двусмысленные формулировки, дублирование существующих статей Уголовного кодекса. Отсюда вывод: «законопроект требует существенной доработки».

Однако Государственная Дума не согласилась с Правительством Российской Федерации, и 4 апреля единогласно приняла закон в первом чтении.

Процесс был завершён 5 мая 2014 года, когда был принят Федеральный закон № 128-ФЗ, который внёс поправки в Уголовный кодекс, введя статью 354.1 «Реабилитация нацизма»:

«1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершённые публично, наказываются штрафом в размере до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до трёх лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же деяния, совершённые лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения, наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до трёх лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет.

3. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершённые публично, наказываются штрафом в размере до трёхсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трёхсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года».

ЗАКОН ХОРОШО, А НАУКА ЛУЧШЕ

Почему сегодня важно говорить не только о внешней угрозе правдивого взгляда на нашу историю? Помимо внешнего фактора, о котором уже писалось выше, существует и внутренний. Наша страна и общество пережили гигантскую травму разрушения государства, очернения и отказа от его идеологии, изменения социальных связей и коммуникаций, разрыв деловых, дружеских и семейных связей, переоценку ценностей. В обществе сформировались две неравных группы.

Одна из них – либералы-западники и примыкающие к ним почвенники-антикоммунисты. Эти люди отрицают успехи нашей страны в XX веке, отрицают единство её тысячелетней истории – западники преувеличивают

видят лишь в рабской сущности менталитета русских, а почвенники – в том, что страна перестала существовать в октябре 1917 года. Они охотно воспринимают западные тезисы и всюю готовят почву для криминализации истории нашей страны на европейский манер. Эта группа незначительна в процентном отношении, но она имеет практически неограниченный доступ к СМИ, к преподавательским кафедрам и финансовым ресурсам.

В то же время значительная часть российских граждан, как свидетельствуют опросы общественного мнения, полемика в СМИ и Интернете, бытовые разговоры, по-прежнему идентифицируют себя в качестве советских людей. Социологические исследования показывают, что основой подобной идентичности является сохранение в памяти людей положительного отношения к советскому историческому прошлому. В частности, более 80 % опрошенных испытывают чувство гордости за победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, до 50 % – за ведущую роль страны в освоении космоса, до 30 % – за превращение страны в советские времена в одну из ведущих в промышленном отношении держав мира [Общественное мнение 2018, с. 30].

С 1999 года и до настоящего времени стабильно высоким (45–48 %) остаётся процент граждан, испытывающих чувства стыда и огорчения от распада СССР, тогда как стабильно снижается процент тех, кто испытывает аналогичные чувства от репрессий, террора, выселения народов, гонений на церковь в советские годы.

На этом фоне возникает вопрос о государственной идеологии России. Ведь только она может определить вектор развития. Однако с формальной точки зрения в России нет государственной идеологии – Конституция Российской Федерации в статье 13 провозглашает следующее: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но с точки зрения социально-политических процессов реальная жизнь отличается от прописанных в законах норм и правил, порой весьма значительно. И даже если идеологические постулаты, как совокупность идей правящего класса, элиты, не оформлены в чётком документе или концепции, они всё же присутствуют в обществе, и в первую очередь в концепции исторического развития. Историческое прошлое является важным и наиболее удобным полем распространения идей. И здесь нужно обратить внимание, что на протяжении всей постсоветской истории российская власть совместно с аффилированными с нею общественными объединениями и организациями, такими как общество «Мемориал», музей ГУЛАГа, «Ельцин-центр», фонды Яковлева и Горбачёва и другие, формируют свою, удобную им картину прошлого, а по сути, занимаются переформатированием исторического сознания российских граждан. Данная идеологическая политика проводится под незамысловатыми рассуждениями о необходимости «нового взгляда», «переосмысления» прошлого, раскрытия «белых пятен» российской истории. Главным объектом такого «переосмысления» является советская и дореволюционная история. При этом на современный, постсоветский период истории наложено негласное табу, о нём стараются не вспоминать, замалчивая рассмотрение даже таких крупных событий, как деятельность

антисоветских сил по разрушению СССР, история приватизации, расстрел парламента в октябре 1993 года и так далее.

Вместе с тем под воздействием просоветской части общества со второго десятилетия 2000-х годов изменилось отношение правящей власти к истории Великой Отечественной войны; данный период представляется сегодня как время проявления патриотизма, массового героизма и мужества советских граждан. Правда, по-прежнему нам пытаются внушить, что победу «одержал народ, а не Сталин», а про роль ВКП(б) и вовсе стараются умалчивать. Одновременно проводится политика замены символов Победы – внедрение Георгиевской ленты (ленты ордена, отменённого за 17 лет до Великой Отечественной войны).

В то же время в разы увеличилось количество различных мероприятий, информационных передач, в которых позитивно освещается эпоха Николая II. Монархические и религиозные идеи всё шире распространяются в обществе, всячески популяризируются различными средствами. На некоторых информационных ресурсах даже договорились до того, что наша победа в 1945 году заложена Николаем II.

Общим местом на центральном телевидении и в федеральных СМИ остаётся принципиальное неприятие советского строя, негативное, подчеркнуто ёрническое, неуважительное отражение в кино, на телевидении, в печати истории Октябрьской революции, деятельности большевистской партии, таких личностей, как В. Ленин, И. Сталин.

Всё это приводит к переформатированию исторического сознания российских граждан и, соответственно, размыванию их культурной идентичности. И немалую роль в этом процессе играет фальсификация истории.

Основными методами фальсификации являются фальсификация факта, события, явления или источника, а также их субъективная интерпретация. Подробно такие приёмы, с помощью которых осуществляется реализация данных методов, рассматривает кандидат исторических наук В. В. Корнеев.

«Подмена, искажение факта, события, явления или источника происходит с помощью набора довольно-таки нехитрых приёмов. По степени значимости выделим, в первую очередь, подбор «нужных» и игнорирование «неудобных» фактов. В качестве примера можно привести общезначимые государственно-культурные мероприятия, такие, например, как мультимедийная выставка в Манеже «Моя история. XX век. 1914–1945 гг. От великих потрясений к Великой Победе». Эта грандиозная выставка работала до конца 2015 года и по количеству залов, по насыщенности различной техникой превзошла все предыдущие. Организаторами выставки являлись государственные органы, российские архивы, РПЦ. Главный идеологический концепт этой выставки – «прекрасная Россия до 1917 года с её не менее прекрасным руководством, которую разрушили в 1917 году всякие революционеры и кровавые маньяки-большевики». Помочь достижению поставленных целей должны были совершенно новые для российского зрителя мультимедийные средства, действующие не столько на сознание, сколько на подсознание человека. С помощью чего это достигалось? Вот на одной

большой стене ярко, красочно и доходчиво представлены цифры о «процветании» дореволюционной России. Кто автор данных показателей, насколько они достоверны? Неважно, главное, они демонстрируют умопомрачительное «движение вверх» Российской империи. А вот другая огромная стена, где специально подобраны «благопристойные» дела монархов и членов их семей. Конечно, о расстрелах, карательных отрядах, экзекуциях царской власти по отношению к простому народу, погромах, в том числе массовых против евреев на национальных окраинах, нищете подавляющей части народа и т. п., на выставке ничего не говорится».

Но это то, что называется относительно честным приёмом, – умалчивание. Но, к сожалению, фальсификаторы на этом не останавливаются, а специфика нашего информационного пространства даёт им доступ к большим массам граждан нашей страны.

Говоря о масштабах фальсификации истории, невозможно пропустить тему верификации информации в современном мире. Когда поднимается тема фальшивок, она очень часто списывается на общедоступность сети Интернет и невозможность проверить достоверность информации. Да, действительно, интернет славится и большой долей анонимности, и отсутствием качественного анализа предоставленной информации – здесь может писать как академик, так и обычный двоечник. Но если бы фальсификация истории происходила только в сети Интернет, это было бы полбеды. К сожалению, всё чаще проводниками фальсификации являются документальные передачи, фильмы, новостные выпуски телевизионных каналов, включая федеральные, такие как «Россия», НТВ и «Первый». Как читатель увидит далее, многие из уже опровергнутых фальшивых документов, таких как «Генеральное соглашение НКВД и гестапо», «документы Сиссона» или «рапорт по Мологе», из сети Интернет попали на телевизионные экраны. Причин такому явлению две. Первая – это уже упоминавшаяся политика антисоветизма, когда любая информация против советской действительности, правящей в СССР партии и её лидеров получает «зелёный свет» на всех каналах. Вторая – это кризис экспертности, когда журналист выступает и в роли историка, и в роли исследователя, и в роли эксперта. Если при нормальном развитии автор программы от экспертов (а ими должны быть профессиональные историки) получает не подтверждение информации, почерпнутой из интернета, а то и прямое её опровержение, то он меняет сценарий, ориентируясь на мнение специалистов в данном вопросе. Увы, у нас телевизионный процесс построен совершенно по-другому: автор находит в интернете, как правило, на непроверенных и сомнительных сайтах, горячую информацию и подбирает «экспертов» под нужный текст, если же специалист опровергает эту горячую информацию, указывает на её фальсифицированный характер, то его просто убирают из кадра, а в роли «эксперта» выступает журналист, писатель, уфолог, любая «говорящая голова», готовая озвучить нужный текст. Всё это приводит к тому, что качество документальных программ падает с катастрофической скоростью.

Поэтому во второй части данной книги приведу разбор наиболее часто встречающихся фальшивых документов.

ЛЕНИН И НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ

К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции телеканал «Россия-1» «порадовал» своих зрителей очередной телестряпней под названием «Кто заплатил Ленину?». Весь фильм построен на уже давно известной антисоветской кампании середины XX века. Одна из любимых тем что российского телевидения, что антисоветских публицистов всех мастей – это обвинение Ленина в измене и шпионаже в пользу кайзеровской Германии. Вся она основана на так называемых «документах Сиссона».

Так как тема этих фальшивок неоднократно разоблачалась, приведу выдержку из статьи известного историка Юрия Емельянова в газете «Правда» за 20 ноября 2012 года:

«...Эта ложь была разоблачена ещё в ленинских статьях 1917 года («Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Новое дело Дрейфуса?», «Дрейфусиада», «В опровержение тёмных слухов» и другие).

Однако очернители советской истории продолжали прибегать к давно разоблачённым фальшивкам. Тридцать лет назад, находясь за границей, А. И. Солженицын сочинил пасквиль «Ленин в Цюрихе», в котором пытался доказать связь Ленина с кайзеровской Германией через авантюриста Парвуса. Несколько киноподелок на эту тему прошли по каналам российского телевидения.

Два года назад в опубликованной в «Правде», а затем вышедшей отдельным изданием книге Владлена Логинова «Неизвестный Ленин» была дана обоснованная многочисленными фактами отповедь всем этим измышлениям.

Во-первых, В. Логинов разбил все домыслы Солженицына и других о сотрудничестве Ленина и Парвуса во время Первой мировой войны. В книге были приведены свидетельства, в том числе и самого Парвуса, об отказе Ленина вести какие-либо переговоры с ним.

Во-вторых, Логинов подробно рассказал о реальных, а не мнимых договорённостях между Лениным и властями Германии об условиях проезда российских политических эмигрантов из Швейцарии в Россию. В частности, было указано, что в России находилось немало интернированных немцев, в возвращении которых было заинтересовано правительство кайзера. Одним из условий было обязательство эмигрантов агитировать за возвращение этих немцев на родину.

В-третьих, в книге подробно разобраны и разоблачены все фальшивки, к которым прибегла полиция Временного правительства для обвинения Ленина в сотрудничестве с Германией. Для этого Логинов привлёк сведения из книги американского историка С. Ляндерса «К пересмотру проблемы немецкого золота». Ляндерс, по словам Логинова, «тщательно

WAR INFORMATION SERIES

No. 26—October, 1918

The GERMAN-BOLSHEVIK
CONSPIRACY

ISSUED BY
THE COMMITTEE ON PUBLIC INFORMATION
GEORGE CREEL, Chairman

Титульная страница бумаг Сиссона
о «германо-большевистском заговоре»

проанализировал весь комплекс телеграфной переписки между Стокгольмом и Петроградом». В то время как следственная комиссия Временного правительства уверяла, будто эти телеграммы изобличали Ленина в получении денег из иностранных источников, изучение содержания всех 66 телеграмм показало, что в них речь шла о чисто коммерческих сделках, в ходе которых «все денежные переводы всегда шли из Петрограда в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении».

Казалось бы, все аргументы клеветников биты, но они не унимаются, а часть населения страны верит им. Один из вопросов, который был мне задан во время дискуссии в радиопередаче «Русской службы новостей» 4 ноября, звучал так: «Был ли Ленин германским шпионом?» А на другой день по каналу НТВ был показан фильм Сергея Морозова «Октябрь 17-го. Почему большевики взяли власть?». В фильме была разыграна сценка, в которой некий британский агент готовит донесение по поводу тайной встречи Ленина с представителями германской разведки в начале 1917 года. Нет сомнения в том, что источником вдохновения авторов этой сцены являются пресловутые «бумаги Сиссона», к которым постоянно прибегают отечественные фальсификаторы истории.

Ещё в 1932 году британский разведчик Джордж Хилл в своей книге «Моя шпионская жизнь» рассказал о том, как он, находясь в 1918 году в Петрограде, стал свидетелем приобретения своим коллегой материалов, которые якобы изобличали Ленина и других советских руководителей в сотрудничестве с германской разведкой. За них было заплачено 15 тысяч тогдашних фунтов стерлингов, или 150 тысяч золотых рублей. Британский разведчик приобрёл письма, отправленные примерно в одни и те же дни из самых разных городов мира.

Решив внимательно изучить письма, Хилл, по его словам, «взял увеличительное стекло и обнаружил, что везде в этих разных документах русская буква «е» немного недописана. Я сразу заявил, что это фальшивка». Сын британского посла Роберт Брюс Локкарт в своей книге «Ас шпионов» утверждал, что английский шпион Сидни Рейли также указал на то, что «все письма из разных концов России однотипны до крайности, словно их писал один и тот же человек».

Всё же англичане решили обратиться к экспертам. По словам Хилла, «квалифицированный эксперт доказал, что почти все бумаги отпечатаны на одной и той же машинке. Это было весьма важно, поскольку документы считались поступившими из разных мест, отстоящих друг от друга на сотни миль». Затем британские разведчики «нашли парня, который фабриковал эти документы, и он на допросе признался в их подделке».

Англичане были расстроены, что потратили много денег зря. Убедившись в том, что письма сфабрикованы, С. Рейли предложил своему начальнику Бойсу продать «документы» американцам, что «тот и сделал, выручив у господина Сиссона, главы миссии США в Петрограде, солидную сумму денег». Это же подтверждал и Хилл: «Мы продали эти документы американцам за 25 тысяч фунтов стерлингов (250 тысяч золотых рублей)». Таким образом, на перепродаже фальшивки англичане заработали 10 тысяч фунтов стерлингов, или 100 тысяч золотых рублей.

Американцы приняли фальшивку за чистую монету. В конце октября 1918 года Расследовательное бюро США (которое потом превратилось в Федеральное бюро расследований, или ФБР) использовало «бумаги Эдгара Сиссона» для издания брошюры «Германо-большевистский заговор». По словам Хилла, эти липовые документы «американцы распространяли в колчаковской и деникинской армиях».

Однако, ознакомившись с опубликованными американцами «бумагами Сиссона», многие авторитетные люди признали в них грубую фальшивку. В своих воспоминаниях президент Чехословакии Т. Масарик писал: «Не знаю, сколько затратили на них американцы, англичане и французы, но для сведущего человека сразу было видно, что наши друзья купили подделку – все документы, которые должны были присылаться из разных государств, были отпечатаны на одной пишущей машинке».

Так же прореагировал на появление американских брошюр с «бумагами Сиссона» и бывший британский посол в России Брюс Локкарт. В своих воспоминаниях он писал: «Это были якобы подлинные, но на самом деле поддельные документы, которые я уже видел раньше... Некоторое время они циркулировали в кругах, связанных с союзническими миссиями в Петрограде. Одна серия «оригиналов» была приобретена американским агентом. Через несколько месяцев обнаружилось, что эти письма, якобы пришедшие из разных мест, таких, как Спа, Берлин и Стокгольм, были отпечатаны на одной и той же машинке».

Через какое-то время в мире потеряли интерес к этой фальшивке. Знаменательно, что даже геббельсовская служба, которая не погнушалась использовать факт взятия в плен Якова Джугашвили для развёртывания антисоветской пропаганды и даже использовала в этих целях мнение племянника В. М. Молотова, не решилась пойти на реанимацию лживых обвинений о сотрудничестве Ленина с германской разведкой. Забыли о фальшивке и в США.

Расследованием «бумаг Сиссона» занялся лишь в середине 50-х годов известный дипломат, историк и советолог Джордж Кеннан. После тщательного анализа он признал факт фальсификации и огласил имя их создателя. Им оказался некий Фердинанд Антоний Оссендовский. В 1982 году Общество американских архивистов официально признало ошибку своих экспертов в 1918 году.

Прошло много лет, и вот в 2002 году вышел двухтомник Акима Арутюнова «Ленин», в котором целая глава была посвящена «бумагам Сиссона». Игнорируя выводы многочисленных экспертов, А. Арутюнов объявил фальшивку подлинной. Относительно же экспертизы Кеннана А. Арутюнов написал: «Внимательно изучив труд Кеннана, к сожалению, должен констатировать, что он меня разочаровал. Удивило меня прежде всего то, что он, бесспорно авторитетный учёный, из 70 документов подверг экспертизе относительно полно лишь 12... Фактически при экспертизе Кеннан основное внимание уделит графологическому аспекту». При этом Арутюнов скрыл то, что бросалось в глаза всем, кто внимательно читал документы: они отпечатаны на одной и той же машинке, хотя были якобы посланы из разных городов мира почти одновременно.

На самом деле, подвергнув подробному разбору лишь часть писем и убедившись в том, что они поддельные, Кеннану не было нужды копаться в остальных фальшивых «документах». Бывший посол США поступил как редактор издательства из старого американского анекдота. Тот получил разгневанное письмо автора отвергнутого им романа, в котором говорилось: «Вы даже не удосужились прочесть до конца мою книгу. Я нарочно склеил 420-ю и 421-ю страницы, а они так и остались неразрезанными». Редактор ответил: «Сэр! Когда я утром ем яйцо и в первой ложке обнаруживаю, что оно – тухлое, мне не надо есть его до конца».

То обстоятельство, что наши идейные враги прибегают к «бумагам Сиссона», свидетельствует, с одной стороны, о глубоком презрении к народу нашей страны, которому подсовывают давно протухшие фальшивки. С другой стороны, становится всё более очевидным, что у клеветников за 95 лет не появилось никаких серьёзных оснований для того, чтобы опочить память Ленина и Октября. Как бы ни старались клеветники, правда о Великой революции и её вождях восторжествует в нашей стране».

На этом можно было бы поставить точку, но так как фальсификаторы не унимаются, приведу ещё несколько доказательств.

В подлинность «документов Сиссона» не верил ни один серьёзный автор, независимо от своей политической позиции, включая таких лиц, посвятивших всю свою жизнь борьбе с большевиками и написавших массу трудов антисоветской направленности, как Мельгунов, Керенский и Бурцев.

Как уже упоминалось, когда в 1955 году случайно обнаруженные подлинники «документов Сиссона» были переданы в Национальный архив в США, доступ к ним получил известный американский дипломат и историк Джордж Кеннан.

При исследовании этих документов он прежде всего обратил внимание на то, что содержание многих из этих документов явно противоречит известным историческим фактам об отношениях между Германией и большевиками, в частности, их острому противоборству вокруг Брестского мира. Уязвимыми для проверки оказались и многие конкретные обстоятельства, упоминаемые в «документах».

Можно привести характерный пример, показывающий, каким образом в этих «документах» создавалась видимость достоверности. Так, Джордж Кеннан выяснил, что упоминаемые в «документах» многочисленные «германские агенты», засылаемые на Дальний Восток, были сконструированы очень простым способом: просто-напросто использовались фамилии людей, с которыми так или иначе сталкивался журналист Оссендовский во время своего пребывания на Дальнем Востоке. При этом Джордж Кеннан опирался на опубликованную ещё в 1919 году брошюру проживавшего во Владивостоке морского офицера Панова, который вскрыл полную несостоятельность «документов», имеющих отношение к Дальнему Востоку.

Кроме того, проведя тщательную экспертизу машинописного шрифта «документов», американский исследователь выяснил, что для их изготовления использовалось пять различных пишущих машинок. Он установил, на каких именно пишущих машинках был выполнен каждый документ, и пришёл к выводу: документы якобы из русских источников были реально

изготовлены в том же самом месте, где и документы, претендующие на то, что они исходят от германских учреждений, – это явный признак обмана.

В 1990 году к проделанной Кеннаном работе отечественный историк Геннадий Соболев добавил тщательный анализ фактических неточностей и противоречий, явно исторически неправдоподобных «подробностей» и так далее, содержащихся в документах. Среди них – именование правительства России в немецком документе, датированном 25 октября 1917 года, Советом Народных Комиссаров, хотя в тот день никакого СНК ещё не существовало, и лишь вечером этого дня Ленин с Троцким обсуждали возможные варианты названия будущего Временного рабочего и крестьянского правительства. В другом документе указывается неправильное (бытовое) название «Петербургское охранное отделение», хотя, во-первых, его официальное наименование было «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице», и во-вторых, Петербург в это время давно уже именовался Петроградом. Подобного рода несуразности перечисляются на многих страницах.

Исследование Джорджа Кеннана было продолжено известным петербургским историком В. И. Старцевым. Работая в Национальном архиве США, он обследовал личный фонд Эдгара Сиссона, где обнаружил ещё около сорока документов того же происхождения, что и опубликованные сиссоновские, но имеющие более поздние даты и так и не вышедшие в свет.

Среди них так называемые «документы Никифоровой», призванные доказать, что Германия, готовясь к Первой мировой войне, загодя составляла планы финансовой поддержки большевиков в своих интересах. Анализ Старцевым этих документов неопровержимо доказал, что они были сочинены «ретроспективным» путём, чтобы в подкрепление к уже имеющимся фальшивкам подверстать более «старый» документ «немецкого происхождения». В частности, некий циркуляр Германского генерального штаба своим военным агентам от 9 июня 1914 года перечисляет среди стран – противников Германии Италию, хотя тогда она была членом Тройственного союза и переметнулась к Антанте только в 1915 году. Другой документ – циркуляр Министерства финансов Германии от 18 января 1914 года – рекомендовал дирекциям кредитных учреждений установить теснейшую связь и совершенно секретные сношения с предприятиями, поддерживающими оживлённые сношения с Россией, и среди них – с банкирской конторой «Фюрстенберг» в Копенгагене. Но банкирская контора «Фюрстенберг» никогда не существовала, а реальный Фюрстенберг-Ганецкий жил в это время в Австро-Венгрии, где перебивался с хлеба на воду. Директором же экспортно-импортной конторы Парвуса в Копенгагене он стал только в 1915 году.

Многие документы были изготовлены на поддельных бланках и украшены угловыми штампами никогда не существовавших немецких учреждений: Центрального отделения Большого генерального штаба Германии, Генерального штаба флота открытого моря Германии и Разведывательного бюро Большого генерального штаба в Петрограде.

Старцев не только доказал поддельность и органическое сходство обнаруженных им документов и опубликованных «документов Сиссона»,

но и указал единый источник их происхождения – известного журналиста и писателя Фердинанда Оссендовского. Этот талантливый мистификатор, как установил Старцев, с ноября 1917 по апрель 1918 года изготовил около 150 документов о «германо-большевистском заговоре».

Но фальсификаторы не унимались: два ярых антисоветчика, Дмитрий Волкогонов и А. Г. Латышев, обнародовали «документ», который, как они утверждали, был найден ими в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Это ранее засекреченный «документ», с пометкой Ленина, следующего содержания (ф. 2, оп. 2, д. 226):

*«Народный Комиссар по Иностранным Дела
(совершенно секретно)
Петроград, 16 ноября 1917 года.
Председателю Совета Народных Комиссаров.*

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров, тт. Лениным, Троцким, Подвойским, Дыбенко и Володарским, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъят приказ германского императорского банка за № 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Проверены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по ордеру Германского Императорского банка за № 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина.

*Уполномоченные Народного Комиссара по Иностранным Дела
Е. Поливанов, Ф. Залкинд»*

А. Латышев указывал, что наличие этого документа, идентичного документу из «собрания Сиссона», в спецархиве КПСС показывает, что не ко всем «документам Сиссона» должно относиться как к фальшивкам, а минимальное разночтение, обнаруженное в текстах из собрания Сиссона и хранившегося в ЦПА, объясняется тем, что документ Сиссона известен нам в двойном переводе – на английский язык и с английского.

Геннадий Соболев, однако, утверждает, что текстологическое изучение этих документов позволяет выявить не только «минимальные разночтения», неправильное воспроизведение номеров счетов Имперского банка, труднообъяснимые совпадения ошибок и опечаток, но и предположить, что в данном случае мы имеем дело не с подлинником, а с текстом, переведённым с английского из опубликованных «документов Сиссона». Соболев считает, что нет ничего удивительного в том, что такой документ оказался в фонде Ленина: Ленин, конечно же, следил за тем, что писали о его «связях с Германией», и, как сообщает Волкогонов, в Центральном особом архиве даже хранится досье Э. Сиссона.

На поддельность документа указывают следующие факты:

а) непонятно, зачем по такому щекотливому вопросу да ещё в таком составе созывать совещание и принимать резолюцию, да ещё привлекать к этой деликатной операции почти «человека с улицы» – Евгения Поливанова, проработавшего в Наркоминделе в должности сотрудника канцелярии всего несколько недель;

б) непонятно, почему Временное правительство не опубликовало в июльские дни 1917 года приказ германского имперского банка от 2 марта 1917 года, предписывающий платить Ленину и его соратникам «за пропаганду мира», вместо того чтобы публиковать невнятную коммерческую переписку между Петроградом и Стокгольмом;

в) названные в этом документе лица, которым платили «за пропаганду мира», в марте 1917 года находились в разных концах Европы и даже в Америке;

г) непонятно, как удалось уполномоченным Наркоминдела не только просмотреть, но и заполучить «книги банка Нуа» из Стокгольма в Петроград, чтобы их «передать Мюллеру, командированному из Берлина».

Наличие документа в архиве ещё не делает его подлинником. Помните, как в фильме про Штирлица на вопрос о его досье Мюллер говорит: «Ничего интересного, ваши доносы, доносы на вас»? Так и в реальности помимо подлинных документов в архивах оседают и подделки, пропаганда. Важно смотреть, в каком они находятся фонде и как атрибутированы. Пример – приказ Берии и Жукова о депортации украинцев.

«ПИСЬМО ЗИНОВЬЕВА», ИЛИ БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ФАБРИКА ФАЛЬШИВОК

Эта история началась в октябре 1924 года во время парламентских выборов, которые британские консерваторы и либералы проиграли с треском. К власти в стране впервые в истории Британии пришло лейбористское правительство Джеймса Макдональда, которое было неплохо расположено к СССР. Правда, к власти они пришли лишь благодаря коалиции с либералами, так как не располагали в парламенте большинством. Однако Макдональд и его правительство продержались у власти недолго – всего девять месяцев. Либералы разорвали коалицию и отказали лейбористам в поддержке. На 29 октября 1924 года в стране были назначены новые выборы. Одержимые идеей реванша, английские консерваторы рвались к власти. Заинтересованные в этом сторонники консерваторов не брезговали никакими средствами.

25 октября 1924 года, за 4 дня до парламентских выборов в Великобритании, в газете Daily Mail было опубликовано «Письмо Зиновьева», якобы написанное председателем Коминтерна Григорием Зиновьевым, адресованное ЦК Компартии Великобритании. «Письмо», датированное 15 сентября 1924 года, содержало призыв содействовать укреплению от-

ношений с правительством большевиков и активизировать подрывную работу в армии и на флоте, готовить собственные кадры для грядущей гражданской войны, провозглашало курс на вооружённую борьбу с буржуазией. В письме предлагалось создавать ячейки «во всех войсковых частях, а также на фабриках, изготовляющих вооружение». Многими в Англии «письмо» было воспринято как план вооружённого восстания левых на Британских островах.

«Письмо» вызвало шумный скандал. В тот же день, как оно появилось в СМИ, британский МИД направил специальную ноту полномочному представителю СССР в Великобритании Раковскому. В ней «письмо Зиновьева» трактовалось как «инструкция для британских подданных для насильственного свержения существующего строя в этой стране и разложения вооружённых сил Его Величества». «Всякий, кто знаком с уставом и связями Коммунистического Интернационала, – говорилось в ноте, – нисколько не станет сомневаться в его тесной связи и контакте с советским правительством», а потому «письмо Зиновьева» квалифицировалось как прямое вмешательство Советского государства во внутренние дела Великобритании. Это был серьёзный политический демарш, грозивший полным разрывом дипломатических отношений и откровенной конфронтацией.

В ответе Раковского на ноту, который последовал уже на следующий день, категорически отрицалась подлинность «письма Зиновьева» и приводился ряд серьёзных доказательств того, что оно «является работой преступных личностей, недостаточно знакомых с конструкцией Коммунистического Интернационала». Во-первых, сообщал Раковский, в циркулярах и иных документах Коминтерна последний никогда не называет себя «Третьим Коммунистическим Интернационалом», как сказано в «письме», в силу того, что не существовало ни первого Коммунистического, ни второго Коммунистического Интернационалов. Во-вторых, «письмо» подписано Зиновьевым в качестве «председателя Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», тогда как он официально является Председателем Исполкома Коминтерна. Кроме того, по словам Раковского, «всё содержание документа с коммунистической точки зрения состоит из ряда нелепостей, имеющих целью просто восстановить британское общественное мнение против Советского Союза и подорвать усилия, которые были приложены обеими странами для установления длительных и дружеских отношений».

И хотя многие английские политические деятели открыто сомневались в его подлинности, фальшивка сделала своё дело. Лейбористы потеряли 40 мест в парламенте. К власти в Великобритании пришло правительство консерваторов, которое возглавил Стэнли Болдуин. В составе нового правительства оказалось немало сторонников быстрого разрыва англо-советских дипломатических отношений.

В течение октября – декабря 1924 года подлинность «письма», обстоятельства опубликования, политические последствия во внутриполитической борьбе Великобритании не раз дебатировались в парламенте Великобритании. Сам «автор» письма – Зиновьев – дал интервью представителям СМИ, в котором публикацию «письма» рассматривал как про-

вокацию накануне выборов вождей либерально-консервативного блока Великобритании и обещал обратиться от лица Коминтерна в Генеральный совет английских профсоюзов с просьбой назначить комиссию для проверки подлинности «письма». Более того, Зиновьев указал и на то, что 15 сентября 1924 года он находился на лечении в Кисловодске и, следовательно, никаких официальных писем подписывать не мог.

На фальшивом «письме» стояли также подписи представителя английских коммунистов Артура Мак-Мануса и одного из руководителей Коминтерна Отто Куусинена, они тоже заявили о непричастности к публикации.

Между тем лондонским представительством СССР 28 октября было получено адресованное на имя Раковского письмо некоего Синклтона. В нём автор сообщал, что он готов представить 30 фальшивых документов, которые вскоре «будут употреблены, чтобы дискредитировать Россию».

29 октября Синклтон был принят первым секретарём советского полпредства Битнером. В ходе беседы тот сообщил, что, будучи англичанином, он ещё до революции вёл разведывательную работу в пользу России, являясь тайным агентом военного атташе российского посольства в Лондоне. Сохранённые им симпатии к России заставили Синклтона предпринять действия, направленные на разоблачение авторов «письма Зиновьева». В результате этого расследования ему удалось установить, что в Лондоне действует организация «Британский Королевский союз», финансируемая неким графом Нортгюмберлендским и газетой «Морнинг пост». Этот союз и занимался изготовлением фальшивок. Среди сотрудников названной организации ему были известны некие Реджинальд Вильсон и капитан Томплинс. Синклтон предъявил подлинники и фотокопии фальшивых документов, которые должны были в скором времени использоваться против СССР.

До нас дошли четыре из тридцати документов, предъявленных Синклтоном в советское полпредство. Первый из них – «Договор» между Социалистической рабочей партией Великобритании и Социалистическим рабочим пресс-бюро, полномочными представителями которых выступали проживавшие в Глазго некие Томас Митчел и Джон Гендерсон, с одной стороны, и Исполком Совета русских рабочих и Социалистический рабочий Национал в Гамбурге – с другой. «Договор» составлен на бланке, увенчанном символическим изображением руки рабочего, держащей молот, и надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», снабжён подписями и печатями представителей Социалистической рабочей партии и Социалистического рабочего пресс-бюро. «Договор» содержал программные обязательства Митчеля и Гендерсона перед Исполкомом Совета русских рабочих и Социалистическим рабочим Националом, а также определял технические вопросы их взаимодействия. Программные цели договора предусматривали обязательства Митчеля и Гендерсона создать по всей Великобритании сеть агитаторов, призванных «вызвать промышленные конфликты и привить рабочим, занятым в основных отраслях промышленности, революционную доктрину и идею экономического контроля над производством», организовать воскресные пролетарские школы для молодёжи с целью её приобщения

ния к революционным идеям и воспитания атеизма, наладить получение «столько, сколько можно, сведений государственной важности: дипломатических, морских, военных, гражданских, политических и иных сведений, которые могут быть чем-нибудь интересны или полезны Революционному исполкому России или Германии». Последние обязались оплачивать услуги своих партнёров, которые время от времени должны были не только представлять письменные отчёты конспиративным путём, но и посещать Россию и Германию для устных докладов.

«Договор» продолжал и конкретизировал программные установки «письма Зиновьева», с той лишь разницей, что теперь проводником политики Коминтерна-СССР выступали уже социалистические организации западных стран, которым фактически отводилась роль разведывательных органов. Однако авторы фальшивки продемонстрировали незнание организационного построения международного рабочего движения. Всего двумя-тремя незначительными, но крайне показательными ошибками они позволили разоблачить подлог. Вполне возможно было предположить существование в Глазго «Британского революционного Исполкома» и «Социалистического рабочего пресс-бюро», от имени которых могли самозванно или вполне легально выступать Митчелл и Гендерсон. Однако «Исполкома Совета русских рабочих» и уж тем более «Социалистического рабочего Национала в Гамбурге» ни тогда, ни раньше или позже в приходе не существовало.

Три следующих документа продолжали и конкретизировали «Договор», его программное и организационное содержание. Первый из них – написанное на бланке органа Социалистической рабочей партии Великобритании «Социалист» письмо с неразборчивой подписью представителя Исполкома британских рабочих в Москву на имя А. П. Розенгольца, отправленное из Глазго через Амстердам 19 октября 1923 года. В письме сообщалось, что Исполком через некоего «товарища Б.» получил возможность пользоваться линотипом для переиздания «пропагандистской литературы, ежемесячно посылаемой нам из Москвы». Далее в подтверждение реальности действия «Договора» Москву информировали о том, что Исполком британских рабочих контролирует около ста тысяч рабочих британских угольных шахт. Для дальнейшего расширения его влияния запрашивались 3 тысячи фунтов стерлингов – в том числе на организацию «марксистских школ революционного обучения мальчиков и девочек Англии». Фальшивка точно была всё в ту же цель, однако её авторы допустили вопиющий промах, использовав немыслимое для социалистов и коммунистов и просто безграмотное обращение к Розенгольцу, назвав его «высокородным товарищем».

Следующее письмо той же организации от 16 ноября 1923 года адресовано в Амстердам С. Я. Ротгерсу (на самом деле Рутгерс). Оно уверяло «Бюро Интернационала» в том, что «удар, который мы готовим теперь против основных отраслей промышленности, заставит трепетать капиталистов и убедит их в том, что дни их сочтены». Здесь вновь подтверждалось получение «ценной помощи» от русских и немецких товарищей, а также «миленького чека» от епископа Брауна из американского

штата Огайо, обещавшего, помимо этого, «посильную помощь через своих друзей из Союза индустриальных рабочих мира» в Чикаго. Письмо содержало краткий отчёт о деятельности созданных школ: «Мы, – говорилось в нём, – отнимаем сотни мальчиков и девочек из капиталистических церквей, и их воспитание в духе революционного социализма и атеизма продвигается вперёд быстрыми шагами...». Уже сам стиль этого письма – лозунгово-пропагандистский, а не деловой, каким ему полагалось быть, – явно оказался рассчитанным на прочтение третьими лицами и должен был напугать прежде всего обывателей. Но подлог просматривался не только в этом. В обращении к Рутгерсу этот революционер-социалист назван вновь невыслышимым в среде социалистических деятелей эпитетом «великий (высокородный) товарищ», а в конце письма фальсификатор приветствует его от имени и вовсе фантастического «Британского рабочего индустриального Советского Союза».

Последнее письмо, адресованное из Глазго в Лондон Артуру Гендерсону, от 20 октября 1923 года, должно было и вовсе заставить трепетать обывателей и капиталистов (как и предшествующие, оно было написано на бланке газеты «Социалист» и имело неразборчивую подпись). В нём сообщалось, что через Амстердам из Москвы получено секретное письмо (о его содержании ничего не говорится). Здесь вновь упоминается «специальный транспорт литературы» из Москвы, которая успешно распространяется в Великобритании, и далее говорится о свыше 600 тысяч рабочих, разделяющих идею контроля над промышленностью, 75 тысячах человек, стоящих «наготове», и о возможности объявить в любой момент забастовку от «Глазго до Гринока» и т. д. «Доклад, полученный от тов. Лости из Ковентри, – оптимистично-угрожающе продолжал автор письма, – сообщает, что все как один готовы выступить в последний бой за свободу – как только будет дан сигнал».

Все четыре фальсифицированных документа были изготовлены в сходной манере: с использованием бланков действительно существовавшей газеты «Социалист», подложных штампов несуществующих рабочих организаций, неразборчивых подписей авторов (исключая «Договор»), плакатно-агитационного стиля, с упоминанием и указанием действительных и вымышленных лиц и адресов. В комплексе они должны были показать западной общественности, насколько широко и глубоко Коминтерн через рабочие организации осуществляет пропаганду коммунистических идей и организационно укрепляется в рабочей среде. В характере и отчасти масштабах и результатах деятельности Коминтерна фальсификаторы были не так уж и не правы: эта организация мощно воздействовала на международное рабочее движение, используя легальные и нелегальные средства. Однако фальсификаторам в силу строжайшей конспирации, существовавшей в Коминтерне, не были и не могли быть известны конкретные факты, и они решили их домыслить или просто выдумать.

Предъявленные Синклтоном документы с соответствующим объяснением раскрывали предысторию появления «письма Зиновьева» и становились серьёзным аргументом в пользу его разоблачения как фальшивки. Однако дальнейшие события развернулись несколько нежиданно.

данно. Во время второй встречи с представителем советского полпредства Синклтон оставил «конфиденциальное» заявление. В нём он сообщал, что готов собрать данные под присягой свидетельства в «Англии, Париже, Амстердаме» о деятельности «Британского имперского общества» и других организаций, занимающихся дискредитацией Советского Союза, в том числе с помощью публикации фальшивых документов. Синклтон заявил, что готов представить все уже имеющиеся в его распоряжении материалы на этот счёт при условии последующего денежного вознаграждения, часть которого должна быть выплачена предварительно для финансирования его разведывательных миссий в Глазго, Париже и Амстердаме.

Уже 3 ноября Раковский проинформировал премьер-министра Англии о контактах представителя советского полпредства с Синклтоном (он не был назван по имени в письме Раковского) и приложил к своему письму копии полученных от него документов, включая и заявление, подтверждающее, по словам Раковского, что «лица, ставящие себе целью создать конфликт между СССР и Великобританией, занимаются публикацией подложных документов». Ответа не последовало, Синклтон же с тех пор бесследно исчез.

17 ноября 1924 года Политбюро ВКП(б) приняло решение настаивать на требованиях третейского суда, а 18 декабря того же года поручило подготовить ноту английскому правительству о том, что лицу, доставившему «письмо Зиновьева», гарантируется безопасность и безнаказанность в случае, если оно легализует себя. Параллельно от имени Исполкома Коминтерна английским профсоюзам было направлено предложение расследовать вопрос о подлинности мнимого документа. Желая снять с себя подозрения, советские руководители позволили иностранцам заглянуть в свои секретные архивы.

В ноябре делегация британских профсоюзов прибыла в Москву, она опубликовала отчёт, в котором говорилось, что она изучила протоколы заседаний исполкома Коминтерна и не нашла следов антианглийской деятельности.

Однако министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен в своей ноте Раковскому продолжал настаивать на подлинности «письма Зиновьева».

Очень жаркая дискуссия произошла в британском парламенте. Вот как описывает её В. П. Козлов: «Р. Макдональд, лидер лейбористской партии, проигравшей на выборах, в своей речи в парламенте 9 октября прямо обвинил консерваторов в использовании «письма» для достижения своих политических целей – «для создания паники в сознании старых дев», потребовав продолжения расследования обстоятельств его появления. В ответ на это представитель консервативной партии генерал Г. Крофт заявил, что нет никакого смысла продолжать такое расследование, поскольку «красное письмо» выглядит очень безобидным на фоне официального заявления Зиновьева о планах и действиях Коминтерна. Тратить время и средства на такое расследование, продолжал Крофт, имеет смысл только в том случае, если «письмо сможет доказать, что в Зиновьеве произошла перемена и что он действительно стал более скромным революционером по сравнению с тем,

каким он был». С ним решительно не согласился член парламента от лейбористской партии М. Джонс, поддерживавший идею продолжения расследования. В дискуссии был вынужден вмешаться новый премьер-министр С. Болдуин, который заявил, что созданный правительством специальный подкомитет уже рассмотрел всю совокупность имеющихся фактов и пришёл к выводу, что не может быть сомнений «в аутентичности» письма. Однако привести в подтверждение этого заявления какие-либо доказательства он отказался, ссылаясь на их агентурный характер.

Объяснение Болдуина не удовлетворило многих членов парламента. Если письмо подлинное, заявил полковник К. Кенворти, то почему не возбуждается судебное дело против А. Мак-Мануса, британского подданного, чья подпись также стоит под письмом? Для нейтрализации подобного заявления министр внутренних дел консерватор Д. Хикс был вынужден сообщить фамилии членов подкомитета, проводивших изучение письма, пытаясь авторитетом этих лиц закрыть вопрос о представлении фактических данных, в том числе полученных агентурным путём. На последовавшие и после этого требования предоставления доказательств Хикс категорически заявил: «За нашей ответственностью как кабинета, мы находим, что письмо подлинное. Таким оно и является в действительности. Уважаемые члены должны выбрать, верят ли они словам Зиновьева или утверждению комитета британского кабинета». На реплику о заключении комиссии британских профсоюзов он вновь повторил: «Я указал, между чем надо выбирать. Уважаемому депутату представлена свобода верить в то, что ему нравится. Стране предоставлена свобода верить в то, что ей нравится, и, я думаю, она будет верить тому, чему верю я».

В середине декабря ситуация с письмом вновь накалилась в связи с обострением политической борьбы в самом британском парламенте. 15 декабря со специальной речью по этому вопросу здесь вновь выступил О. Чемберлен. По мнению Чемберлена, прежнее правительство «до выхода в отставку произвело расследование, и до самого последнего момента эта комиссия не могла прийти к заключению – настоящее ли это письмо или нет». Новое расследование, по заявлению Чемберлена, позволило установить «весь пройденный письмом путь, от начала до конца» и убедило членов подкомитета в его подлинности. Касаясь подписи Мак-Мануса, Чемберлен заметил: «Это совершенно несущественно, была ли подпись Мак-Мануса действительна или нет. Я знаю, что он находился в то время в Москве. Я также знаю, что и Зиновьев был в то время в Москве, хотя он это и отрицает. Мак-Манус нам сказал: «Разве мог Зиновьев мне писать письмо, когда я находился всё время у него под рукой в Москве?» Вы видите, что Зиновьев находился в это время в Москве, а не на Кавказе, и Мак-Манус – свидетель, который это подтверждает». «Я отказываюсь от дальнейшего обсуждения этого вопроса и заявляю, что документ настоящий», – сказал Чемберлен в заключение своей речи.

2 января 1925 года правительство СССР заявило об окончании переписки между правительствами по данному вопросу.

В мае 1925 года Генеральный совет британских профсоюзов сделал специальное заявление в связи с докладом своей делегации о пребывании

в Москве. В нём констатировалось, что «делегация профсоюзов в Москве полностью расследовала вопрос об аутентичности так называемого «красного письма» в той мере, как это зависело от России». Упорное молчание британского правительства на предложение официального расследования обстоятельств его появления британские профсоюзы рассматривали как косвенное подтверждение политического заговора против компартии Великобритании.

Увы, но результатом этой фальшивки стало и то, что подписанные 8 августа общий и торговый договоры между СССР и правительством Джеймса Макдональда не были ратифицированы, что заморозило отношения Великобритании и СССР на долгие годы.

В 1928 году вновь находившийся в оппозиции Болдуин и его сопартийцы снова подняли тему письма. 19 марта 1928 года Болдуин выступил с речью в парламенте и привёл некие вновь открывшиеся «мистические обстоятельства» появления письма, вновь отвергнув предыдущее расследование. Нарком иностранных дел СССР Чичерин жёстко ответил на страницах советской прессы. Британское правительство, понимая, что тем самым факт подделки будет установлен, отказалось проводить расследование подлинности документа. Однако после нового витка скандала официальные лица в Британии стали всё меньше отсылать к этому письму, а в лейбористских и либеральных кругах всё чаще стали звучать сомнения в подлинности.

По мнению советских властей, автор фальшивки – белоэмигрант Сергей Дружиловский. В 1925 году он был разоблачён публикациями газеты «Роте фане» и выслан из Германии. В 1926 году он был арестован ГПУ после нелегального перехода латвийско-советской границы и на открытом процессе в Москве Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. Тогда же была издана документальная книга «Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии». Организатором же скандальной провокации выступил британский разведчик и близкий друг Уинстона Черчилля майор Десмонд Мортон.

Но «письмо Зиновьева», хоть и стало самым громким подлогом в деле Коминтерна, но было далеко не единственным.

В апреле 1925 года болгарские газеты разместили тексты и фотокопии, по крайней мере, трёх «документов», приписанных Коминтерну, которые затем были перепечатаны большинством ведущих газет Западной Европы. Все они выполнены на бланках Коминтерна на русском языке, снабжены подписями, резолюциями, штампами контроля исполнения, исходящими и входящими номерами, датами.

Один из них, датированный 12 марта 1925 года, за номером 2960, представлял собой «директиву» «Центральной секции Отдела внешних сношений» ИККИ за подписью генерального секретаря отдела А. Дорота. В ней сообщалось, что «балканская коммунистическая федерация» утвердила постановление о приведении в исполнение приговора над Русиновым и Гаржичем и поручает его исполнение работникам «оперативно-террористического отдела» Мотько и Кашемирову. Кроме того, «директива» объявляла мобилизованными с 15 апреля всех работников «контроля балканского центра», определяла порядок получения оружия, пользования шифровальной свя-

зью и в заключение предупреждала о том, что «малейшее нарушение боевых приказов наказывается смертью на месте». Фальсификаторы, пытаясь придать большую достоверность своему изделию, допустили несколько непростительных промахов. Изображения серпа и молота никогда не было в символике Коминтерна. Как международная организация, Коминтерн принципиально не мог иметь «Отдела внешних сношений».

Не менее показательным оказался и второй «документ» – от 22 апреля 1925 года, подписанный «Генеральным секретарём Коминтерна» Р. Стюартом и адресованный «начальнику Балканского оперативного центра», а также «заграничным делегациям РКП(б)» в Варшаве, Праге, Берлине, Вене, Бухаресте, Константинополе и Афинах. В нём сообщалось, что Исполком Коминтерна поручил Георгию Димитрову «руководительство всеми внешними и внутренними боевыми операциями как военного, так и политического характера» в Болгарии, а М. Красовского назначил начальником штаба Балканского общеперативного центра. Далее подтверждалась программа и тактика действий Балканского оперативного центра, изложенная в ряде предшествующих инструкций Коминтерна с указанием их дат и исходящих номеров. Подчёркивалась главная стратегическая цель работы Балканского оперативного центра – «в отношении руководства общеполитическим положением добиваться, путём углубления революционных действий повстанческих групп, таковых результатов, которыми являлось бы неизбежное падение Цанковского кабинета и создавалась бы в отношении нового кабинета, если не будет сменён немедленно Революционным правительством, ситуация неизбежной политической амнистии, которую следует немедленно же учесть, как наиболее могущественное пополнение наших активных кадров». Кроме того, здесь же сообщалось об организации повстанческих отрядов и о подготовке «общесо согласованного румынско-польско-чехословацкого и общевалканского выступления комфронта Юж[ной] Европы, намеченного к периоду окончания сбора хлебов текущего года». Письмо было написано на бланке, в правом верхнем углу которого помещён герб в виде пятиконечной звезды, обрамлённой колосьями и частью зубчатого колеса, имело делопроизводственную помету, штампы, указание на номер экземпляра и оригинальную подпись. Иначе говоря, все эти аксессуары, в отличие от оформления «письма Зиновьева» и других сопровождавших его подделок, были призваны создать у читателей впечатление того, что перед ними некий оригинал – третий экземпляр директивы, направленной Коминтерном.

Однако авторы фальшивки и здесь допустили ряд промахов. Стремясь подчеркнуть связь Коминтерна с деятельностью ВКП(б) и советского правительства, они в качестве одного из реквизитов фальшивой директивы указали нахождение Коминтерна в Кремле, тогда как в то время он размещался на углу Воздвиженки и Моховой. Названные в директиве «заграничные делегации РКП(б)» не существовали в природе: они были перепутаны, очевидно, с ячейками РКП(б), существовавшими в советских учреждениях за рубежом. Равным образом фальсификаторы допустили промах, назвав центральные комитеты коммунистических партий центральными исполнительными комитетами, а также обозвав действительно существовавшую

Балканскую коммунистическую федерацию Балканским оперативным центром. Неверно они воспроизвели и бланк Исполкома Коминтерна, поместив на нём герб, никогда не существовавший у этой организации. В его основу был положен официальный герб Моссовета с внесением в него ряда изменений: удалены буквы «Р.С.Ф.С.Р.» сверху и текст «Московский Совет Раб., Солд. и Кр. Деп.» внизу, вместо которого поставлены три звёздочки. Фантастической оказалась и подпись под директивой: уже с июля 1924 года Исполком Коминтерна не имел Генерального секретаря, и кроме того, никакой Стюарт никогда не занимал этой должности.

В распоряжении авторов книги «Антисоветские подлоги» оказалось ещё несколько «документов», связанных с деятельностью Коминтерна на Балканах. Основное их содержание касалось организации в регионе коммунистического движения, подготовки вооружённых выступлений против правительств балканских государств, в том числе в Болгарии. Разумеется, представленные в них планы и действия Коминтерна были, как в случае с «письмом Зиновьева», недалеко от действительных, однако самих по себе опубликованных документов в природе не существовало.

Комплекс фальсифицированных документов, связанных с деятельностью Коминтерна на Балканах, представлял собой существенный шаг вперёд в деле освоения технологии подлогов по сравнению с комплексом документов, относящихся к «письму Зиновьева». Напомним, что тогда в прессе фигурировали лишь тексты документов. При изготовлении «балканских подлогов» фальсификаторы уже учли обстоятельства дискуссий вокруг «красного письма» и, в частности, требование предъявления оригиналов. Теперь читателям предлагался не только «текст», но и фотокопии «оригиналов», изготовленных на фальсифицированных бланках. В фальсификации этих бланков авторы использовали незамысловатые, но могущие произвести впечатление на неискущённого читателя приёмы. Сами бланки изготавливались типографским способом с использованием элементов эмблематики, существовавшей в Советском Союзе или в Коминтерне. Далее, стремясь придать впечатление подлинности своим подлогам, фальсификаторы привлекли делопроизводительные штампы типа «Контроль», «Копия», «С подлинным верно», «Циркулярное», «К сведению», «К исполнению» и т. д. Наконец, они же фальсифицировали рукописные резолюции-пометы и даже подписи.

Авторы книги «Антисоветские подлоги» связывали их изготовление с представителями российской эмиграции, обосновавшимися в Берлине. Именно у одного из них при аресте был обнаружен чистый экземпляр фальшивого бланка, на котором был изготовлен «наказ» Коминтерна за подписью Стюарта. Это был бывший русский лётчик Дружеловский, работавший в контакте с польской разведкой и тесно связанный через другого русского эмигранта – А. Ф. Гуманского, бывшего русского контрразведчика, с рядом российских эмигрантских организаций – Кирилловским центром, «Братством Святого Георгия», «Святогором», а также частным разведывательным бюро, организованным в Берлине бывшим подпоручиком русской армии Г. И. Зивертом.

Именно группа Дружеловского – Гуманского наладила масштабную фабрикации поддельных документов Коминтерна и советского прави-

тельства. Её «почерк» легко прослеживается в содержании и технике изготовления подлогов. Два из них касались Польши.

Первый был озаглавлен как «Секретная инструкция ИККИ» за номером Б11516, датирован 16 апреля 1925 года и адресован «полпредству Коминтерна в Польше», а также «заграничным делегациям РКП(б)» в Париже, Берлине, Вене, Праге и Риге. В ней «Польская Коммунистическая Секция при Исполкоме Коминтерна» доводила до сведения «ЦИКа» польской компартии и «Президиума III Съезда» о разрешительном решении Коминтерна на активные выступления 3 мая в ходе торжеств по поводу польской конституции. В ходе таких выступлений, указывалось в «инструкции», присутствующие на торжествах представители европейских государств должны убедиться «с одной стороны, в неправильности положения восточных границ Польши, согласно волеизъявлению народностей самой Польши, и в тяготении общих симпатий польских народных масс к Союзу ССР». С другой стороны, говорилось здесь, организованное выступление польской компартии отвлечёт внимание европейских правительств от «борьбы наших балканских сотоварищей». И, наконец, в-третьих, признавалось, что «индивидуально-террористические акты», намеченные польской компартией на это время, «являются достойной наградой» польскому правительству за его политику в отношении Западной Украины. Далее инструкция содержала рекомендации относительно максимальной конспирации оргмероприятий польской компартии и заканчивалась революционными лозунгами: «Долой бандитское правительство Польши! Да здравствует Польская компартия! Долой белый террор! Да здравствует революционное правительство!» По постановлению Исполкома Коминтерна, как сказано здесь, за Генерального секретаря Коминтерна документ подписал «товарищ Председатель Польской секции при Исполкоме Коминтерна» Дорот.

«Инструкция» выполнена в той же манере, что и «балканские» подлоги. Она написана на машинке с тем же шрифтом, содержала не совсем удачное изображение герба СССР, имела гриф «Совершенно секретно», номер экземпляра, штамп входящего регистрационного номера, штамп контроля, исходящий номер, указание на место дислокации Коминтерна («Москва – Кремль»), резолюцию о мероприятиях по исполнению с неясной подписью на русском (!) языке. Фальсификатор повторил в своём издании фактически те же самые типичные ошибки, которые мы наблюдали и в «балканских» подлогах. Коминтерн не пользовался в своей символике изображением герба СССР, помещался не в Кремле, а, как уже говорилось, на углу Воздвиженки и Моховой, не имел полпредств за границей, ВКП(б) имела не «делегации», а первичные ячейки в зарубежных советских организациях, зарубежные компартии не имели ЦИКов, а имели ЦК и т. д. Навивно звучали в официальном документе и лозунги.

В абсолютно сходной манере был изготовлен и второй подложный документ, касающийся деятельности Коминтерна в Польше, – «Секретная инструкция ИККИ номер Б985 по отделу общего Контроля», датированная 14 апреля 1925 года и дополненная для важности ещё одним исходящим номером – 2960/П. «С получением настоящего, – говорилось в ней в адрес «президиумов» заграничных делегаций РКП(б) в Париже, Берли-

не, Вене, Праге, Риге, – предлагаем Вам передать все имеющиеся в Вашем распоряжении нити секретного контроля в распоряжение ЦИКов польской коммунистической партии с точным разграничением лиц, могущих принять участие в активной работе в случае надобности, а также пассивного элемента». Далее следовал перечень вопросов, касающихся представления данных о количестве лиц, которые могли вести активную или пассивную партийную работу в различных сферах. «Инструкция» вновь подписана «Генеральным секретарём Коминтерна» Доротом, снабжена гербом, в основе которого находился герб СССР, грифом «Совершенно секретно», штампом входящего регистрационного номера «Отдела общей информации», рукописной резолюцией.

Очевидно, нет смысла останавливаться на каждом из других известных подлогов, приведённых в книге «Антисоветские подлоги». Однако будет интересно предложить статистику с вытекающей из неё типологией фальсификаций. Всего известно 20 подложных документов. По видовому составу подавляющая часть (11) представляет собой письма, в том числе 1 черновик, или отпуск. Далее следуют: инструкции (3), указы (2), удостоверение, служебная записка, циркуляр, договор (по 1). Подавляющая часть этих материалов (16) изготовлена на фальсифицированных бланках, три документа существовали в качестве устной версии или были опубликованы как простой текст, и один изготовлен не на бланке, но с печатью. Статистика авторства этих документов выглядит следующим образом: 10 – Исполком Коминтерна, 4 – компартия Великобритании, 2 – ОГПУ, по одному – полпредство и торгпредство СССР за рубежом, НКВД, ВСНХ, «Агитотдел РКП». Подавляющая часть документов (16) написана на русском языке, 4 – на английском и по одному – на французском и немецком.

Показателен набор реквизитов фальсификаций. 15 документов снабжены угловыми штампами, гербом или иной символикой, например, серпом и молотом, 14 имеют грифы секретности, 17 – подписи-автографы (читаемые и непрочитываемые), 16 снабжены исходящими номерами, 6 – штампами регистрационных входящих номеров, 7 – резолюциями-автографами исполнителей, 2 – печатями и 1 – штампом контроля исполнения. Большая часть документов представляет собой машинопись.

Учитывая требования депутатов парламента и общественности предъявить оригинал «письма Зиновьева», те же фальсификаторы изготовили и его, но правительство Великобритании не осмелилось его опубликовать. «Оригинал» письма был обнаружен в 1965 году, результатом чего стала книга-расследование «Письмо Зиновьева», написанная тремя журналистами английской газеты «The Sunday Times». В феврале 1968 года в этой же газете появились публикации, связанные с обнаружением в архивах Гарвардского университета фотокопий рукописи «Зиновьева». Графологический анализ, проделанный экспертом Джоном Конвеем, показал принадлежность «письма» разведчику Сиднею Рейли, который таким образом тоже оказался причастен к фабрикации фальшивки.

В конце XX века Робин Кук, министр иностранных дел правительства Тони Блэра, распорядился открыть некоторые архивы; выяснилось, что письмо было передано рижской резидентуре русским эмигрантом из Бер-

лина, который зарабатывал деньги созданием подобных фальшивок. Расследование провела Джилл Беннетт, в то время ведущий сотрудник архива «Форин-офиса». Именно она вытащила на свет массу засекреченных доселе документов и даже поработала в московских архивах, изучая материалы этого скандала.

Выводы Беннетт подтверждают: Москва, всегда отрицавшая подлинность «письма Зиновьева», говорила правду, а вот Лондон, доверившийся фальшивке своих спецслужб, врал. Из ранее засекреченных документов видно, что Секретная разведывательная служба (SIS) изначально поставляла «Форин-офису» ложные сведения о происхождении «письма». В частности, судя по выводам Беннетт, русскоязычный «оригинал», составленный на листах из реального блокнота Коминтерна, был, скорее всего, написан после того, как уже разгорелся скандал вокруг его англоязычного «перевода», хотя руководство SIS заверяло, что «оригинал» имеется. Нет сомнений и в том, что утечку в газету организовали разведслужбы и чиновники МИДа, близкие к консерваторам, именно с целью дискредитации лейбористского правительства и влияния на результат выборов.

Сомнения у Беннетт остаются лишь по поводу того, кто именно осуществил техническую работу по изготовлению самой фальшивки. Она довольно убедительно доказывает, что почти наверняка за этим стояла сеть белоэмигрантов во главе с Владимиром Орловым, бывшим контрразведчиком денкинской армии. Он всегда прибегал, мягко говоря, к более чем спорным методам работы, причём в 1920-е был платным агентом SIS – тесно сотрудничал со знаменитым Сиднеем Рейли, уроженцем Одессы и главой британской диверсионно-шпионской сети в СССР. В 1970-м «Бюллетень Гарвардской библиотеки» обнаружил шесть фотонегативов с рукописными набросками «письма Зиновьева», в которых эксперты опознали почерк Рейли. И это, казалось бы, окончательно проясняет, кто организовал заговор. Его цепочка от начала и до конца состоит из агентов британских спецслужб, чиновников «Форин-офиса» и консервативных английских политиков.

Забавное развитие тема получила в 2017 году, когда английская газета Guardian сообщила, что власти Великобритании признали пропажу из национальных архивов тысяч документов, в том числе о Фолклендской войне, конфликте в Северной Ирландии и «письма Зиновьева».

ЛЕНИН «ОТРЕКАЕТСЯ», ИЛИ «ПИСЬМО ЦЮРИХСКОМУ ДРУГУ»

Накануне 120-й годовщины со дня рождения Ленина, в апрельские дни 1990 года, в Москве и других городах расклеивались на стенах и продавались листы второго апрельского номера «Дайджест латышской прессы. Сегодня – Латвия». Броский заголовок: «Последняя тайна Ленина. Письмо цюрихскому другу – загадка, которую, возможно, уже никогда не удастся разгадать» – привлекал внимание читателя к тексту, который, по свиде-

тельству газеты, был в 1921 году распространён среди членов Британского правительства министром иностранных дел лордом Керзоном в качестве заслуживающего внимания конфиденциального письма Ленина.

«Письмо» шокировало читателей уже с первых строк: «Милый друг... Вы меня спрашиваете, почему тон моих писем, или, вернее говоря, моих переговоров с Вами не так уж оптимистичен и спокоен, каким он был до сих пор. Я думаю, если бы мы опять встретились друг с другом, то удивитесь Вы ещё более той перемене, которая произошла во мне и которая невольно отражается в моих письмах...».

«Письмо» просто наштапковано «размышлениями Ленина», приводящими к его отречению от некоторых принципиальных идей, которые он усиленно развивал и пропагандировал в своих докладах, выступлениях, статьях в первой половине 1921 года после введения новой экономической политики.

Более того, здесь можно было с удивлением узнать совершенно не свойственное Ленину утверждение об ошибочности марксовской теории классовой борьбы, о неверии в возможности рабочего класса и коммунистической партии завершить успешно процесс, начатый Октябрьской революцией.

Но всё по порядку. История этого фальшивого письма началась отнюдь не в 1990 году, а гораздо раньше.

В июле 1921 года в секретариат В. И. Ленина через Стокгольм от агента «Просперо» поступила информация о том, что «германские секретные источники дают текст частного письма Ленина, датированного 10 июня 1921 года и адресованного на имя проживающего в Берлине старого знакомого Ленина, брата одного из комиссаров». Далее следовал перевод текста письма с немецкого.

Вот он:

«Милый друг... Вы меня спрашиваете, почему тон моих писем, или, вернее говоря, моих переговоров с Вами не так уж оптимистичен и спокоен, каким он был до сих пор. Я думаю, если бы мы опять встретились друг с другом, то удивитесь Вы ещё более той перемене, которая произошла во мне и которая невольно отражается в моих письмах. Представьте себе человека, который в течение трёх лет, изо дня в день, из часа в час, делает ту же самую работу, не имея ни минуты для себя и не имея возможности оторваться от этой громадной работы, которая поглощает всё время, все силы и всю энергию. Всё чаще и чаще вспоминаются мне счастливые дни в Дюринге, когда мы вели длинные разговоры о предстоящем социальном сдвиге, о неизбежности социального переворота и о тех фазах изменения общественных форм, какие вызовет неизбежно революция. Ваш практический ум часто меня возмущал своей холодной критикой, так как он не соответствовал по моим взглядам реальной действительности, которой я и мои единомышленники посвятили все свои силы и понять какую, нам казалось, мы сумели. Вы, практики, даёте себе отчёт обо всём, что вас захватило, Вы видите в жизни один-единственный путь, по которому должны идти реалисты, создающие жизнь. Вы признаёте, что каждое дело должно рассматри-

ваться с узкоэгоистической точки зрения в Ваших интересах и выгодах]. В то время как Вы никогда не углубляетесь в окружающую Вас среду и никогда ею не интересуетесь, если она Вам бесполезна, Вы считаете правильным для своей эгоистической морали жить только самим и завоевывать, бросая слабейшим лишь крохи, которые Вам не нужны, не считаясь с тем, достаточны ли эти крохи или нет. Если Вы ещё помните, а, судя по Вашим письмам, Вы это не забыли, наши разговоры в читальне Цюриха и позднее в Женеве, где Вы с пеной у рта доказывали мне утопичность моих выводов, непримиримость таковых с настоящим мировоззрением европейского общества, в котором окристаллизовалась высшая форма капитализма и эгоистического миропонимания. Я хочу привести Вам небольшой факт, который я в то время упустил из поля зрения моих наблюдений, но который сейчас является косвенным доказательством правильности моих выводов в споре с Вами и который особенно интересен потому, что ещё раз подчёркивает превосходство наших теоретических тезисов и выводов над вашими практическими наблюдениями.

Три года непрерывного изучения революционных фазисов в России научили меня, что не везде надо искать гения классового сознания или коллективного инстинкта того или другого класса, толкающего своих членов к работе в необходимом направлении для них, но исключительно силу отдельных личностей, воля которых подымается выше уровня их класса, охватывает этот класс и диктует ему те методы, которые для этого класса в настоящий момент борьбы являются наиболее полезными и необходимыми. Мы ошибались, придавая классу такое большое значение, мы смотрели на класс, как на какой-то «интеллектуальный организм, способный на непосредственное, прямое выражение своих желаний». Класс является ничем иным, как организмом, лишённым всякого интеллекта, свободной воли и какой-либо способности к действиям. Предоставляемый самому себе, он управляется только классовым инстинктом и классовым самосознанием, которое никогда не диктует более глубоких для класса полезных методов, чем это требуют задачи текущего момента. Действия класса как такового лишены постоянного здравого смысла, так как они не рассчитаны на дальнейшую борьбу. Жизнь класса – это жизнь чудовищного моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожнейшего врага, так и против могущественнейшего врага, от которого зависит его дальнейшее существование. Воля отдельных лиц, созидательный дух свободного интеллекта – только они одни могут предвидеть дальнейшие фазы борьбы, могут суммировать все «за» и «против». Как я и мои ближайшие товарищи, так и Вы – люди практики – не учли этого важнейшего фактора общественной жизни, или даже если бы обратили на него своё внимание, то это произошло лишь настолько, что стало подтверждением наших неверных выводов относительно понятия о классе.

Бесконечные перспективы для наблюдений, какие открывает русская революция, дали мне возможность неоднократно убеждаться в ошибочности наших предположений, но если бы даже я подошёл к разрешению этого вопроса с Вашей точки зрения, то я принуждён сознаться, что Вы были более правы, чем я.

Теперь о себе. Я устал, я чувствую, что всё более и более с каждым днём меня невольно тянет на отдых, к моим книгам и к проверке тех выводов, к которым я пришёл. Нервы стали уже не те. Меня буквально съедает ничтожество моих окружающих, так и их буржуазность, которая разведает твёрдый организм партии. Государственная работа, в той форме, как она проводится у нас, — совершенно невозможна. Наша юная бюрократия переняла полностью ошибки своих предшественников и по наивности своей ещё более увеличила пропасть между правящими и управляемыми. Наша ставка на коллективный инстинкт, который должен удерживать членов партии, оказалась ошибочной. Наши надежды на этот коллективный инстинкт и на классовое сознание рабочих и крестьян — также потерпели фиаско. Я теперь вспоминаю Вашу прощальную фразу, сказанную Вами в 1917 году, в момент моего отъезда в Россию. Вы сказали мне, что я не должен забывать, что окончательно разучился понимать дух русского крестьянина и рабочего, что годы эмиграции отняли у меня возможность непосредственно наблюдать за русским обществом и что я должен быть осторожным. Мы все были захвачены волною власти и успеха. Дав себя также увлечь, я имел возможность проверить мои выводы на практике, ибо я твёрдо верил в устойчивость и жизнь нашей партии. В то время как я бросил массам обещания широких перспектив социальных реформ, я старался пробудить в развитых слоях пролетариата, у рабочих и крестьян, чувство самостоятельности. Если бы на местах проводились директивы центра — был бы создан фундамент для грядущего социалистического государства, могущего послужить образцом для народов всего мира. Я должен Вам сказать, что я три года колебался, что три года я не мог решиться сознаться в том, что мы ошибались, что были выбраны неправильные приёмы. Теперь же, когда я вижу сумму нашей деятельности, я должен сказать, что я был неправ, что я переоценил силы партии, а также русского крестьянина и рабочего. Скажу Вам короче: русский крестьянин и рабочий предали свои интересы; партия изменила — совершенно невольно — своей мягкостью и рабской психологией, которая, пересилив революционный порыв, на полдороге задержала развитие революционной психологии. Наивность, детская культура, детская жестокость, полное непонимание и отсутствие сознания необходимости работать на грядущий день, лень и неспособность воспринять новые мысли — всё это является той плотиной, прорвать которую оказалось нам не под силу, несмотря на действительно героические усилия, сделанные партией в течение этих лет. Если мы держимся, — то исключительно усилиями партии, которая отдаёт все свои живые силы на сохранение власти, и этим некоторым образом поддерживает возможность перевоспитания социального мировоззрения, подготовив этим этап для дальнейшего развития международной революции.

Но я чувствую, что силы партии изо дня в день выдыхаются и что внутренние трения и мелкое самолюбие отдельных лиц, ставящих частные интересы выше общих, разведает партию.

Я давно осознал неизбежность компромиссов, концессий с нашей стороны, компромиссов, которые дадут партии новые силы для той небольшой группы утомлённых работников, действительно искренне преданных делу. Без этого у нас не будет возможности дальше существовать, т. е. мы

не сумеем дальше держаться. Поставить ставку на революционный милитаризм, на наших «наполеонов» – это, по моему мнению, обозначает проигрыш, и это будет последним усилием партии, которая погибнет, израсходовав весь запас живой силы.

Я написал Красину о необходимости частным путём войти в переговоры с социалистическими группами эмиграции, о возможности какого-либо компромисса. С такой же просьбой обращаюсь я к Вам, моему старому другу, – как человеку внепартийному. Вам будет легче установить контакт с нашей эмиграцией и сговориться с её вождями. Я очень надеюсь, что в ближайшем получу от вас какие-либо известия, так как время не терпит и лучше добиться сегодня соглашения, чем через полгода, – когда по всей вероятности будет слишком поздно. Я ожидаю Ваших писем в ближайшем. Читая их, я отдыхаю и вспоминаю Вас и наши споры в Цюрихе.

Всем сердцем Ваш В. Ульянов».

Для чего же создавалась эта фальшивка? В сознании читателя должен был возникнуть вождь, который под напором реальности отказывается от своих идей и убеждений. В «письме» Ленин – это человек, уставший от разрешения свалившихся практических проблем переустройства российского общества, разочарованный в классе, на который когда-то он возлагал все свои политические надежды, в ближайших соратниках и даже в партии, которую с невероятными усилиями создавал, уповающий на компромисс и даже союз с социалистическими группами российской эмиграции во имя торжества дела своей жизни.

«Дайджест» давал материал в обратном переводе с первой публикации на французском языке в бельгийской газете «Суар» от 25 августа 1921 года. Но, как мы увидим далее, текст почерпнут не из «Суар», а из сохранившихся в Центральном партийном архиве документов. Именно этот текст, но только в переводе с немецкого, в далёком 1921 году в двадцатых числах июля лежал на столе Ленина в Горках. Он был прислан диппочтой из-за границы наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину и тут же доставлен Ленину.

Озаглавленный «Письмо Ленина», материал начинался следующей вводной информацией: «Германские секретные источники дают текст частного письма Ленина, датированного 10 июня 1921 года и адресованного на имя проживающего в Берлине старого знакомого Ленина, брата одного из комиссаров. Хотя германские источники и утверждают, что подлинность письма не подлежит сомнению, тем не менее как стиль письма, так и подпись «Ульянов», а не «Ленин» вызывают всё-таки сомнение в происхождении этого документа».

Эту информацию у же 27 июля 1921 года доставили В. И. Ленину, и он отреагировал на него немедленно.

Ознакомившись со «своим» письмом, Ленин на последней его странице написал Чичерину записку:

«т. Чичерин! Это – подлог. Кто присылает? Что предпринять? Верните с отзывом.

27/VII. Ленин».

Вскоре Чичерин возвращает Ленину фальсифицированное письмо с ответной запиской:

«29 июля 1921 г.

Многоуважаемый Владимир Ильич!

Возвращаю Вам «Подлог». Этот материал получается через Стокгольм. Не ручаюсь, что осведомитель сам не выдумал. Этот подложный документ никогда и нигде не был опубликован, так что нечего его опровергать. Мы несчётное число раз заявляли, что теперь находится в обращении масса приписываемых нашим деятелям подложных документов. Если этот подлог где-нибудь попадёт в печать, тогда займёмся опровержением, но не за вашей подписью, а просто от РОСТА.

С коммунистическим приветом, Г. Чичерин»

На этой записке Чичерина имеется следующая надпись Ленина: *«в архив (подложное письмо Ленина. VII.1921)».*

Увы, фальсификация всё-таки появилась в печати: кроме «Суар», её опубликовала 25 августа 1921 года бельгийская «Пепль» (также на французском языке), а 30 августа – «Рижский курьер», но уже на русском языке.

Интересно, что газета «Рижский курьер» опубликовала данное «письмо» с несущественными разночтениями от полученного Лениным текста, без комментариев и с кратким примечанием: «Это письмо написано Лениным 10 июня 1921 года одному из своих давних знакомых в Цюрихе».

Закономерно, что характер разночтений говорит о том, что и текст «Просперо», и газетный текст восходили к одному и тому же источнику: разночтения носят исключительно стилистический характер и объясняются вкусовыми пристрастиями переводчиков. Важно отметить, что анализ текста в «Рижском курьере» со всей серьёзностью убеждает, что это не оригинальный русский текст «письма» Ленина, что он восходит к иностранному, по всей видимости, немецкому тексту. Известный исследователь документов, источниковед В. П. Козлов приводит в качестве примера ряд таких стилистических разночтений.

А) текст «Просперо», Б) текст «Рижского курьера»:

1. А) «...о неизбежности социального переворота и о тех фазах изменения общественных форм, какие вызовет неизбежно революция».

Б) «...о неизбежности выполнения теоретических выводов и о тех фазах, при которых социалистические изменения обоюдных классовых отношений и общественных форм в современной Европе будут иметь место».

2. А) «Вы признаёте, что каждое дело должно рассматриваться с узкоэгоистической точки зрения Ваших интересов и выгод».

Б) «Вы понимаете, что каждое дело должно рассматриваться с узкоэгоистической точки зрения, только в смысле, что оно Вам дало ту или иную выгоду или пользу».

3. А) «Теперь о себе».
Б) «Теперь обо мне».

4. А) «Жизнь класса – это жизнь чудовищного моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожнейшего врага, так против и могущественнейшего врага, от которого зависит его дальнейшее существование».

Б) «Жизнь класса – это жизнь могучего моллюска, который защищается и борется с одинаковой энергией как против ничтожного врага, так и против врага, от которого зависит его дальнейшее существование».

5. А) «Мы все были захвачены волною власти и успеха. Дав себя также увлечь, я имел возможность проверить мои выводы на практике, ибо я твёрдо верил в устойчивость и жизнь нашей партии».

Б) «Нас всех захватила волна власти, волна успеха. Я сам имел возможность проверить мои выводы на практике, дав себя увлечь, ибо я твёрдо верил в устойчивость и жизнь моей партии».

В «Рижском курьере» есть лишь одна фраза, отсутствующая в тексте «Просперо»: «После борьбы на всех различных фронтах от неё останутся лишь остатки». Имеется в виду партия, которая правила страной ещё 70 лет и существует до сих пор.

«Письмо» было быстро подхвачено белоэмигрантскими газетами. Так, одна из них, перепечатав текст из «Рижского курьера» слово в слово, снабдила его обширными комментариями политического характера. «Какое ужасающее убожество ума и мыслей в этих его словах, – сказано здесь. – Вернее, поставим вопрос так: убожество или сумасшествие? Он равнодушно проходит мимо ужасающих последствий своей деятельности, его мысль не останавливается на тех гекатомбах жертв и на разорении величайшего, богатейшего государства, которое явилось результатом его коммунистических опытов над Россией, и при виде надвигающейся катастрофы, которая должна поглотить миллионы русского народа, его интересует лишь мысль о том, как бы в спокойной обстановке заняться проверкой сделанных выводов...»

Как уже писалось, получив объяснения от Чичерина, В. И. Ленин распорядился передать «письмо» в архив, где оно и пролежало вплоть до середины 1990 года.

После того как «письмо» появилось в «Дайджесте», первый вопрос о подлинности «письма Ленина» был поставлен журналисткой Э. М. Максимовой в газете «Известия», в её статье «Пять дней в особом архиве»¹.

Ответ на него прозвучал со страниц газеты «Правда» в специальной статье сотрудников Центрального партийного архива Ю. Н. Амиантова и В. Н. Степанова. Здесь впервые в советской печати был пересказан текст «письма», приведены резолюции Ленина и его переписка с Чичериным – по оригиналам, хранившимся недоступными до того в архиве Ленина.

¹ Известия. 1990. 20 февр. С. 6. Моск. веч. вып.

Касаясь возможных мотивов изготовления подлога и его авторства, Амиантов и Степанов предположили, что письмо происходило из среды тех противников Ленина, которые «в целях политической и нравственной дискредитации Ленина не брезговали и фальсификацией документов, приписывая Ленину письма, статьи, никогда не существовавшие в природе».

Но письмо продолжали и в научной среде использовать если уже не с антиленинских, то с антисоветских позиций. Так, тот же Козлов, указывая, что «письмо» хранилось в Центральном партийном архиве (ЦПА) в секретном хранении, делает из этого довольно странный вывод. Вот он пишет: «Если для Ленина «письмо», очевидно, представляло исторический интерес, как отражение представлений о нём в среде его политических противников, то для позднейших идеологов КПСС оно выглядело некоей попыткой реконструкции маловероятной, но обывательски понятной возможной эволюции взглядов основателя Советского государства. Опасение того, что легализация «письма» может пусть даже всего-навсего зародить элементы сомнения в иконописном облике вождя, и было главной причиной его замалчивания». Это умозаключение ничем, кроме антисоветизма автора, не объяснить. Тем же можно объяснить и абсолютно безосновательное предположение, что «возможно и иное объяснение мотива подлога: оппоненты Ленина в самом ВКП(б) таким способом пытались скомпрометировать вождя, призвавшего партию отказаться от уже ставшей привычной для многих политики «военного коммунизма».

Козлов указывает, что именно сокрытие публикации, «как всегда это случается, неизбежно порождало слухи и домыслы о его реальном существовании как подлинного документа». Это предположение имело бы место, если бы публикация состоялась по зарубежным публикациям (перевод с французского из «Суар» или «Пепль») или по русскоязычной публикации из «Рижского курьера», но в 1990 году была опубликована именно версия «Просперо». А значит, тот, кто её публиковал, точно знал, что это фальшивка, и преследовал вполне ясные цели – создание ещё одной антисоветской фальшивки, чтобы убедить читателя, что Ленин сам не верил в реальность социализма. Всё это укладывалось в политику, проводимую Яковлевым и его сторонниками. Так что ни о каком «требовании исторической правды» говорить не приходится.

Да, в середине 1921 года, после перехода страны Советов к НЭПу, у некоторых антисоветских деятелей возникла идея посеять смуту в умах большевиков, паразитируя на иллюзиях об отказе Ленина и большевиков от ортодоксальных постулатов марксизма, с отступничеством и кардинальным пересмотром прежних взглядов. «Письмо» должно было подтвердить эти иллюзия и сомнения.

В 1990 году цели уже были иными. «Огонёк», «МК», «Московские новости» и другие либеральные СМИ, издававшиеся за государственный или партийный счёт, активно промывали читателям мозги, убеждали, что социализм – всего лишь «гигантский социальный эксперимент, в который не верил даже его автор Ленин», а потому надо «возвращаться на столбовую дорогу истории – капитализм».

Фальшивка давно разоблачена, но её по-прежнему пытаются использовать против идей В.И. Ленина.

«УКАЗАНИЕ В. И. ЛЕНИНА № 13666»

Нередко в сети встречается упоминание об «ужасном» указании В. И. Ленина под многозначительным номером – и «чёртовой дюжиной», и «числом зверя» одновременно – 13666/2, о том, что «надлежит арестовывать и беспощадно расстреливать попов».

Вот, например, как о нём пишет газета «Наша версия на Неве», № 55 за декабрь 2008 года:

«Ленин был не просто убеждённым атеистом – к религиозным организациям он относился с нескрываемой ненавистью. Среди множества подтверждающих это заявлений есть, например, такое: «Всякое кокетничанье с боженькой есть труположество».

А 1 мая 1919 года на свет появилось «Указание» № 13666/2 – документ, составленный с поистине революционной простотой: «В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».

Праздничная дата и стиль документа позволяют предположить, что перед тем как написать данное указание, товарищи хорошо «приняли», после чего кто-то из праздноющих заглянул в тетрадь исходящей корреспонденции, увидел, что ближайший номер должен содержать три шестёрки и чёртову дюжину, да и предложил наполнить форму подходящим содержанием.

Сначала о цитате про «кокетничанье с боженькой». Как уже писалось выше, это ещё одна вырванная из контекста и «отрихтованная» цитата В. И. Ленина. Взятая из его переписки-полемики с Максимом Горьким, она в реальности выглядит следующим образом: «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем жёлтый чёрт отличается от чёрта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против всяких чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположество – будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, всё равно), – а для предпочтения синего чёрта жёлтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем»².

Но вернёмся к «Указанию». Сначала рассмотрим сам предлагаемый «документ» (здесь и далее для простоты я буду указывать фальшивый или сомнительный документ в кавычках, а если он подлинный, то без них. – *Я.Л.*).

² В. И. Ленин. ПСС, т. 48, с. 226.

*«1 мая 1919 г. Строго секретно
№ 13666/2*

*Председателю В.Ч.К.
тов. Дзержинскому Ф. Э.*

УКАЗАНИЕ

В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией.

Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады.

Председатель В.Ц.И.К. Калинин

Председатель Сов. Нар. Комиссаров Ульянов (Ленин)»

Впервые этот текст был опубликован в книге известного антисоветчика и публициста А. Латышева «Рассекреченный Ленин» и впоследствии живёт своей жизнью, перемещаясь по страницам различных книг, журналов, газет, публикаций в интернете.

В первую очередь нужно обратить внимание, что «документ» никак не атрибутирован, то есть нет указаний на то, в каком архиве автор его нашёл, ссылки на том и лист дела. По версии Латышева, в 1991 году он получил допуск в некие «секретные архивы», где и нашёл некие секретные «документы» за авторством Ленина. Вот как он это описывает: «Я с утра до вечера сидел в архивах, и у меня волосы вставали дыбом. Ведь я всегда верил в Ленина, но после первых же тридцати прочитанных документов был просто потрясён».

Любой, кто хоть раз бывал в архивах, скажет, что работа в любом архиве, а тем более в архиве центральных органов государственного управления, дело весьма утомительное, долгое и порой неблагоприятное. Найти же сразу 30 документов, которые меняют всё восприятие исторической личности – это из области фантастики, но оставим этот пассаж на совести автора. Для данной публикации гораздо важнее анализ предлагаемого «документа».

Во-первых, любой, кто взглянет на предложенное факсимиле, обратит внимание, что «Указание Ленина от 1 мая 1919 года за № 13666/2» о борьбе с попами и религией не только не носит никакого названия, но и подписано В. И. Лениным только вторым, после М. И. Калинина (о чём ниже).

Теперь к наименованию документа в форме делопроизводства – «Указание». У ВЦИК и Совета народных комиссаров в практике советского государственного, да и партийного делопроизводства вообще никогда не существовало документов с названием «Указание». Существовали только постановления и декреты за подписями глав этих органов (см. сборники «Декреты советской власти»), при этом порядковых номеров таким документам не присваивалось. Вместе с тем во всех публикациях «Указанию» сопутствует порядковый номер 13666/2, что подразумевает наличие мно-

гих тысяч «указаний» в государственном делопроизводстве. Весьма странно, что ни один из подобных документов не известен историкам, не выявлен в архивах, никогда не публиковался.

Даже если предположить что такое указание было на самом деле, но его скрывали, всё равно в архивах должны содержаться как минимум 13665 других «указаний» Ленина или Калинина. Но их нет, нет и ссылок на такие документы в перекрёстном документообороте.

Более того, в соответствии с нормами советского делопроизводства нумерация документов госорганов начиналась с 1 января каждого года, следовательно, чтобы к 1 мая 1919 года Ленин и Калинин подписали 13666-е «Указание», они должны были подписывать более чем по сотне указаний в день (а если учесть дробный характер номера – 13666/2, то ещё больше).

Для чего же понадобился номер? Игорь Курляндский, старший научный сотрудник ИРИ РАН, объясняет это так: «Разумеется, подобный номер выдуман для того, чтобы искусственно ввести в него апокалипсическое «число зверя», придать бумаге ярко выраженный мистический характер, связать его с «сатанинской» стихией российского большевизма».

Долгие годы советской власти документы строго учитывались, этому положил начало ещё сам В. И. Ленин, который уже в первые месяцы после прихода к власти 1 июня 1918 года издал «Декрет о реорганизации и централизации архивного дела». После его смерти все ленинские документы стали объектом пристального внимания власти. Они не только собирались в фонде В. И. Ленина в институте марксизма-ленинизма (ныне это Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ), но и учитывались в полном собрании сочинений В. И. Ленина, «Биографической хронике В. И. Ленина», в многотомном издании «Декреты советской власти».

Сегодня все документы ленинского фонда РГАСПИ, кроме истории болезни, рассекречены и открыты для исследователей, что официально подтвердил руководитель архива К. М. Андерсон.

Все документы Ленина в РГАСПИ каталогизированы строго по датам. Среди бумаг Ленина, относящихся к 1 мая 1919 года, нет антирелигиозных – на эту дату приходится несколько подписанных им постановлений Малого Совнаркома, и все они касаются мелких хозяйственных вопросов. Нет такого документа и за другие даты.

Также для исследователей открыты фонды Государственного архива Российской Федерации, в которых содержатся документы ВЦИК и СНК. Нет этого «документа» и Центральном архиве ФСБ России, и в Архиве Президента Российской Федерации.

В тексте самого «документа» упоминается некое «решение ВЦИК и Сов. Нар. Комиссаров», в соответствии с которым необходимо «как можно быстрее покончить с попами и религией». Удивительно, но если учесть, что «указание» реально существовало, «решение» никак не атрибутировано: нет ни номера, ни числа принятия «решения», ни его названия (для документов высших руководящих советских органов характерно полное упоминание названия и дата того декрета или постановления, на которое ссылаются). У Латышева (да и где-либо ещё) также отсутствует ссылка

на фонд или опись архива, где бы мог храниться столь важный документ. Во всех перечисленных архивах упомянутого «решения» нет.

Чтобы закончить тему архивов, сразу оговорюсь, что и «кругов на воде», то есть любого движения делопроизводства (каких-либо инструкций со ссылками на это «указание», равно как и отчётов о выполнении, банального занесения в книги регистрации документов) по данному «указанию» или «решению» ни в одном архиве нет.

Теперь вернёмся к факсимиле документа. Итак, он напечатан на бланке «Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Согласно первой в истории нашей страны конституции – Конституции РСФСР 1918 года – ВЦИК был «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом», который утверждает и издаёт «декреты и распоряжения». Главой ВЦИК в мае 1919 года был Михаил Иванович Калинин – высшее должностное лицо страны, президент, как сказали бы сегодня.

Но на «указании» стоит не только подпись Калинина, но и В. И. Ульянова (Ленина). Кем же был Ленин? Он был главой правительства – Председателем Совета Народных Комиссаров. Заглянем в Конституцию РСФСР. Её 8 глава гласит:

«38. В осуществление этой задачи Совет Народных Комиссаров издаёт декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни.

39. О всех своих постановлениях и решениях Совет Народных Комиссаров немедленно сообщает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов.

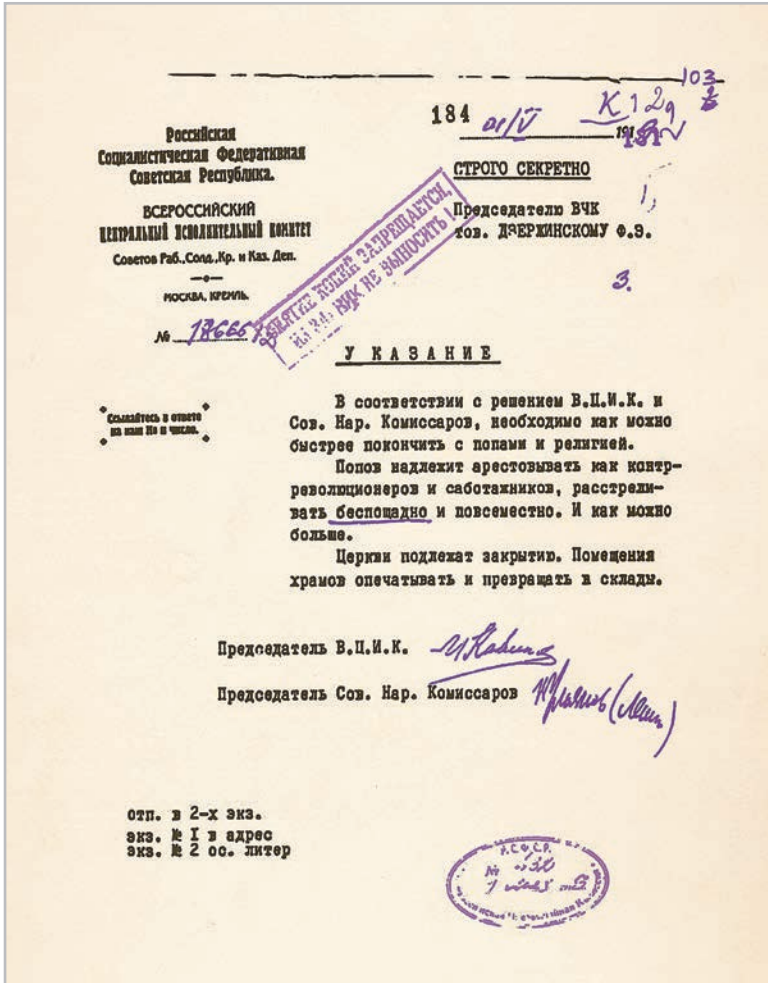
40. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов вправе отменить или приостановить всякое постановление или решение Совета Народных Комиссаров.

41. Все постановления и решения Совета Народных Комиссаров, имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов».

К чему такая длинная цитата? К тому, чтобы показать: согласно советской конституции Совет Народных Комиссаров был подчинённым органом ВЦИК. То есть Калинин и Ленин не могли подписать один документ, подпись главы правительства была уже избыточна. Это как если бы Президент России Путин подписал некий документ совместно с премьером Мишустинным.

И заканчивая тему с Михаилом Ивановичем Калининным: в мае 1919 года он физически отсутствовал в Москве. С 29 апреля по 18 мая М. И. Калинин с поездом «Октябрьская революция», организованным по инициативе В. И. Ленина, совершал поездку на Восточный фронт по маршруту Муром – Арзамас – Алатырь – Казань, а потому никак не мог собственноручно подписать данный «документ».

Теперь вернёмся к тексту «документа». В первом абзаце читаем: «необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией». Как можно выполнить такое «указание»? Если с попами ещё как-то можно – их конеч-

Так называемое «Указание № 13666/2»

ное число, то что значит покончить с религией? Ленин не был дураком, он прекрасно разбирался в вопросах религии и понимал, что покончить с религией каким-то постановлением невозможно. Этот тезис противоречит всем воззрениям Ленина, всем его работам. Да, он был атеистом, но понимал и роль, и место религии в сознании и менталитете людей.

Идём по тексту дальше: «Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».

Но весь этот текст противоречит реальной практике взаимоотношений советской власти и церкви. Документы СНК РСФСР свидетельствуют, что в 1919 и 1920 годах и в начале 1920-х годов по распоряжению Наркомата юстиции РСФСР отдельные церкви неоднократно передавались в распоряжение общин верующих, а решения местных властей об их закрытии отменялись. При действии «указания» или подобного ему документа это было бы совершенно невозможно.

Закрываемые в годы Гражданской войны храмы в большинстве случаев передавались под культурно-просветительские учреждения (школы, политпросветкружки, красные уголки, избы-читальни, музеи, планетарии и проч.), а не обрачались повсеместно в склады, как якобы предписывалось «указанием».

По отношению к православному духовенству политика большевистской власти не была направлена на его тотальное физическое уничтожение, как пытаются внушить обществу авторы фальшивки. Документы свидетельствуют, что в конце 1910-х – начале 1920-х годов не менее важное значение придавалось тактике поддержки лояльных советской власти церковных кругов, с одной стороны, и раскола антисоветских и белогвардейских церковных объединений изнутри. Для этого выделялись группы лояльных к власти представителей духовенства.

Подобные задачи выполнялись не только силами агитработников, но и силами также ВЧК – ОГПУ – НКВД, что было бы совершенно невозможно, если бы перед ними стояла задача повсеместного уничтожения духовенства.

Так что не только с архивной точки зрения, но и с позиции реальной политики, проводимой советской властью по отношению к церкви, «указание» не находит подтверждения, а наоборот, грубо ей противоречит.

Но увы, данная фальшивка так понравилась антисоветчикам и русофобам, так была удобна, чтобы вбить клин между коммунистами и православными, что её авторы или их последователи прибегли к новым фальшивкам для реабилитации «указания».

КАК СТАЛИН ОТМЕНЯЛ ЛЕНИНА

Как я уже писал в предыдущей главе, тема взаимоотношений с Церковью как в публицистике, так и в историографии вызывает горячие обсуждения. Так как вкинутая фальшивка про «указание Ленина» была опровергнута, в дополнение к ней появились новые. Логика подлога была проста: «Фальшивым может быть один документ, но не корпус документов». А для пущей убедительности и играя на известном ещё со времён Троцкого и Хрущёва (который, кстати, в молодости был сторонником Троцкого) противопоставлении Ленина и Сталина, фальшивки решили подбросить через патриотические круги. В 2000-е годы появилось целое направление «почвенников», которые стали «сталинистами» – старая уловка «Сталин

изменил делу Ленина» стала интерпретироваться как «Сталин исправил ошибки Ленина».

В 1999 году в журнале «Наш современник» и ряде средств массовой информации без ссылок на источники были опубликованы сенсационные материалы о смене государственной политики по отношению к церкви в 1939 году, о прекращении гонений на духовенство, а также о массовой амнистии граждан, осуждённых по делам, связанным с «богослужительной деятельностью», в ноябре-декабре того же года.

В 2002 году из печати вышел бестселлер Владимира Карпова «Генералиссимус», где все эти «документы» получили легализацию в сознании масс. Автор – очень титулованный человек и бесспорный авторитет в патриотической среде. Вот некоторые вехи его биографии: герой Великой Отечественной войны, сражавшийся с 1942 года, командовал взводом разведчиков, участвовал в захвате 79 «языков», удостоен звания Героя Советского Союза, после войны стал писать. В 1973–1981 годах – заместитель главного редактора журнала «Октябрь». В 1977 году на центральном телевидении вёл телеальманах «Подвиг». В 1981–1986 годах – главный редактор журнала «Новый мир». В 1986–1991 годах – первый секретарь правления Союза писателей СССР. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва, народный депутат СССР первого созыва, кандидат в члены ЦК КПСС с марта 1986 по май 1988 года. Член ЦК КПСС с мая 1988 по август 1991 года, лауреат Государственной премии СССР (1986). Но в 2002 году очень пожилой человек – он отметил своё 80-летие. Не будучи профессиональным историком, он некритично отнёсся к предложенным ему или почерпнутым откуда-то «документам» и включил их в свою книгу. Увы, таких фальшивок, запущенных в оборот через его книгу, оказалось немало, и мы ещё вернёмся к ним. А пока о тех, что касаются церкви и советской власти.

Вот цитата из книги Карпова:

«Действия Сталина в эти годы можно считать дальновидными – он не мог открыто противопоставить себя Троцкому и его единомышленникам; тактика Сталина была выжидательная – сохранить себя и своих пока ещё немногочисленных сторонников в руководстве партии для дальнейшей борьбы. Стратегические замыслы Сталина в религиозных делах проявятся позднее.

Сталин очень уважал Ленина и поэтому попытался мишировать его резкие антирелигиозные указания.

СОВ. СЕКРЕТНО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1793

**Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

12.04.1940 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

УКАЗАНИЕ

Все документы, имеющиеся в ЦК, связанные с ук. тов. Ленина В. И. № 13666/2 от 1 мая 1919 г., хранить в спецфонде и без личного распоряжения товарища СТАЛИНА никому не выдавать.

/ЗАВ. АРХЧАСТЬЮ ЦК /

Позднее, укрепив свою власть и неоднократно победив оппозиционеров на съездах и пленумах, Сталин уже издаёт и такие документы, защищающие православие:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 1037/19

12 сентября 1933 г.

г. Менжинскому В. Р.

12.09.1933

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнего русского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Таким образом, все обвинения Сталина в терроре против церкви и духовенства, выдвигаемые в публикациях перестроечного периода, бьют мимо цели. Эти обвинения следовало бы адресовать Троцкому и его соратникам-сионистам.

Вот документ, окончательно реабилитирующий Сталина в этом отношении.

**Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

№ 1697/13 11.11.1939 г.
товарищу Берия Л. П.

Выписка из протокола № 98 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.

Решение от 11 ноября 1939 года: Вопросы религии.

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православнововеряющим ЦК постановляет:

1) Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2) Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК – ОГПУ – НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православнововеряющих, – отменить.

3) НКВД СССР произвести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осуждённым по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4) Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Если критики Сталина утверждают, что он был диктатором и единолично управлял страной, то давайте отметим как его личную заслугу освобождение многих тысяч священников и верующих, которых посадили в тюрьмы Троцких, а после изгнания – его единомышленники. Вот ещё один документ:

СЕКРЕТНО
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СССР
(большевиков)
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
СЕКРЕТАРИАТ **ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

22.12.30 г.

22 декабря 1939 г.
товарищу СТАЛИНУ И. В.
г. МОСКВА

№ 1227 «Б» 224989

СПРАВКА

Во исполнение решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за № 1697/13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осуждённых по приговорам судов в разное время, из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в отношении их прекращены. Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти.

Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить ещё около 15 000 человек.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(Л. БЕРИЯ) 22 декабря 1939 г.

Такова правда, позволяющая снять со Сталина персональное обвинение в репрессиях против Российской церкви и духовенства».

Увы, но, как покажет дальнейший анализ, это не было правдой. Сразу же оговоримся, что на эту удочку попался не только престарелый ветеран, но и многие другие. Среди них доктора исторических наук А. И. Вдовин (труд «Русские в XX веке». М., 2004), С. И. Васильцов (статья «XX съезд и русский вопрос в России»), Ю. А. Катунин (статья «Изменение политики партии и государства в отношении Православной церкви в 1939 году» и докторская диссертация с соответствующей главой на эту тему), доктор философских наук, известный эксперт по вопросам церковно-государственных отношений В. А. Алексеев (брошюра «Тернистый путь к живому диалогу (из истории церковно-государственных отношений в 30–50-е гг. XX столетия)»). Свою лепту в это дело внесли и церковные люди: один из первых опубликовавших эти «документы» был священник отец Димитрий Дудко, диссидент советской эпохи, изменивший свои взгляды после перестройки и ставший духовником газеты «Завтра»³.

Немало перепечаток этих документов и в сети Интернет, где большинство авторов ссылаются на некие «тайные архивы», где столь важные документы многие десятилетия скрывались от общества, оставаясь неизвестными до 1999 года, но точных архивных ссылок никто из них не даёт.

В продолжение стоит отметить, что из представленных «документов» факсимильное воспроизведение имеют два – выписки из решения Политбюро Менжинскому от 12 сентября 1933 года и выписка Берии от 11 ноября 1939 года, оба впервые были опубликованы в книге Карпова.

Рассмотрим их.

³ Дано по статье И. Курляндского.

Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года с подзаголовком «Вопросы религии» за подписью И. В. Сталина. Как правило, её приводят как доказательство подлинности «указания Ленина». Мол, не мог же Сталин отменить фальшивку, если отменял, значит, знал что.

Наиболее полно этим вопросом занимался старший научный сотрудник ИРИ РАН, кандидат исторических наук И. Курляндский. Проверив архивы, он пришёл к выводу, что все протоколы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) за 1919–1952 годы (и подлинные, и копии) хранятся в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 3, 163) и теперь доступны для исследователей. Рассекречены и материалы особых папок к заседаниям Политбюро за все эти годы (Ф. 17. Оп. 162), куда откладывались постановления Политбюро по разным секретным вопросам. За 11 ноября 1939 года решения Политбюро действительно были, однако церковных вопросов они не касались.

Теперь что касается номера протокола. Номера обобщённых протоколов к заседаниям Политбюро присваивались в порядке очерёдности после очередного съезда партии и, соответственно, выборов нового состава Политбюро. Обобщённый протокол Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 ноября – 10 декабря 1939 года, включающий и решения от 11 ноября 1939 года, значится в архиве под номером девять (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016). А в опубликованном «Постановлении» у протокола Политбюро значится номер 88! Это доказывает, что фальсификаторы никогда не работали в архивах, они не дали себе труда ознакомиться даже с порядковыми номерами протоколов Политбюро. Цифра была взята с потолка.

В большинстве публикаций «Постановления» фальсификаторы ставят гриф «Особая папка». Есть особая папка и к решениям Политбюро ЦК ВКП(б) 11 ноября 1939 года, она рассекречена, хранится в архиве. Однако вопросы религии и там не рассматривались. В этот день под грифом «Особой папки» рассматривался вопрос «об увеличении численности и материальном обеспечении конвойных войск НКВД», «о пересмотре караульной службы» и вопрос Комиссии обороны (РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 107, 108.).

Конечно, гриф «Особая папка» был поставлен фальсификаторами для создания видимости особой важности, секретности публикуемого ими сенсационного «документа».

Отметим, что за весь 1939 год на Политбюро вообще не рассматривалось никаких церковных и религиозных вопросов (в том числе и по особым папкам).

О подлоге «документа» от 11 ноября 1939 года говорит и то, что ни в Центральном архиве ФСБ России, где хранятся документы НКВД, ни в Архив Президента Российской Федерации, где хранится фонд Политбюро ЦК (за исключением протоколов к заседаниям Политбюро, переданных в РГАСПИ), данный документ также не присутствует.

Более того, Советский Союз был идеократическим государством, и отмена любого решения, постановления или декрета Ленина была невозможна. В истории партийно-государственной практики никогда не было случаев гласной или секретной отмены ленинских документов. Даже в со-

временной истории на это решился лишь премьер-министр Д. Медведев (через полгода он, правда, лишился должности, но это, как говорится, другая история). С середины 1920-х годов до перестройки в СССР авторитет Ленина был незыблем. Если ленинская линия по каким-то вопросам ревизовалась, как в случае той же самой перестройки, то делалось это исподволь, под обязательным прикрытием соответствующих цитат из Ленина, с демонстрацией верности ленинским идеям и установкам. Даже в самых секретных бумагах отсутствовала критика Ленина, любое порицание его действий или документов было абсолютно невозможно для руководителей всех уровней – от Сталина до рядового работника райкома партии.

В партийно-государственных документах Ленин никогда не назывался «товарищем Ульяновым (Лениным)». Принятые формы упоминания только «товарищ Ленин», «В. И. Ленин».

Теперь что касается текста так называемого «Решения от 11 ноября 1939 года. Вопросы религии». Первое, что бросается в глаза, это чрезмерно уважительное отношение для официального документа: вместо обычного «священники» пишется «служители русской православной церкви», вместо «пропаганда религии» читаем «богослужительная деятельность», а также использование каких-то псевдоцерковных терминов, которые ни до, ни после в документах ЦК партии не фигурируют, например, «православноверующие».

Теперь рассмотрим этот «документ» по пунктам.

«1). Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих». Тут же возникает ряд вопросов: какую именно практику? СССР перестал бороться со своими противниками, если эти противники православные? Всё это базируется на громадной лжи о якобы преследовании не отдельных священников за антисоветскую деятельность, а преследование всей церкви как таковой. Но это очень серьёзный вопрос для краткой заметки. Наша работа посвящена не ему.

Далее: «2). Указание товарища Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 года за № 13666-2 "О борьбе с попами и религией", адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК – ОГПУ – НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих, – отменить». Что здесь можно отменить? Требование «как можно быстрее покончить с попами и религией» – что, за 20 лет не покончили? Или, может, отменить распоряжение, что «попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше»? Неужели решением ЦК ВКП(б) воскресить всех расстрелянных попов? Или, может, арестованные ещё Дзержинским попы ждут очереди на расстрел? Как бредово была составлена первая фальшивка, так же бредово составлена и вторая. Смысл один – кровавыми фразами (в первой) и буффонадой (во второй) играть на эмоциях неискушённого читателя. Отмечу, что опять же никаких «инструкций ВЧК – ОГПУ – НКВД», связанных с «указанием Ленина», ни в одном архиве нет, нет на них и ссылок в многочисленных делах осуждённых священников.

8

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 1697/13

11.11.1939 г.

товарищу Берия М.П.

Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.

ОСОБОГО КОНТРОЛЯ

Решение от 11 ноября 1939 года

22. -

Вопросы религии.

По отношению к религии, служителям русской православной церкви и православным верующим ЦК постановляет:

1). Признать нецелесообразно впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2). Указание товарища Ульянова (Денина), от 1 мая 1919 года за № 12666-2 "О борьбе с попами и религией", адресованное пред. ВЧК товарищу Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК-ОГПУ-НКВД касавшиеся преследования служителей русской православной церкви и православных верующих, - отменить.

3). НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить их от стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4). Вопрос о судьбе верующих, находившихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок во 2-ю часть Особого Секретариата ЦК (пост. ПБ ЦК от 5/V.27 г., № 100 п. 5)

Л. Берия
11/11

1939 г.
12-го ноября 9

Так называемое «Решение Политбюро от 11 ноября 1939 года»

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ№.....1037/15...
12 сентября 1933 г.

Т. Менжинскому В. Р.

Выписка из протокола № _____ заседания Политбюро ЦК от _____ 12.09. 1933 г.

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок по 2-ю часть
Особого Секретариата ЦК (лист. ПБ ЦК от 5/У.27 т., № 100 п.5)

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 500 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и безпризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древне русского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

1-кв

отпечатано в 4-х экземплярах

экземпляр № 1	- ЦКК
" " № 2	- Моссовет
" " № 3	- ОГПУ при НКВД РСФСР
" " № 4	- секретариат ЦК

экз. № _____
Министерства Ильяинская

Так называемая «Выписка от 12 сентября 1933 года»

В третьем пункте читаем: «НКВД СССР произвести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осуждённым по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти». Так и видится, как фальсификаторы представляют себе Сталина и Берия, хохочущих от того, как они обманули потомков. Ведь текст противоречит сам себе.

Во-первых, в СССР не было статей Уголовного или какого другого кодекса, где была бы статья, осуждающая за «богослужительную деятельность», иначе к 1939 году арестовали бы и судили всех священников. Во-вторых, православные священно- и церковнослужители в основном обвинялись по статье 58-10 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР – «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2 и 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса», то есть высшую меру наказания – расстрел. Как показывают исследования, практически всем арестованным священникам вменялось в вину то, что они проводят антисоветскую пропаганду. То есть никого из них по этому решению освободить нельзя, ведь все они с точки зрения закона нанесли вред советской власти. Если же они были оговорены и обвинены напрасно, то их можно было освободить и в рамках действующего тогда закона, без дополнительных решений.

Ну и последний пункт: «Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно». Что ж, прошло уже 80 лет, а ЦК так и не озаботился этим вопросом.

Вдогонку к этому документу фальсификаторы прикрепили и «Справку Берии» о реабилитации священников.

Если обратиться к архивам и исследованиям по истории церкви, то станет ясно, что не существовало никакой массовой амнистии осуждённых по церковным делам ни в ноябре – декабре 1939 года, ни в 1940 году, ни в 1941 году якобы во исполнение «Постановления Политбюро от 11 ноября 1939 года». В Центральном архиве ФСБ России не содержится никаких документов, свидетельствующих о массовой амнистии по церковным делам с ноября 1939 года.

Таким образом, «справка» Берии от 22 декабря 1939 года на имя Сталина о мнимом выпуске в ноябре и декабре десятков тысяч человек, пострадавших по церковным делам, и о якобы готовящемся массовом просмотре десятков тысяч других подобных дел – тоже подделка.

Для чего же корпус фальшивок пополнился и этой «справкой»? Ради цифры в более чем 74 000 священников. И неудивительно, что эту цифру активно используют антисоветчики всех мастей. Более того, вместе с рас-

стрелянными и высланными её доводят до вообще астрономической цифры в 165 000 священников. Но насколько это возможно?

По данным ежегодного «Русского календаря», на 1 января 1915 года на всей территории Российской империи проживало 112629 человек духовенства, из них священников – 51105 человек, диаконов – 15035 и псаломщиков – 46489. Часть из них осталась на территориях, не вошедших в СССР, часть эмигрировала за границу вместе с остатками «белых» войск, часть отказалась от сана и ушла в колхозы кладовщиками да счетоводами, кто-то просто умер от старости и болезней. Где же сумело НКВД найти к 1939 году не то 75 000, не то 165 тысяч священников, чтобы всех их арестовать?

На сегодняшний день в базе данных института «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую православную церковь в XX веке» 33171 имя, включая и тех, кто был освобождён в связи с прекращением дела и за недоказанностью. Судя по тому, что в неё включён и Николай II, далеко не все указанные в ней лица были священниками или пострадали за веру.

Теперь о «решении Политбюро ЦК от 12 сентября 1933 года», направленном против разрушения храмов и церквей, как «памятников архитектуры древнерусского зодчества».

В протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1933 год подобное решение отсутствует. Отсутствует оно и в архивах, номера же протокола и вовсе нет.

Но больше всего удивляют цифры, приводимые в документе. Так, по данным Политбюро, в Москве на 1933 год было 950 храмов (включая снесённые). Но постойте, в 1917 году на территории Москвы (в границах 1960 года) было 848 храмов. Неужели большевики построили более 100 храмов?

Давайте вчитаемся в текст и представим себя на месте Менжинского (напомню, что в 1933 году он был главой ОГПУ – специального органа государственной безопасности СССР): «В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей». Первый же вопрос – а зачем эта информация Менжинскому? Что с ней делать? Какое отношение ОГПУ имеет к сносу и переоборудованию церквей? Почему их переоборудуют в цеха, клубы, общежития, я даже дополню, в музеи, планетарии, а не как приказывал Ленин в «указании», исключительно в склады?

Далее: «На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счёт разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества». Ну и замечательно, пишите в Моссовет, зачем это Менжинскому? Более того, большинство московских церквей – это строения XIX века, когда они сумели стать «памятниками архитектуры ДРЕВНЕГО русского зодчества»?

И в заключение: «Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной

и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнего русского зодчества». Вот вроде бы для чего писали главе ОГПУ Менжинскому – принять меры. Но фраза в скобках превращает роль ОГПУ в фикцию, а весь документ в бред. Меры дисциплинарной ответственности накладывает работодатель – это увольнение, выговор, штраф и т. д. ОГПУ может вынести их только своим сотрудникам, но они никакого отношения к сносу церквей не имеют. Что касается мер партийной ответственности, то здесь и ежу понятно, что выносят их партийные органы, к которым опять же ОГПУ никакого отношения не имеет.

Разрушение церквей и храмов по разным причинам продолжалось и после 1933 года, в том числе и в Москве.

Всё это подтверждает, что и данный «документ» – тоже фальшивка.

ЗАГАДКИ «ПИСЬМА ЛЕНИНА МОЛОТОВУ»

История этого «письма», приписываемого Ленину, началась ещё в далёком 1964 году. Тогда при подготовке в печать 45-го тома пятого издания полного собрания сочинений В. И. Ленина на странице 666 (даже и не знаю, как комментировать такое совпадение) в датах жизни и деятельности В. И. Ленина появилась следующая запись: «Март, 19. Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом».

Удивительно, но само письмо опубликовано не было (более подробно об этом ниже).

Впервые «письмо» было опубликовано в Париже в «Вестнике русского студенческого христианского движения», № 98 в 1970 году, к столетию со дня рождения В. И. Ленина (письмо опубликовано под редакцией М. Л. Струве, который впервые и указал на его связь с выше приведённой цитатой из 45-го тома ПСС В. И. Ленина). И тут возникает первый и самый главный вопрос – как секретное письмо, которое якобы побоялись публиковать в СССР, хранящееся в спецархиве за семью печатями, оказалось напечатано в Париже в малоизвестном журнале русских эмигрантов с мизерным тиражом?

Следующая публикация «письма» состоялась в парижской газете «Русская мысль» 1 апреля 1971 года.

И, наконец, в 1990 году к 120-летию со дня рождения В. И. Ленина в апрельских номерах сразу два журнала – «Известия ЦК КПСС», № 4 с. 190–193 и «Наш современник», № 4, с. 167–169, – опубликовали «письмо» под наименованием «Письмо В. И. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года».

Чтобы понять контекст времени и цели публикаторов в 1990 году, приведу примеры того, как «Наш современник» в лице В. Кожина уси-

ливал клевету «письма» утверждением тезиса, что голод 1922 года был якобы сознательно организован большевиками во главе с В. И. Лениным. Для подтверждения этого абсурдного тезиса В. Кожин приводит три «цитаты» из работ Ленина (о том, как фальсификаторы «цитируют» вождя Октябрьской революции, я уже неоднократно писал).

В. Кожин пишет: «Ленин открыто писал, что хлеб в стране есть: «Недалеко от Москвы, в губерниях, лежащих рядом: в Курской, Орловской, Тамбовской – мы имеем по расчётам осторожных специалистов ещё и теперь до 10 миллионов пудов избытка хлеба»... Вопрос стоял не о продовольствии, а только о политике».

Так заявляет В. Кожин, но не сообщает, что Ленин говорил это в «Докладе о борьбе с голодом 4 июня 1918 года (ПСС, т. 36, с. 412), а вовсе не во время голода 1922 года! И чтобы читателю невозможно было найти эту фразу Ленина, В. Кожин даёт на неё ложную ссылку – «т. 36, с. 369» – вместо правильной ссылки – «т. 36, с. 412».

Другую длинную выписку В. Кожин делает из работы В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной тоже не в 1922 году, а 1 октября 1917 года. В. Кожин не только не называет заглавия цитируемой работы Ленина, но и указывает другой номер тома в ПСС – т. 36, с. 269. Правильная ссылка: т. 34, с. 310–411. При выписывании цитаты В. Кожин опустил значительные куски текста, что исказило смысл. Кроме того, в выражении «всесилие пролетарского государства» слово «всесилие» оказалось заменённым на «всё насилие».

В третьей цитате из Ленина: «Потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда» (ПСС, т. 36, с. 449) – В. Кожин опустил слово «правильно», что, естественно, исказило смысл всей фразы в нужную В. Кожину сторону.

Что же касается самого «письма», то оно с тех пор кочует из публикации в публикацию и добралось даже до школьных учебников истории. В частности, отрывок из неё под скромным заголовком «Из записки В. И. Ленина. 19 марта 1922 года» напечатан в учебнике истории России для 10-го класса, разработанном авторским коллективом в составе М. М. Горинова, А. А. Данилова, М. Ю. Морукова и др.

Вот цитата, приведённая в нём из «записки»: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше...».

Именно эта цитата так любима борцами с советской властью и с идеями В. И. Ленина. Но приведём «письмо» полностью:

«Строго секретно

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе.

Ленин.

*Товарищу Молотову.
Для членов Политбюро*

По поводу происшествия в Шуге, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твёрдое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуге должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно, сообщению о подготовке церковьными ценностями в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождём совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твёрдо. События в Шуге лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кро-

ме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народными массами не вынесут. Это соображение, в особенности, ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нецелесообразны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, то есть эс-эрам и милликовцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведём с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступать с какими [бы] то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причём дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даёт детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был поведён с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опас-

ных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и несколько других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как должно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, то есть на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин.

19.III.22

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин.

19.III.22

Приняла по телефону М. Володичева».

Помета В. М. Молотова: «Согласен. Однако, предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии. 19/III. В. Молотов».

Начиная с 1990 года у письма есть и архивный адрес: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1.

Д. 22947. Л. 1–4, 9. Подлинник. Машинописный текст. Помета В. М. Молотова – автограф.

Для анализа данного «документа» приведу выдержку из статьи историка-исследователя Геннадия Александрова, опубликованную в газете «Правда» в № 5 за 19–22 января 2018 года:

«...Поясним, что в основу сюжета фальшивого письма положены мероприятия советской власти по преодолению последствий голода, разразившегося в 1921 году в Поволжье, и по оказанию помощи голодающим. Жертвами стихийного бедствия стали сотни тысяч человек. Только в одной Татарской республике с июля 1921-го по июнь 1922 года заболели от голода 960470 человек, из них 112961 умерли.

Для координации деятельности всех государственных учреждений и общественных организаций по борьбе с голодом 18 июля 1921 года при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК) под председательством М. И. Калинина была создана Центральная Комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). Одной из многочисленных государственных мер по спасению голодающих было изъятие и продажа церковных ценностей с целью последующей закупки на вырученные деньги муки. Порядок изъятия «церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», определялся декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года.

В некоторых городах этой вынужденной государственной мере, имевшей целью спасение жизни миллионов голодавших, было оказано сопротивление, произошли столкновения между верующими и комиссиями, производившими изъятия. Так, 15 марта 1922 года в ходе изъятия церковных ценностей в соборе города Шуи (Иваново-Вознесенская губерния) произошли вооружённые стычки, в которых с обеих сторон было применено огнестрельное оружие. 4 человека убиты, 10 человек ранены; некоторые – от пуль револьверов, из которых стреляли из толпы. Но в тот же вечер представители верующих всё же сдали в уездный исполком 3,5 пуда серебра из ценностей собора. Всё изъятое было взято на учёт ЦК Помгола.

18 марта 1922 года трагические события в Шую обсуждались в Политбюро ЦК РКП(б). Члены Политбюро по телефону, протоколно рассмотрели вопросы «О событиях в Шую» и «Об изъятии церковных ценностей». Президиуму ВЦИК было рекомендовано послать специальную комиссию в Шую для разбирательства. Была также утверждена инструкция губкомам партии об организации на местах работы по изъятию церковных ценностей с учётом трагедии, происшедшей в Шую.

20 марта состоялась уже очное заседание с участием членов Политбюро Каменева, Сталина, Троцкого и кандидата в члены Политбюро Молотова (при отсутствии кого-либо из членов Политбюро кандидат в члены получал право решающего голоса), а также заместителей Председателя Совета Труда и Оборона Цюрупы и Рыкова. Ленин, будучи больным, в обсуждении всех вопросов участвовал заочно. Решения, принятые 18 марта «опросом» по телефону и 20 марта во время очного заседания, были включены в протокол № 114 заседания Политбюро от 20 марта 1922 года.

Именно эти события – драматическая история в Шуе и её обсуждение в Политбюро – стали полвека спустя предметом политической провокации, в результате которой возникло некое «секретное, неизданное письмо Ленина».

Откуда «растут ноги» у фальшивки. Фальшивка родилась в 1970 году. Она была опубликована в эмигрантском журнале «Вестник русского студенческого христианского движения», издававшемся в Париже. Инициатор её публикации – издатель журнала Н. А. Струве. Анонс на обложке журнала гласил: «Неизданное письмо В. И. Ленина»; обозначен и месяц выхода журнала: апрель 1970 года, то есть публикация была приурочена к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Следующая публикация «неизданного письма» состоялась 1 апреля 1971 года в парижской газете «Русская мысль». А к 120-й годовщине со дня рождения Ленина, в апреле 1990 года, журнал Центрального Комитета партии «Известия ЦК КПСС» перепечатал эту фальшивку. В предисловии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к публикации сообщалось: «Письмо В. И. Ленина В. М. Молотову... было опубликовано по неизвестной нам копии (выделено мной. – Г.А.) в газете «Русская мысль» (Париж) 1 апреля 1971 года со ссылкой на перепечатку из «Вестника русского студенческого христианского движения» № 98». После такой информации немудрено, что не было никаких указаний, в каких спецхранах хранилось это «письмо».

Итак, круг «источников» замкнулся! Письмо «выскочило» как чёрт из табакерки. Правда, есть основание предполагать, что «табакерка» эта – Гарвардский университет (США). Именно он в 1930-х годах выкупил часть личного архива Л. Д. Троцкого. В нём было немало подлинников партийных документов, по которым, как по лекалам, можно было «скроить» не один десяток фальшивок.

Сравнительный анализ текстов «письма», напечатанных в эмигрантском «Вестнике» и «Известиях ЦК КПСС», позволяет утверждать, что в Институте марксизма-ленинизма (ИМЛ) фальшивка была подправлена. В «Вестнике» она опубликована под названием «Неизданное письмо В. И. Ленина членам Политбюро», а в «Известиях ЦК КПСС» уже облагорожена: «Письмо В. И. Ленина В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б)». К тому же дата «написания» была актуализирована: «19 марта 1922 г.», то есть между событиями в Шуе 15 марта и заседанием Политбюро от 20 марта.

Нисколько не сомневаюсь, что к появлению фальшивки в печатном органе ЦК КПСС, её «облагораживанию» и тиражированию приложил руку серый кардинал перестройки А. Н. Яковлев. Будучи членом Политбюро, секретарём ЦК КПСС, он не только входил в редакционный совет «Известий ЦК КПСС», но и очень бдительно курировал это издание. Уже давно не является секретом, что по его указаниям в СМИ была развёрнута настоящая война с советской историей. В первую очередь предавали анафеме коммунистических вождей. Клевета на Ленина преследовала цель сломить у партийного актива страны волю к сопротивлению. Многие соотечественники, в том числе члены КПСС, не выдержали этой провер-

№ 114
5

Товарищу МОЛОТОВУ.
Для Числов ПОЛИТБЮРО.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Просьба ни в каком случае ко-
пей не снимать, а каждому чле-
ну Политбюро /тов. Калинин те-
же/ делать свои заметки на са-
мом документе.

Л е н и н .

По поводу происшествия в Шуче, которое уже поставлено на об-
суждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же
твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направле-
нии. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать
на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои сооб-
ражения письменно.

Происшествие в Шуче должно быть поставлено в связь с тем со-
общением, которое недавно Госта переслало в газеты не для печати,
а именно, сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере со-
противлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопос-
тавить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духо-
венства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что
нам известно о нелегальном возвышении патриарха Тихона, то станет
совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим
вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сра-
жение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы
черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточ-
но твердо. События в Шуче лишь одно из проявлений и применений
этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратеги-
ческую ошибку, пытаясь втянуть нас в решающую борьбу тогда,
когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. На-
оборот, для нас, именно в данный момент представляет из себя не
только исключительно благоприятный, но и вообще единственный мо-
мент, когда мы можем 99-е из 100 шансов на полный успех разбить
неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас
позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, ко-
гда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сот-
ни, если не тысячи трупов, мы можем /и поэтому должны/ провести

Первая страница «Письма Ленина Молотову от 19 марта 1922 года»

упру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского уполномоченных лично делать об этом доклад в Политбюро ежедневно.

на Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКД и Революционного Трибунала. На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с безупречной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся на этом походу разстрелять, тем лучше надо именно теперь прочесть эту публикацию так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Каллинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в обще-советском и обще-партийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Л е н и н .

19. III. 22.

Пропу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером /не снимая копий/ и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основами каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Л е н и н .

*Стасен. Однако, предлагаю все рассудительнее
Каллинину не на все 2/3
и горда, т.е. иде Дзержин-
т.е. иде Дзержин-
середотр. и т.д. и т.д.
ошиб "*

ки клеветой на партию. Сегодня общество горько расплачивается за это. Жизнь подтвердила мудрое предсказание народного поэта Дагестана Расула Гамзатова, пророчески сказавшего однажды: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

А мы рассмотрим явные нестыковки, которые видны в «письме», как белые нитки в шитье. Для начала исследуем его, исходя из практики делопроизводства, сложившейся в ленинском секретариате. Начнём анализ с реквизитов. Первый – дата написания документа.

Анализ ленинских писем периода 1921–1922 годов позволяет сделать вывод о том, что их большинство помечено датой, расположенной в левом верхнем углу документа. Как правило, в них число обозначалось арабской цифрой, месяц – латинской, год – снова арабской, чаще всего с употреблением буквы г. Вот характерный пример – записка управляющему делами Совнаркома Горбунову:

«12.XI.1921 г.

т. Горбунов!

Прошу Вас прочесть приложение и направить т. Альскому для ознакомления [...]

Ленин».

Обратимся к подписи автора документа. Согласно примечаниям, помещённым в «Известиях ЦК КПСС» и в других публикациях, «письмо» представляет собой принятый по телефону секретарём Ленина М. Володичевой и напечатанный ею машинописный текст, под которым личная подпись В. И. Ленина отсутствует; она обозначена машинописью. Но Ленин всегда подписывал свои письма и записки. Его документы включались в собрания сочинений и ленинские сборники, как правило, либо с подписанных рукописных материалов, либо по машинописному тексту, подписанному В. И. Лениным, и обозначались: «рукопись, подлинник; машинопись, подпись – автограф» и т. д.

Приведём для примера записку А. М. Горькому, относящуюся к декабрю 1921 года:

«6/XII.

Дорогой А. М.!

...Пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться.

...Не напишете ли Бернарду Шоу, чтобы он съездил в Америку, и Уэлсу,

...чтобы они оба взяли для нас помогать сборам в помощь голодающим?

...Голодным попадёт тогда побольше.

А голод сильный...

Привет! Ленин».

Под текстом комментариев издателя: «Печатается по рукописи».

А вот у письма В. В. Фомину от 19.I.1922 г. другой комментарий издателя: «Печатается по машинописному тексту, подписанному В. И. Лениным».

Между тем «письмо», опубликованное в «Известиях ЦК КПСС», имеет архивный атрибут: «ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22947; машинописный текст». Заметьте: не «машинописный подлинник», заверенный подписью Ленина, не «автограф», а просто «текст»! И этот машинописный текст «неизвестной копии» без ленинской подписи нам пытаются «всучить» за подлинный документ! Да ещё Ленина при этом винят за всю ту чушь, которая в некоем тексте изложена, но его личной подписью не удостоверена! Как тут не удивиться, что отсутствие подписи Ленина на «документе» никого из историков не смущает!

О грифе секретности. В тексте «письма», помещённом в «Вестнике», использован гриф секретности: «СТРОГО СЕКРЕТНО». Некоторые комментаторы с придыханием пишут: «Сверхсекретность документа означала предельную откровенность, с которой В. И. Ленин обращался к Политбюро ЦК РКП(б), точнее, предельный цинизм и нескрываемую жестокость. После кровопролития в Шуге уже нечего было рядиться в тогу борца с голодом перед лицом таких же борцов...» Но вот незадача: как показывает анализ ленинских писем и записок за 1921–1922 годы, он обычно употреблял гриф «секретно» и «совершенно секретно». К примеру: «т. Молотову для посылки секретно... всем членам Политбюро...». Или записка Г. Я. Сокольникова: «Совершенно секретно. Т. Сокольникову...». Полагаю, что авторы «письма» глубоко не вникли в тонкости ленинского стиля написания служебных документов и внесли в текст «интригу», употребив гриф: «СТРОГО СЕКРЕТНО». Причём в «Известиях ЦК КПСС» этот гриф использован даже с подчёркиванием: «Строго секретно».

Об адресате «письма». «Документ» в дискуссионном обиходе называется «Письмо Ленина Молотову», но В. М. Молотов не являлся «адресатом» письма. С 16 марта 1921 года до 2 апреля 1922 года он был ответственным секретарём ЦК и отвечал в том числе за связь Ленина с членами Политбюро и за организацию выполнения ленинских поручений и т. д. Проще говоря, Молотов исполнял тогда функцию «диспетчера» ЦК РКП(б).

Интересна и такая деталь: Ленин якобы обращался в «письме» к секретарю ЦК со словами: «Товарищу Молотову». Но партийные руководители в посланиях друг к другу обращались обычно с кратким обозначением слова «товарищ» – «т.». Иногда Ленин использует сокращение: «тов.».

К вопросу о копировании документов. Обращают на себя внимание некоторые указания, якобы сделанные в «письме»: «Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро... делать свои заметки на самом документе. Ленин». Такое многословие нехарактерно для ленинского стиля. Вот типичный пример его записки:

«Без копии т. Молотову

Прошу показать это письмо всем членам Политбюро и с их пометками вернуть мне.

20/II.22. Ленин».

Ещё более многословной и несуразной выглядит следующая приписка в конце «письма»:

«Прошу т. Молотова

постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия. Ленин».

Обозначим для анализа диспозицию. Ленин находится под Москвой. Молотов и секретарь Володичева – в Москве. «Письмо» якобы написано 19 марта 1922 года (кстати, не указано, когда и кем передано по телефону Володичевой), а заседание Политбюро состоится на следующий день, 20 марта. При этом члены Политбюро находятся в Москве, в разных зданиях, а то и в разъездах. А письмо надо «постараться разослать» «сегодня же вечером», причём «не снимая копий», и вернуть секретарю «тотчас по прочтении».

Трудно представить, как Молотов и Володичева могли исполнить эти указания. А как Ленин мог ознакомиться с содержанием этих замечаний? А без этого письмо с ленинскими указаниями бессмысленно! У авторов «письма» явно концы с концами не сходятся.

Ещё один намёк на фальшивку: о написании слова «изъятие». Контрольным тестом на подлинность «письма» может стать это слово. В инструктивном письме губкомам партии («Приложение к протоколу № 114 п. 6 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 20/III-22 г.) слово «изъятие» пишется через апостроф. Так писать было нормой в начале 1920-х. В опубликованных же текстах «письма» это слово пишется через твёрдый знак. Это значит, что нам представлено не оригинальное письмо и даже не его репринтная копия, а поздний по времени «машинописный текст» неясного происхождения, то есть фальшивка.

Об алгоритме заседаний Политбюро. Неосведомлённость авторов «письма» в особенностях работы Политбюро проявляется и в пассаже: «...сделать доклад на полном собрании Политбюро». В нашей партии всегда (повторяю: всегда!) употреблялось выражение не «собрание», а «заседание Политбюро», в каком бы численном составе оно ни проходило.

Абсурдно в «письме» выглядит и рекомендация: «В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем несколько), причём дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро».

Во-первых, Политбюро ещё 18 марта, то есть за день до написания «письма», решило срочно направить в Шую специальную комиссию ВЦИК в составе: П. Г. Смидович (председатель), Н. И. Муралов и И. И. Кутузов – для расследования событий. 21 марта 1922 года комиссия в составе этих трёх ответственных работников прибыла в Шую. Поэтому абсурдом выглядит рекомендация, содержащаяся в «письме»: послать в Шую «лучше одного» ответственного работника, «чем нескольких».

Во-вторых, что это за словесная инструкция? В первые годы советской власти установился директивный порядок указаний. Эти директи-

вы, как правило, письменные, принятые Центральным Комитетом партии и его Политбюро, были законом для каждого коммуниста, работавшего в советских органах, и для каждой парторганизации, которым они были адресованы. И директивы, утверждённые Политбюро ЦК РКП(б) ещё 18 марта, были немедленно направлены в губкомы партии.

Продолжим анализ текста, объявленного «письмом Ленина Молотову». В этом «документе» обнаруживаются такие несуразности, что возникает вопрос: а какой был смысл Ленину писать такое «письмо»?

Этот вопрос появляется всякий раз, когда задумываемся о судьбе виз согласования. На «письме» якобы имеется только ответ Молотова: «Согласен. Однако, предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии. 19/III. В. Молотов». Но на нём нет заметок членов Политбюро Каменева, Сталина, Троцкого и кандидата в члены Политбюро Калинина, которым оно якобы адресовано. Спрашивается, зачем тогда было затевать этот «сыр-бор»?

Заметим, что отсутствие виз согласования членов Политбюро, как и отсутствие личной подписи Ленина под «документом», никого из публикаторов множества статей и исследований абсолютно не беспокоит и не останавливает от «глубокомысленных» выводов! Более чем удивительно!

Чем был озабочен весной 1922 года Ленин. У истории с мифическим письмом есть и ещё одна существенная сторона. Весной 1922 года уже больной Ленин больше всего был озабочен подготовкой к предстоявшей в апреле Генуэзской конференции, куда великие державы пригласили Советскую Россию. 45-й и 54-й тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина за февраль и март 1922 года пестрят письмами и записками наркомучуждел Г. В. Чичерину, связанными с Генуей. Несмотря на свою болезнь, Владимир Ильич сосредоточился на этом важнейшем политическом вопросе, от решения которого во многом зависела судьба Советской власти.

До трагических событий в Шуве 15 марта 1922 года он лишь однажды обращается к вопросу об изъятии церковных ценностей. Об этом свидетельствует «Биографическая хроника жизни и деятельности В. И. Ленина»: 12 марта «Ленин диктует по телефону (в 13 час. 35 мин.) секретарю Н. С. Аллилуевой текст телефонограммы В. М. Молотову с поручением дать от имени ЦК РКП(б) указание губкомам прислать с делегатами XI съезда РКП(б) подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях, которые могут быть использованы в целях помощи голодающим».

В связи с этим нас интересует обсуждавшийся в Политбюро 18 марта 1922 года вопрос «Об изъятии церковных ценностей» (п. 6 протокола Политбюро). По нему было принято решение «принять предложенный Троцким проект директив с поправками: к п. 1 добавить примечание о сроках изъятия по губерниям; к п. 2 – ввести в комиссию Белобородова на правах заместителя председателя, председателем комиссии назначить Калинина, представителем ЦК в комиссии – Яковлева, зам. Красикова – Галкин;

состав бюро: Яковлев, Сапронов (зам. Белобородов), Уншлихт и Галкин; в п. 17 – сроки на местах должны быть установлены под контролем Центральной комиссии; инструкцию разослать всем губкомам». В протоколе Политбюро нет никаких следов ленинского «письма»; нет упоминаний о нём и в повестке дня. Отсутствуют и какие-либо ссылки на «поручения» Ленина, относящиеся к обсуждению на XI съезде РКП(б) вопроса об изъятии церковных ценностей. А ведь по версии «письма» следовало «на Съезде партии устроить секретное совещание (?) ...делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение (!) Съезда о том, что изъятие ценностей... должно быть проведено с беспощадной решительностью (?)... в самый кратчайший срок». К тому же, если принять письмо за чистую монету, Ленин требовал «назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквах».

Беззастенчивое враньё фальсификаторов разоблачается тем, что вопрос об изъятии церковных ценностей не включался в повестку съезда ни на обсуждавшем её Пленуме ЦК 25 марта 1922 года, ни на самом съезде (27 марта – 2 апреля 1922 года). Он вообще не затрагивался на съезде ни в дискуссиях по Политическому отчёту ЦК, ни по другим вопросам. Протоколы и пленума ЦК, и XI партсъезда свидетельствуют, что все эти «поручения» – откровенная фальсификация истории.

Правда заключается в том, что ни В. И. Ленин, ни ЦК РКП(б), ни ВЦИК, ни Совнарком РСФСР не предполагали никакого иного использования церковных ценностей, кроме как на помощь голодающим. Об этом убедительно свидетельствует «директива» Политбюро ЦК РКП(б): «К учёту церковных ценностей при помоголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, что ни одна крупица церковного достояния не получит другого назначения, кроме помощи голодающим».

О том, как проходил этот процесс, свидетельствует журнал «Бич народа», издававшийся Татарским республиканским комитетом Помгола: «Немалым подспорьем для голодающих явилось изъятие церковных ценностей. Всего по Татарской республике было изъято: 405 п. (пудов. – Г.А.), 22 ф. (фунта. – Г.А.), 8 з. (золотников. – Г.А.), 72 доли серебра, серебряных монет на 764 руб. 75 к., золота – 1 ф. 21 зол. 73 доли. Кроме того, разных золотых украшений с камнем весом – 92 з. 25 д., жемчуга – 5 ф. 88 зол. 59 дол. и драгоценных камней – 1086 шт. весом 115 карат». Эта статистика изъятых ценностей убедительно свидетельствует о гласности процесса: до широкой общественности были доведены цифры изъятых драгоценностей до долей!

Важно обратить внимание на такую деталь: в 1922 году даже ответственность Татарской республики считала изъятие ценностей в общей программе мер, принимавшихся советскими органами в борьбе с ужасающим голодом, только «подспорьем», хотя и немалым. В журнале помещён отчёт о том, куда были потрачены средства, вырученные от продажи изъя-

тых ценностей: «С последних чисел мая (1922 года. – Г.А.) в Татарскую республику начали поступать вагоны с продовольствием, закупленные на изъятые ценности: 60 тысяч пудов финской муки».

Так что же в «сухом остатке»? Пора подводить результаты нашего расследования.

Для начала подытожим, какие же доказательства нам предъявлены в подтверждение подлинности ленинского «письма».

«Подлинность его вне сомнения, – спешит заверить читателя Н. Струве в комментарии к публикации, – на него есть прямая ссылка в «Полном собрании сочинений Ленина», т. 45, М., 1964, с. 666–667...»

Ссылка действительно есть. Но нет самого письма. Ни в 45-м, ни в 54-м томах никакого похожего письма нет. Более того, нет указания на него и в томах-приложениях к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

Так, нам не удалось обнаружить «письмо» и в «Предметном указателе к новым произведениям В. И. Ленина, включённым в Полное собрание сочинений» (ПСС); нет упоминаний о нём и в «Алфавитном указателе произведений», вошедших в ПСС. Из 18 новых документов, включённых в 45-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина и опубликованных впервые, есть только одно ленинское письмо, имеющее отношение к заседанию Политбюро от 20 марта 1922 года: «Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) с проектом директивы товарищам, едущим за границу».

«Письма» нет и среди документов, приобщённых к протоколу № 114 заседания Политбюро от 20 марта 1922 года. Нет упоминаний о нём и в протоколах пленума ЦК от 25 марта 1922 года, утверждавшего повестку дня XI съезда, как и в протоколах самого XI съезда РКП(б).

Отсутствует данное «письмо» и в перечне писем Ленина, включённых в 45-й том ПСС, написанных им в ноябре 1921 – марте 1923 года. Нет упоминаний о нём и в 54-м томе. Не упоминается это «письмо» за 19 марта 1922 года и в «Списке писем и телеграмм В. И. Ленина, включённых в ранее вышедшие тома» Полного собрания сочинений В. И. Ленина (4 ноября 1921 – 6 марта 1923 года).

Приведём ещё одно, вероятно, самое веское доказательство того, что это «письмо» – подделка. В ленинском секретариате вёлся журнал исходящих документов от В. И. Ленина, в котором М. Володичева и другие секретари регистрировали отправленные адресатам все без исключения ленинские письма, написанные им в этот период. Эта корреспонденция запечатывалась в конверты с обозначением регистрационного исходящего номера. Мало того, обязательной была расписка адресата в получении письма. Действительно, в 54-м томе ПСС на с. 518, например, читаем: «В ЦПА ИМЛ хранится конверт за № 189в с надписью В. И. Ленина: «т. Молотову (от Ленина). Спешно» – и с распиской В. М. Молотова в получении письма 16 ноября».

В журнале исходящих документов от В. И. Ленина за 19 марта 1922 года отсутствует указание на регистрацию исследуемого «письма» и его отправку адресату!

Об источнике «вдохновения». Можно согласиться с позицией ряда наших соотечественников, высказывающих на интернет-форумах предпо-

ложение о том, что «письмо» скорее всего является грубой «стилизацией» под Троцкого. Да, по слогу, которым написано «письмо», и по повторению одних и тех же речевых оборотов можно предположить, что источником «вдохновения» для фальсификаторов послужил подготовленный Троцким текст инструкции об изъятии церковных ценностей, утверждённой 18 марта 1922 года Политбюро в качестве директивы.

Сравнивая содержание директивы с текстом «письма», можно обнаружить некоторое сходство в деталях. Можно предположить, что упоминание в директивах о «секретных руководящих» и «подготовительных комиссиях» по изъятию церковных ценностей в «письме» трансформировалось в поручение создать секретные комиссии на XI съезде РКП(б) и провести «секретные совещания» на съезде по данному вопросу. Если в директиве употреблён термин «черносотенная агитация», то в «письме» он превращается в «черносотенное» и «реакционное духовенство». Указание губкомам начинать изъятие ценностей «с наиболее значительного храма» преобразуется в указание в отношении «самых богатых лавр, монастырей и церквей».

Указание директив о том, «чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации», в «письме» трансформируется в «указание», запрещающее Троцкому выступать по этим вопросам: «Официально выступить с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий». Кстати, какая глупость: Троцкий по поручению Политбюро курировал эту работу, и ни Политбюро, ни Ленин не занимались его мелочной опекой.

И последнее: в директивах указывалось на необходимость еженедельного обсуждения работы по изъятию церковных ценностей на заседаниях комиссии при участии Троцкого. Этот алгоритм заседаний комиссии в «письме» перенесён на Политбюро ЦК РКП(б), которое якобы должно было еженедельно рассматривать итоги этой работы: «Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно». Впрочем, что касается «источника вдохновения», то это пока только предположение, которое требует аргументированного доказательства».

КАК СТАЛИН СТАЛ «АГЕНТОМ ОХРАНКИ»

19 апреля 1956 года газета русских белоэмигрантов «Новое русское слово» в статье «Сталин был агентом царской охранки» анонсировала предстоящую публикацию в журнале «Лайф» сенсационного документа, доказывающего связь И. В. Сталина с Охранным отделением Департамента полиции. Одновременно с этим директор-распорядитель базировавшегося в США Толстовского фонда А. Л. Толстая устроила пресс-конференцию, на которой объявила, что этот документ хранится в одном из банков и при-

надлежит Толстовскому фонду. Публике была продемонстрирована фотокопия документа. «Мы, – объявила Толстая, – пытались опубликовать этот документ и здесь, и в Англии. Несмотря на его достоверность, до сих пор нам это сделать не удалось, так как мешали соображения международного политического характера».

23 апреля 1956 года в американском журнале «Лайф», с пространными комментариями известного «биографа» Сталина И. Д. Левина, был опубликован сенсационный «документ», полученный, по его словам, «от трёх русских эмигрантов безупречной репутации», а именно – письмо жандармского полковника А. М. Ерёмкина ротмистру А. Ф. Железнякову.

Вот его текст:

М.В.Д

*ЗАВЕДЫВАЮЩИЙ
ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ*

*12 июля 1913 года
№ 2898*

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову

[Штамп: «Енисейское Охранное отделение»]

*[Входящий штамп Енисейского Охранного отделения:] Вх. № 152
23 июля 1913 года*

*Милостивый Государь
Алексей Фёдорович!*

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского г[убернского] ж[андармского] управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н[ачальни]к Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] Ерёмкин

После публикации «письма», получившего название «письма Ерёмина», в журнале «Лайф» его фотокопия в 1956 году была опубликована сразу в нескольких источниках, в том числе и в вышедшей вскоре книге И. Дон Левина «Stalin's Great Secret». Письмо неоднократно публиковалось в США и ФРГ. Его владелец – ученый-советолог И. Дон Левин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1931 году. При публикации документа в 1956 году в журнале «Лайф» он сообщал, что «письмо» получил в 1947 году от трёх лиц «безупречной репутации»: Вадима Макарова – сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева – бывшего русского посла в США при правительстве Керенского и Бориса Сергеевского – пионера русской авиации. Они в свою очередь получили этот документ от М. П. Головачёва – русского эмигранта, проживавшего в то время в Китае. Последний получил его от полковника Руссиянова – офицера, охранявшего до побега в Китай «сибирские документы охраны». «Сообщение о путешествии письма показало мне убедительным», – добавляет Левин.

В эмигрантской среде это «письмо» произвело эффект взорвавшейся бомбы. У него появились как адепты, так и противники. И всё бы шло в русле дискуссии, если бы в дело не вмешались спецслужбы США. История тут же приняла характер не просто политический, а хорошо спланированной политической диверсии.

Дело в том, что публикация Левина не была случайной. В том же апрельском номере журнала «Лайф» был помещён ещё более сенсационный материал – ранее не публиковавшийся отрывок из мемуаров крупного советского разведчика А. Орлова, в 1938 году сбежавшего в Соединённые Штаты Америки. Орлов, приведя огромное количество дотоле неизвестных фактов, попытался доказать, что так называемый «заговор Тухачевского», во-первых, реально существовал и, во-вторых, расстрел высокопоставленных советских военачальников был мстью Сталина за то, что в их распоряжении оказались подлинные документы, подтверждавшие связи диктатора с охранкой. Более того, Орлов пошёл ещё дальше. По его мнению, побудительным мотивом состоявшегося в феврале 1956 года на XX съезде КПСС доклада Н. С. Хрущёва с разоблачением культа личности Сталина стали открывшиеся партийному руководству СССР обстоятельства сотрудничества Сталина с царской охранкой. Боясь, что его опередят с разоблачениями, считает Орлов, Хрущёв и пошёл на подобный шаг.

Левин старательно следует этому фантастическому домыслу Орлова. Документально доказав, пишет он, что «вся карьера Сталина до революции складывалась под знаком великого секрета его жизни-службы в качестве шпиона, мы получим ответ на вопрос, который задаёт весь мир после сенсационных разоблачений, прозвучавших на XX съезде...»

Пресловутый доклад Хрущёва на XX съезде очень быстро из борьбы за власть внутри страны превратился в гигантское идеологическое поражение всего социалистического лагеря. Воспользовавшись этой глупостью Хрущёва, наши геополитические противники открыли огонь по советской истории из всех орудий. Но по порядку.

Ещё до выхода в свет журнала в редакционной статье «Нового русского слова» М. Вейнбаум назвал аргументацию Левина о подлинности

«письма Ерёмкина» недостаточной. Суть его опровержений заключалась в следующем. Не установлено, что в Енисейске было охранное отделение, на письме отсутствует печать, псевдоним «Сталин» был в 1913 году мало кому известен, Департамент полиции никогда не называл своих сотрудников агентами, употребляя вместо этого понятие «секретные сотрудники», наконец, вызывает подозрение упоминание в «письме Ерёмкина» об избрании Сталина в ЦК большевистской партии на Пражской конференции, так как он был кооптирован в ЦК уже после неё.

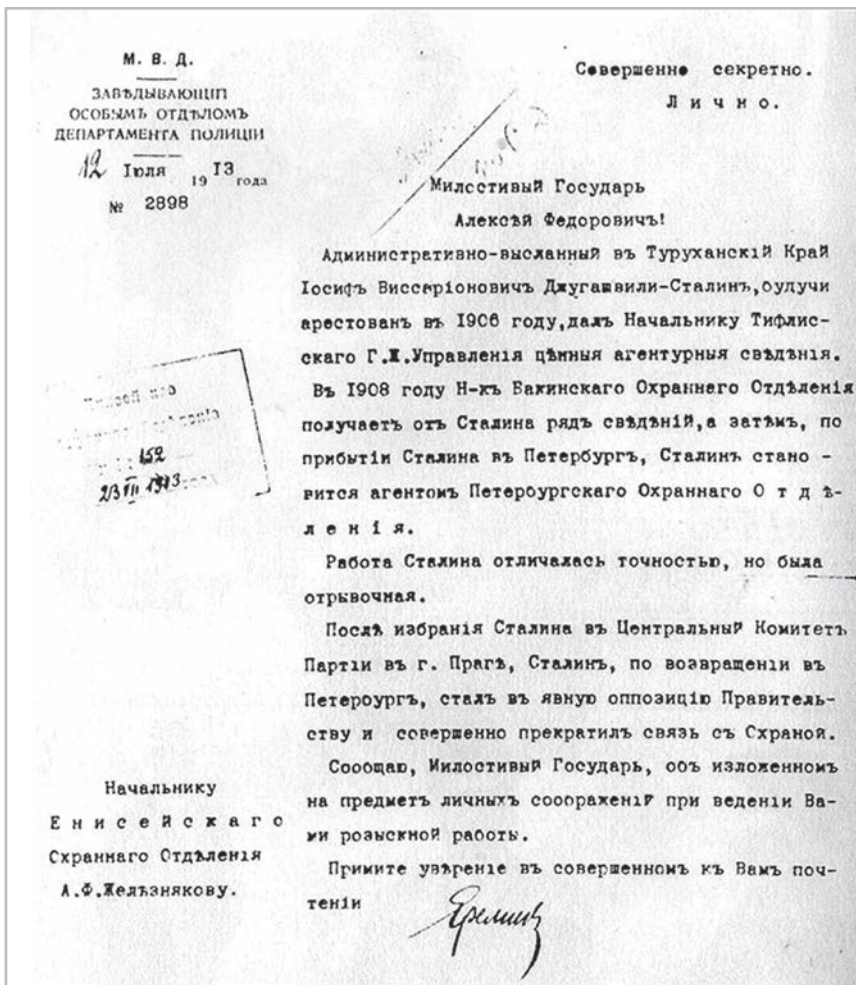
Постепенно в полемике вокруг «письма Ерёмкина» авторы стали обращаться к свидетельствам очевидцев, а затем использовать и документальные источники, что ставило полемику на почву реального анализа, добытия конкретных, проверенных знаний.

Выдающуюся роль в этом деле сыграл доклад преподавателя Бруклинского колледжа, специалиста в области криминологии М. К. Тителла на заседании Американской ассоциации развития науки 29 декабря 1956 года, где присутствовало около 200 слушателей. Главный вывод доклада был сформулирован его автором следующим образом: «Изучение сталинско-ерёмкинского письма, которое повлекло за собой [мою] поездку по нескольким европейским странам с целью опроса тех, кому могло быть что-то известно по этому поводу, а также анализ нескольких тысяч документов убедили меня в том, что письмо является подлогом».

Тителл установил, что «письмо Ерёмкина» напечатано не на машинке завода «Ремингтон», а на машинке немецкого производства типа «Адлер». В связи с тем, что архив завода «Адлер» был уничтожен во время Второй мировой войны, Тителл опросил его старейших сотрудников и из показаний установил, что русский шрифт, которым отпечатан оспариваемый «документ», был изготовлен впервые в 1912 году. Ориентируясь на то, что текст в «документе» набран изношенным и разбитым шрифтом, Тителл сделал вывод о том, что этот текст должен был быть напечатан много лет спустя после 1912–1913 года.

Далее Тителл в поисках Добролюбова, о котором писал Левин, посетил греческую православную церковь в Берлине (Шарлоттенбурге) и опросил её служителей. Те категорически заявили, что никакой Добролюбов не служил в этой церкви, равно как и то, что никакой Левин никогда не спрашивал их о нём. То же самое повторилось и в Висбадене, на русском кладбище которого не обнаружилась могила Добролюбова, а в книгах захоронений с 1945 года не значился умерший с такой фамилией.

Из Германии Тителл отправился в Хельсинки, где изучил более 3 тысяч документов из фонда Финляндского жандармского управления, включая 85 подписанных Ерёмкиным. Ни один из них не был напечатан на машинке «Адлер», что же касается подписей Ерёмкина, то их различия с подписью на письме Железнякову оказались столь очевидны, «что дополнительных комментариев не требуется», заявил Тителл. Кроме того, в этом же фонде он обнаружил документ, подписанный Ерёмкиным 19 июля 1913 года уже в качестве шефа жандармов Финляндии, то есть спустя всего неделю после отправки письма в Енисейск, что, по мнению автора доклада, является невероятным.

Так называемое «Письмо Ерёмина», опубликованное в журнале «Лайф»

Доклад Тителла ставил точку в затянувшемся споре вокруг подлинности «письма Ерёмина» – это фальшивка.

Вскоре информация о докладе и его основные положения были опубликованы в четырёх номерах газеты американских коммунистов «Дейли Уоркер». Это послужило началом весьма интересной истории, сказавшейся плачевно на авторитете Тителла.

Публикация в коммунистической прессе привлекла внимание подкомитета по внутренней безопасности Сената США, увидевшего в ней «защиту премьера Сталина». Главный советник подкомитета Р. Моррис свидетельствовал: «Будучи озабоченным возможностью того, что комму-

нисты начинают кампанию по реабилитации маршала Сталина, подкомитет решил ознакомиться с тем, чем занимался г-н Тителл».

С июня 1957 по январь 1958 года Тителл был трижды опрошен на заседаниях подкомитета Сената по внутренней безопасности. Уже первые, вроде бы невинные, вопросы не обещали для Тителла ничего хорошего. Упомянутый выше советник Моррис спросил: «Не работали ли Вы на кого-нибудь?», – а затем попросил Тителла уточнить, предпринял ли он своё исследование «на самостоятельной основе или как деловое предприятие». Автор шумевшего доклада категорически отверг какие-либо подозрения в заказном характере своей работы.

Однако приведённый к присяге, боясь обвинений в лжесвидетельстве, Тителл спустя чуть более месяца в специальном письменном заявлении был вынужден сделать ряд важных признаний. Дело в том, что в качестве специалиста по подлогам он оказывал консультации А. Хиссу в ходе подготовки тем второго судебного процесса. «Дело Хисса» – одно из шумевших судебных дел периода маккартизма. В 1948 году он был обвинён в передаче СССР секретных документов внешнеполитического ведомства США. Тогда Хисса осудить не удалось. В начале 50-х годов готовился новый судебный процесс, в результате которого Хисс был приговорён к 5 годам тюремного заключения. В качестве одного из доказательств предательства Хисса фигурировали документы, подлинность которых Хисс и его адвокаты оспаривали.

Так как для поездок в исследовательских целях Тителлу требовались деньги, он подумал, что вопрос о подлинности или поддельности «письма Ерёмкина» может заинтересовать поверенных Алджера Хисса. Он посетил одного из них, Ч. Т. Лейна, и тот сказал, что «ему будет весьма интересно», если исследование Тителла «покажет, что подделка, если это подделка, окажется изготовленной на пишущей машинке такого типа, который был использован для подделки документов в деле Хисса». Получив 1000 долларов в качестве гонорара, Тителл приступил к своему исследованию.

В этом признании американская юстиция увидела заказной характер работы Тителла. Но далее события приобрели и вовсе печальный для него оборот. Директор подкомитета по внутренней безопасности Б. Мандель посетил висбаденскую церковь и опросил лиц, с которыми ранее беседовал Тителл. И о чудо! Оказалось, что загадочный «Добролюбов» – это бывший подпольщик и к тому же имеющий не один псевдоним. Лёгким движением рук «Добролюбов» стал «Добровольским». А дальше без какого-либо труда Мандель обнаружил могилу, надгробный камень Добровольского и получил копии свидетельств о его смерти.

В качестве одного из доказательств подлога письма Ерёмкина, а вернее, недобросовестности Левина, Тителл привёл подлинное письменное свидетельство протоиерея церкви Адамантова. Оно гласило: «Я, нижеподписавшийся, служу в русской православной церкви Висбадена с сентября 1908 года по настоящее время за исключением периода Первой мировой войны (1914–1919 гг.). Ни один человек с фамилией Добролюбов со мною не служил ни в каком качестве. Кроме того, на нашем русском кладбище нет надгробия с такой фамилией. Я не помню встречи с американским журнали-

стом, г-ном Дон Левиным». Неутомимый Мандель тут же нашёл первый вариант письменного свидетельства Адамантова, в котором было перечёркнуто важное дополнение: «Но есть могила, в которой захоронен русский полковник запаса Иван Васильевич Добровольский, 65-ти лет от роду. 1/14 февраля 1947 г. Добровольский поселился в Висбадене после Второй мировой войны и временно исполнял обязанности пономаря в нашей церкви».

Всё тот же Мандель нанёс и ещё один, вовсе сокрушительный, удар построениям Тителла. Посетив предприятие, выпускавшее пишущие машинки «Адлер», он получил «без труда» письменное свидетельство его руководства (которое без архивов помнило нужные американцам даты) о том, что «первая пишущая машинка с русским кириллическим шрифтом, модель 8, была изготовлена в 1903 году».

В своём исследовательском порыве несчастный учёный и предположить не мог, что окажется объектом внимания специальных служб США. Простыми до примитивности способами они не только дезавуировали его выводы о фальсификации «письма Ерёмина», но и скомпрометировали его имидж учёного и человека.

Подкомитет по внутренней безопасности Сената США не только решил поставленную перед ним задачу нейтрализации выводов Тителла, но и достиг цели создания соответствующего фона вокруг судебного процесса над Хиссом. Политика и её грязные методы в очередной раз танцевали канкан над наукой.

А как же на это реагировали в Советском Союзе? «Лайф» был журналом мирового уровня, и публикация из него тут же легла на стол главы советского государства и партии. Когда Н. С. Хрущёв узнал о публикации «письма Ерёмина» в журнале «Лайф», он поручил председателю КГБ Серову дать заключение по этому письму.

КГБ в отличие от западных исследователей имел доступ ко всем советским архивам и к 4 июня подготовил своё заключение. Вот выдержка из него, касающаяся «письма Ерёмина»:

«4 июня 1956 г. № 1406 С. гор. Москва. Особая папка. Сов. секретно.

Подписи ознакомившихся с документом Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Молотова и других.

«Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущёву Н. С.

По сообщениям ТАСС от 20 апреля и 20 мая с. г. в американском журнале "Лайф" был помещён фотоснимок находящегося в распоряжении редакции подлинника документа "Особого отдела департамента полиции" царской России о И. В. Сталине о том, что он является агентом жандармского управления. При этом в журнале "Лайф" изложено содержание письма от 12 июля 1913 года № 2988 за подписью заведующего Особым отделом департамента полиции ЕРЁМИНА в адрес начальника Енисейского охранного отделения А.Ф. ЖЕЛЕЗНЯКОВА.

Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЁМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведён

на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведённом документе из журнала "Лайф" не совпадает на месяц. Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырёхзначные, а пяти- и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЁМИНА адресован начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Фёдоровичу ЖЕЛЕЗНЯКОВУ. Проверкой архива в Красноярске установлено, что в списке общего состава чиновников отдельного корпуса жандармов за 1913 год действительно значится ротмистр ЖЕЛЕЗНЯКОВ, но не Алексей, а Владимир Фёдорович. Причём его должность была не начальник Енисейского охранного отделения, а прикомандированный к Енисейскому жандармскому управлению без штатной должности. Других документов по этому вопросу не обнаружено.

При проверке архивных документов Красноярского управления попутно найдены следующие документы: Заявление И. В. Сталина губернатору с просьбой разрешить остаться до окончания срока ссылки (до 9 июня 1917 г.) в гор. Ачинске. Просьба Сталина к приставу Туруханского края о выдаче пособия. Письмо Сталина члену Государственной Думы Р. В. Машиновскому. Рапорт Туруханского пристава от 20 декабря 1916 года о том, что Иосиф Джугашвили отправлен в распоряжение Красноярского уездного воинского начальника, как подлежащий призыву на военную службу, и другие документы, копии которых прилагаются...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

Подпись (И. СЕРОВ)».

Итак, какие же факты неопровержимо свидетельствуют о подлоге «письма Ерёмина»? Перечислим их:

- 1) в июле 1913 года Енисейского охранного отделения не существовало, а имелся только Енисейский розыскной пункт;
- 2) заведующим Енисейским розыскным пунктом действительно был ротмистр Железняков, но не Алексей Фёдорович, а Владимир Фёдорович;
- 3) со второй половины 1910 года для Особого отдела были заказаны новые бланки, где в штампе слово «заведывающий» было заменено на слово «заведующий»;
- 4) угловой штамп письма существенно отличается от типографски выполненного штампа;

5) на письме проставлен исходящий номер 2898. Однако документ с таким номером не мог выйти из Особого отдела, поскольку для каждого из отделов Департамента полиции был отведён свой диапазон исходящих номеров. При этом Особый отдел имел номера, начиная с № 93001. А № 2898 относился к отделу 1-го делопроизводства.

Настоящий же документ за № 2898 вышел из Департамента 16 марта 1913 года. Вот его краткое содержание:

«Письмо Управл. Екатеринослав. губ. Н. А. Татищеву, сообщение по поводу дерзкой выходки трёх неизвестных злоумышленников по отно-

нению к стоящему на посту возле силовой станции городского водопровода городского»;

б) даты, проставленные в штампах «входящего» и «исходящего», вписаны одной и той же рукой.

Каждого из перечисленных пунктов в отдельности вполне достаточно, чтобы признать документ фальшивым. Но кроме этого, фабрикатеры «письма» допустили и ряд мелких (естественно, по сравнению с перечисленными ляпами) проколов. Так, Джугашвили назван Сталиным, хотя этот псевдоним только что появился и был малоизвестен по сравнению с другими его партийными кличками; имя и отчество указаны как «Иосиф Виссарионович», хотя по правилам тогдашней русской орфографии следовало писать «Иосиф Виссарионов», и т. д.

Слухи о том, что Сталин якобы был агентом царской Охранки, распространялись русскоязычными эмигрантами ещё в 20-е – 30-е годы, но их абсурдность была настолько очевидной, что, как признавал сам же фальсификатор Дон Левин, даже наиболее критически настроенные биографы Сталина того времени, «в том числе его злейший враг Лев Троцкий, отвергали это обвинение как чудовищное и абсолютно недоказуемое». Поэтому не удивительно, что «документ» впервые «всплыл» именно в 1956 году, а не раньше, – такая грубая подделка могла выглядеть убедительной лишь на фоне начатой Хрущёвым беспрецедентной кампании самобичевания.

Но, как часто случается с разоблачёнными фальшивками, «письмо Ерёмина» не кануло в Лету, а продолжало периодически всплывать, как только появлялся соответствующий социальный заказ. В следующий раз о нём вспомнили в разгар антисталинской истерии, развязанной Горбачёвым. 30 марта 1989 года два доктора исторических наук – Г. А. Арутюнов и Ф. Д. Волков – публикуют статью в «Московской правде», в которой приводят текст «ерёминского документа», сопроводив его следующим комментарием:

«В 1961 году один из авторов этой статьи, профессор Г. Арутюнов, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, нашёл документ, подтверждающий, что Иосиф Джугашвили (Сталин) был агентом царской Охранки.

Подлинник этого документа хранится в ЦГАОР (Москва, Большая Пироговская, 17) в фонде департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления. Фонды министерства насчитывают около 900 тысяч единиц хранения.

Приводим документ полностью: <...>».

Далее в статье идёт текст «письма Ерёмина». Затем, как ещё одно доказательство «провокаторства» Сталина, следующий документ, якобы хранящийся в архиве:

«Бакинскому Охранному отделению. Вчера заседал Бакинский комитет РСДРП. На нём присутствовал приехавший из центра Джугашвили-Сталин Иосиф Виссарионович, член комитета «Кузьма» и другие. Члены предъявили Джугашвили-Сталину обвинение, что он является провокатором, агентом Охранки, что он похитил партийные деньги. На это Джугашвили-Сталин ответил им взаимными обвинениями».

И наконец, для пущей убедительности приводится свидетельство старого члена партии О. Г. Шатуновской:

«В 1962 году Ольга Григорьевна Шатуновская, будучи членом КПК и комиссии по реабилитации жертв культа личности, поставила перед ЦК КПСС вопрос об обнародовании материалов о Сталине как агенте царской Охранки. Хрущёв сказал, что сделать это невозможно. «Выходит, что страной более 30 лет руководил агент царской Охранки, хотя за границей и пишут об этом». Таковы были, по её воспоминаниям, слова Никиты Сергеевича».

Однако яковлевская кампания антисоветской лжи ещё давала сбои, и три месяца спустя газета вынуждена была опубликовать опровержение. Приведём его полностью:

«ОФИЦИАЛЬНАЯ СПРАВКА

Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР об информации в статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории», опубликованной в газете «Московская правда».

В органе МГК КПСС и Моссовета газете «Московская правда» за 30 марта 1989 года (№ 76) опубликована статья «Перед судом истории», в которой утверждается, что Джугашвили-Сталин был агентом царской Охранки.

Авторы статьи – доктор исторических наук Г. А. Арутюнов и Ф. Д. Волков.

В статье указывается: «В 1961 году один из авторов этой статьи, профессор Г. Арутюнов, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, нашёл документ, подтверждающий, что Иосиф Джугашвили (Сталин) был агентом царской Охранки. Подлинник этого документа хранится в ЦГАОР (Москва, Большая Пироговская, 17) в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления».

И далее воспроизводится якобы найденный Г. А. Арутюновым в ЦГАОР СССР текст письма заведующего Особым отделом Департамента полиции полковника Ерёмкина с информацией о том, что Джугашвили-Сталин являлся агентом царской Охранки (см. статью «Перед судом истории»).

В связи с данной публикацией и утверждениями авторов статьи ЦГАОР СССР после тщательной и всесторонней проверки имеющихся архивных документов считает необходимым сообщить следующее:

1. В статье указывается, что письмо полковника Ерёмкина Г. Арутюнов нашёл в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления. Такого архивного фонда в ЦГАОР СССР никогда не было и нет. Следовательно, найти вышеуказанное письмо полковника Ерёмкина в несуществовавшем и несуществующем архивном фонде невозможно.

2. Просмотр и изучение архивных дел фонда Департамента полиции Министерства внутренних дел и, в частности, Особого отдела Департамента полиции, которое возглавлял полковник Ерёмкин, показало, что воспроизведённого в статье его письма не было и нет. Каких-либо изъятий листов в делах не обнаружено.

3. Имеется реестр исходящих бумаг из Особого отдела Департамента полиции, в частности, за 1913 год. В нём за 12 июля 1913 года отсутствует запись об отправлении письма полковника Ерёмкина в Енисейское Охранное отделение. В этой связи следует сделать существенное уточнение: в июле 1913 года Енисейского Охранного отделения уже не существовало, так как ещё в июне была проведена реорганизация в системе политического сыска, в результате которой вместо Охранного отделения функционировал Енисейский розыскной пункт. Заведующим Енисейским розыскным пунктом был Железняков Владимир Фёдорович, а не Алексей Фёдорович, как об этом указано в так называемом письме полковника Ерёмкина. Не было и нет данного документа в соответствующих архивных фондах и Красноярского краевого государственного архива.

4. Воспроизведённое в статье письмо полковника Ерёмкина датировано 12 июля 1913 года. При изучении архивных дел Департамента полиции установлено, что полковник Ерёмкин в это время уже не являлся заведующим Особым отделом Департамента полиции, так как 11 июня 1913 года был назначен начальником Финляндского жандармского управления.

Последний документ, который подписан полковником Ерёмкиным, имеет дату 19 июня 1913 года. В тот же день был издан циркуляр с предписанием впредь письма адресовать на имя нового заведующего Особым отделом Департамента полиции М. Е. Броецкого.

Следовательно, находясь в июле 1913 года на другой работе и в другом месте, полковник Ерёмкин не имел ни прав, ни возможностей и даже необходимости подписывать 12 июля 1913 года служебное письмо со штампом Особого отдела Департамента полиции, так как эта работа могла быть выполнена новым должностным лицом, в обязанности которого она входила, если бы была в том потребность.

5. Все документы, находящиеся в департаменте переписки, подписанные полковником Ерёмкиным по 19 июня 1913 года и его преемником Броецким в последней декаде июня 1913 года, имеют в левом верхнем углу типографски выполненный штамп «Заведующий Особым отделом Департамента полиции», а в воспроизведённом в статье письме Ерёмкина этот штамп имеет следующий текст: «М.В.Д. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции», то есть отличается от хранящихся в деле такого рода документов. В имеющихся на этих документах типографских штампах нет слова «МВД» и везде «Заведующий», а не «Заведывающий».

6. По существовавшим в то время правилам ведения делопроизводства каждому структурному подразделению Департамента полиции устанавливалась строго определённая нумерация исходящих документов. Особый отдел Департамента полиции в соответствии с приказом имел номера, начиная с № 93001. Письмо же полковника Ерёмкина от 12 июля 1913 года имеет № 2898, т. е. совершенно другой, не совпадающий с нумерацией, установленной для этого структурного подразделения.

7. Авторы утверждают, что «в ЦГАОР СССР – в фондах Бакинского Охранного отделения – имеется любопытный документ: донесение агента Охранки Фикуса». И далее в статье приводится текст донесения этого агента. [...]

СССР

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

11 " ИЮНЯ 1956 г.

№ 1406-С
гор. Москва

ОСОБАЯ ПАПКА¹⁴

Сов. секретно

Н. Букачин
В. М. Мухоморов
В. М. Мухоморов
В. М. Мухоморов
СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС
товарищу ХИТИНУ Н. С.

По сообщениям ТАСС от 20 апреля и 20 мая с. г. в американском журнале "Лайф" был помещен фотоснимок находящегося в распоряжении редакции подлинника документа "Особого отдела департамента полиции" царской России о И.В.Сталине о том, что он являлся агентом жандармского управления.

При этом в журнале "Лайф" изложено содержание письма от 12 июля 1913 года № 2988 за подписью заведующего Особым отделом департамента полиции ЕРЕМИНА в адрес начальника Енисейского охранного отделения А.Ф.ЖЕЛЕЗНЯКОВА.

Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЕМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведенном документе из журнала "Лайф" не совпадает на месяц.

Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырехзначные, а пяти и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЕМИНА адресован начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу ЖЕЛЕЗНЯКОВУ.

В. Мухоморов
18/VI 56

Во-первых, в ЦГАОР СССР не было и нет фондов Бакинского Охранного отделения. Следовательно, не было и нет воспроизведённого в статье документа, то есть донесения агента Фикуса.

Во-вторых, в делах переписки Особого отдела Департамента полиции МВД с Бакинским Охранным отделением имеются сводки об агентурных сведениях по партии социалистов-демократов, которые составлены официальными лицами Кавказского районного Охранного отделения, и в них указанной выше авторами информации о Джугашвили-Сталине не содержится. В-третьих, донесения агентов Охранки, как известно, представлялись в устной форме, на основе чего составлялись сводки об агентурных сведениях, которые направлялись в центр. Поэтому авторы статьи никак не могли обнаружить в ЦГАОР СССР, как они пишут, «любопытный документ: донесение агента Охранки Фикуса».

8. Приведя несколько текстов из донесения агента Фикуса о деятельности Бакинского комитета, авторы статьи пишут:

«Каждый шаг работы Бакинского комитета становился известным Охранке. Её осведомитель, то есть поставщик информации Фикусу, был весьма компетентным и честно служил тайной полиции. Мы можем предполагать, что им был И. Сталин».

Предположения авторов ни на чём не основаны. Если они дешифровали кличку агента Фикуса, как об этом указывалось в статье (хотя это было сделано задолго до них), то имели возможность получить весьма обстоятельную информацию из имеющейся в архиве справки о том, кто был и чем занимался агент под кличкой Фикус. Им являлся Н. С. Ериков, крестьянин Тифлисской губернии, рабочий, проживающий под нелегальным именем Д. В. Бакрадзе. Этот человек состоял в социал-демократической партии с 1897 года, в 1906 году был членом комитета в одной из городских организаций на Кавказе, в 1908 году находился в Баку, в 1909 году был членом Балаханского комитета, находился в близких сношениях с руководителями социал-демократических организаций.

В то же время с апреля 1909 по 1917 год он состоял секретным сотрудником Бакинского Охранного отделения по РСДРП. Следовательно, агент Фикус сам имел хорошую возможность получать необходимую информацию о деятельности социал-демократических организаций этого региона и не нуждался в специальных поставщиках ему сведений. К тому же он не имел права входить в сношения с другими лицами без особого на то разрешения.

9. В фондах Департамента полиции имеются документы, содержащие информацию о лицах, являвшихся агентами тайной царской полиции. В этих списках называются фамилии, имена, отчества лиц, поставлявших сведения, их агентурная кличка. В этих списках фамилии Джугашвили-Сталина нет.

10. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Временное правительство создало ряд специальных комиссий по выявлению провокаторов и агентов тайной полиции среди революционной демократии. Работа велась на основе изучения документов Департамента полиции (ЦГАОР СССР, ф.1467, 503, 504). Такого же характера проводилась работа советскими органами вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Среди выявленных провокаторов и агентов Джугашвили-Сталина не было.

Таким образом, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР архивных документов, в том числе письма полковника Ерёмкина от 12 июля 1913 года, донесения агента Фикуса, подтверждающих, что Джугашвили-Сталин являлся агентом царской Охранки, не имелось и не имеется.

Следовательно, ни Г. А. Арутюнов, ни Ф. Д. Волков не могли ни в 1961 году, ни раньше и ни позже найти в архивных фондах ЦГАОР СССР так называемого письма полковника Ерёмкина и донесения агента Фикуса, которые в действительности не было.

Авторы статьи «Перед судом истории» выдали за свою находку фальшивку, подделку так называемого письма полковника Ерёмкина, опубликованную американским советологом Исааком Левиным в американском журнале «Лайф» № 10 за 14 мая 1956 года.

Приводим предоставленные ЦГАОР СССР копии двух документов, что имеются в архиве: с подписью А. Ерёмкина и его штампом в левом верхнем углу, а также воспроизведённого по публикации в журнале «Лайф», который архивисты считают подделкой.

Эта фальшивка распространялась и раньше, распространяется и в настоящее время в Советском Союзе.

Даже И. Левин в своей статье в журнале «Лайф» вынужден был признать, что наиболее критически настроенные биографы Сталина, имея в виду провокаторство, «в том числе его злейший враг Лев Троцкий, отвергали это обвинение, как чудовищное и абсолютно недоказуемое».

Приходится сожалеть, что редакционная коллегия газеты «Московская правда» и её ответственные сотрудники при подготовке к печати статьи Г. А. Арутюнова и Ф. Д. Волкова «Перед судом истории» отступили от общепринятого в таких случаях требования и не сочли возможным обратиться в ЦГАОР СССР для подтверждения наличия в архивных фондах публикуемого этими авторами так называемого письма полковника Ерёмкина и донесения агента Фикуса.

Дирекция ЦГАОР СССР».

В том же номере «Московской правды» опубликовано и совместное письмо О. Г. Шатуновской и С. Б. Шеболдаева:

«Мы вынуждены выразить своё отношение к статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории», опубликованной в «Московской правде» от 30 марта с. г. Статья, к сожалению, во многом отклоняется от истины. Не подтверждается, по нашим данным, заявление Г. Арутюнова, что он «в шестидесятые годы по поручению Комиссии Президиума ЦК КПСС изучал архивные документы, связанные с деятельностью Сталина». Не подкрепляется должным образом и стремление авторов статьи ради исторической правды, всестороннего её раскрытия помочь нынешней Комиссии Политбюро ЦК «представлением новых документов, касающихся личности Сталина». И вот почему.

Основной такой «новый» документ, используемый Г. Арутюновым и Ф. Волковым как доказательство связей Сталина с Охранкой, — «письмо

Ерёмина», неоднократно публиковавшееся за рубежом, в частности в монографии Фишера «Жизнь и смерть Сталина». Известный советолог Эдуард Смит предполагает, что «письмо Ерёмина» было в своё время воспроизведено кем-то из русских эмигрантов по памяти с утраченного оригинала. Этим, по его мнению, и обусловлены присутствующие в документе отклонения, не позволяющие признать его подлинным.

По вполне понятным причинам Ф. Волков и Г. Арутюнов не приводят номера фонда и единицы хранения публикуемого ими письма. Такого фонда попросту нет. <...>

Выдуманно авторами утверждение, что «в 1962 году Шатуновская поставила перед ЦК КПСС вопрос об обнародовании материалов о Сталине как агенте царской Охранки». На самом деле Хрущёв был информирован только о зарубежных материалах на эту тему, на что и последовал его ответ, приведённый в статье.

О своей «находке» Г. Арутюнов объявил в 1987 году. Мы ему тогда поверили, полагая, что он серьёзно исследует вопрос. Вместо этого им с участием Ф. Волкова были предприняты попытки придать материалам сенсационный характер...».

Увы, антисоветчики не унимались, и вот в книге, вышедшей три года спустя, Ф. Волков пишет: «Б. И. Каптелов и З. И. Перегудова утверждают, пытаясь опровергнуть документ, что «во-первых, в 1913 году Енисейского Охранного отделения как такового не существовало». Столь компетентным товарищам следовало бы знать, что Енисейское Охранное отделение, по имеющимся документам, существовало.

Так, в справке царской Охранки за № 2840 от 19 декабря 1911 года, выданной ссыльно-поселенцу Елизавете Румба, говорится: «Дано знать приставу 3-го Енисейского уезда и сообщено тюремному отделению Енисейского (22) губернского управления, *начальнику Енисейского губернского управления* (курсив мой. – Ф.В.) и отделения корпуса жандармов ротмистру Железнякову».

Это прекрасный пример манипуляции в угоду фальсификации истории – Каптелов и Перегудова пишут о том, что в 1913 году не существовало Енисейского Охранного отделения, а Ф. Волков «опровергает» их документом, свидетельствующим, что в 1911 году существовало Енисейское губернное управление корпуса жандармов. Но ведь разговор о совершенно разных структурах.

Дальше «историк» и вовсе даёт урок казуистики:

«Б. Каптелов и З. Перегудова, как и другие исследователи, не оспаривают подлинность документа, но заявляют, что его не имеется в ЦГАОР; речь идёт о документе, свидетельствующем о заседании Бакинского комитета РСДРП».

Резонный вопрос – а как можно «оспаривать подлинность документа», если самого документа не существует?

Однако история фальшивки на этом не кончается. И вот в газете «Известия» от 19 сентября 1997 года появляется статья «Сталин был агентом царской Охранки», подписанная неким Александром Нечаевым, обозревателем ИТАР-ТАСС. С энтузиазмом курицы, снёсшей яйцо, автор сообщает:

«Вождь всех времён и народов» Иосиф Сталин, который почти тридцать лет руководил советским государством, в 1906 году был завербован царской охранкой и вплоть до своего избрания в ЦК партии в 1910 году поставлял жандармерии «ценные агентурные сведения», утверждает в документе, фотокопия которого впервые появилась в России. Её случайно обнаружил исследователь, публицист и профессор Московского государственного строительного университета Юрий Хечинов во время недавней работы над архивом младшей дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны Толстой».

Речь, разумеется, идёт всё о том же «ерёминском письме».

«Хечинов не сомневается, что найденная им копия сделана с подлинного документа, по нескольким причинам. Во-первых, подпись Ерёмина удостоверил бывший генерал Охранного отделения Александр Спиридович... Другим подтверждением подлинности документа является тот факт, что его оригинал был затем за крупную сумму заложен фондом в один из американских банков, где и находится по сей день».

Иных «подтверждений» подлинности письма в заметке не приводится. К свидетельству генерала Спиридовича мы вскоре вернёмся, что же касается второго «доказательства», то оно не соответствует истине, так как «документ» был не заложен в один из американских банков, а помещён туда на хранение.

Но здесь Хечинов зарвался – попытался присвоить себе лавры первооткрывателя «документа», за что и получил две недели спустя отповедь в тех же «Известиях» от ещё одного доктора исторических наук – проживающего в Бостоне Ю. Г. Фельштинского:

«В заметке «Сталин был агентом царской Охранки» (19 сентября 1997 года) профессор Юрий Хечинов сообщает о «найденном» им в Толстовском фонде в Нью-Йорке письме заведующего Особым отделом департамента полиции Ерёмина об агентурной работе Сталина. Но ведь этот документ давно известен и за границей, и в России! Впервые он был опубликован в журнале «Лайф» в апреле 1956 года. В последующие дни и недели широко представлен в эмигрантской печати и вызвал полемику.

В России письмо приводилось в «Московской правде» ещё в марте 1989 года и с этого времени вошло в историографию под названием «Ерёминский документ». Оно неоднократно перепечатывалось в российских газетах и журналах...

«Новое русское слово» подробно рассказало об истории документа. Ю. Хечинов, судя по его недавнему телеинтервью, о ней знал. Знал, что письмо было вывезено из Китая, передано профессору М. П. Головачёву, а в 1947 году – Макарову, Бахметьеву и Сергеевскому, политическим деятелям эмиграции. Знал об экспертизе письма во Франции и Америке. О том, что оно всем давно известно. И тем не менее захотел предстать первооткрывателем документа, обнародованного за границей более сорока, а в России более семи лет назад».

Примечательно, что, уличив Ю. Хечинова, Ю. Фельштинский умудрился ни разу не обмолвиться в своей обширной статье о такой «мелочи», что «Ерёминский документ» давно признан фальшивкой. И это не удиви-

тельно, поскольку сам Фельштинский является активным пропагандистом версии о «провокаторстве» Сталина. Поэтому, попеняв Хечинову за попытку присвоить чужую славу, он приводит в своей публикации «действительно новый документ, касающийся провокаторства Сталина, который нигде ранее не публиковался» – то самое пресловутое письмо генерала Спиридовича, в котором последний подтверждает подлинность подписи Ерёмкина.

Насколько же авторитетно это свидетельство? Судите сами: генерал Спиридович написал своё письмо в 80-летнем возрасте, спустя сорок лет после обсуждаемых событий. А единственным образцом подписи Ерёмкина, доступным ему для сравнения, была надпись, выгравированная на серебряном кувшине, которая к тому же сильно отличается от подписи на «документе» (достаточно взглянуть на приведённую выше фотокопию).

Можно было бы ставить точку, но уввы, снова и снова недобросовестные публицисты вытаскивают на свет эту давно опровергнутую фальшивку.

«ДОКЛАД СТАЛИНУ ОБ НЛО»

Иногда фальсификация документов носит не политический, но корпоративный характер. Так как в последнее время по всему миру распространилась уфология, утверждающая о скрываемых контактах землян с инопланетянами, а также псевдоисторические, конспиративные теории о неизвестных сверхтехнологиях у фашистской Германии (тут и летающие тарелки, и подземные лодки, и базы в Антарктиде, и т. п.), то у адептов этих теорий возникает желание найти подтверждение им в официальных источниках.

Утверждается, что власти в курсе об НЛО и т. д., но скрывают это, о чём, мол, есть документы. Одним таким «документом» является Доклад заместителя народного комиссара государственной безопасности Советского Союза Б. Кобулова И. В. Сталину о том, что фашисты захватили вневременной космический корабль».

Вот его текст:

«№ 725/м 27 марта 1941 г.

Народный комиссариат государственной безопасности СССР

*Секретно
ЦК ВКП(б)
СНК СССР
НКО СССР
НКВД СССР*

Работник Министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил:

В германском генеральном штабе авиации ведётся интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляются планы

бомбардировки важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки советских городов и других объектов, в частности города Киева.

По имеющимся в штабе сведениям, германский авиационный атташе в Москве проявляет большую активность в деле выяснения расположения советских электростанций, лично объезжая на машине районы расположения электростанций.

Доклады и шифрованные телеграммы от германских военно-воздушных атташе, которые раньше поступали через МИД, теперь пересылаются непосредственно в штаб.

Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь ещё зелёный хлеб.

Источник сообщает также, что германским верховным командованием разрабатывается сверхоружие невероятной мощности для поражения войск противника. Германские физики якобы изобрели бомбу, способную одновременно поражать мощную группировку противника. Радиус (действия) такой бомбы равен нескольким десяткам километров. В настоящее время идёт сборка конструкции такой бомбы, и в ближайшее время, как сообщает источник, планируется её испытание.

Одновременно тот же источник обращает внимание на то, что в штабе авиации германских вооружённых сил в последнее время особенно пристальное внимание уделяют разработкам сверхновых технологий, в том числе, со слов источника, позаимствованных при изучении сбитого немцами в апреле 1940 года под Эссенем летательного аппарата якобы внеземного происхождения. Такая технология полностью отличается от той, что применяется в современном самолётостроении и основана на плазменном генераторе.

Заместитель народного комиссара государственной безопасности Советского Союза Б. Кобулов».

Впервые этот «документ» опубликовал в 2007 году Николай Субботин, руководитель «Русской уфологической исследовательской станции RUFORS».

Вот как он объяснил происхождение этого «документа»: «Примерно полгода назад я публиковал статью об исследовании аномальных явлений в советское время – известные военные и научные программы «Сетка», «Горизонт». В конце я осторожно заметил, что есть свидетельства, будто подобные программы существуют и сейчас. Правда, хорошо засекреченные. И через несколько недель я получил по почте из Москвы этот документ. Обратного адреса не было. В нём говорилось, что есть хранилище, где имеются сотни папок по проблеме аномальных исследований в военные и послевоенные годы. Все они имеют грифы «Рассекречиванию не подлежит»

ЭКЗЕМПЛЯР ДЛЯ ЦК ВКП(б)

0090
Секретно

кв. № 1

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЦК ВКП(б)
СНК СССР
НКО СССР
НКВД СССР

24 - мая 1941

№ 725/М

г. МОСКВА

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

У. СТАЛИН И. В.
с текстом документа
ознакомлен

19 25 → 41
4

Работник Министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил, что в германском генеральном штабе авиации ведётся интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляется план бомбардировок важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки советских городов и других объектов, в частности города Киева.

По имеющимся в штабе сведениям, германский авиационный атташе в Москве проявляет большую активность в выяснении расположения советских электростанций, лично объезжая на машине районы расположения электростанций.

Доклады и шифрованные телеграммы от германских военных - воздушных атташе, которые раньше поступали через МИД, теперь пере-
сылаются непосредственно в штаб.

Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев

Первая страница так называемого «Доклада Кобулова об НЛО»

-2-

сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь ещё зелёный хлеб.

Источник сообщает также, что германским верховным командованием разрабатывается сверхоружие невероятной мощности для поражения войска противника. Германские физики якобы изобрели бомбу, способную одновременно поражать мощную группировку противника. Радиус такой бомбы равен нескольким десяткам км. В настоящее время идет сборка конструкции такой бомбы и в ближайшее время, как сообщает источник, планируется её испытание.

Одновременно тот же источник обращает внимание на то, что в штабе авиации германских вооружённых сил в последнее время особенное пристальное внимание уделяют разработкам сверхновых технологий, в том числе, со слов источника, повзаимствованных при изучении сбитого немцами в апреле 1940 года под Эссенем летательного аппарата якобы неземного происхождения. Такая технология полностью отличается от той, что применяется в современном самолётостроении и основана на плазменном генераторе.

Заместитель народного комиссара государственной безопасности Советского Союза

Кобулов

(Б. К о б у л о в)

5 экз
 экз № 1 - ЦК ВПБ (6)
 -" № 2 - СНК СССР
 -" № 3 - НКО СССР
 -" № 4 - НКВД СССР
 -" № 5 - в деле
 отп маш Дюринова

и «Совершенно секретно». Но документ с пометкой Сталина всё же особый – это первое реальное и убедительное доказательство внеземного происхождения НЛО. До сих пор о «летающих тарелках» времён Второй мировой войны рассуждали как-то неуверенно: были доводы «за», были и «против». Теперь же всё ясно: слухи о сбитом аппарате инопланетян родились не на пустом месте».

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с фотографией этого «документа», это несовпадение версии автора и реальности. Автор утверждает, что ему прислали документ, а на фото видна целая папка – неужели в архиве пропал целый том № 7 из «Дела № 29» озаглавленный «Переписки НКГБ-НКВД с ЦК ВКП(б) в период с 02.01.1941 г. по 05.05.1941 г. О приготовлениях Германии к войне против СССР»? Конечно, нет. Скорее всего, ему прислали лишь фото. Но и оно вызывает массу вопросов.

Так, в последнем абзаце говорится о технологии, основанной на «плазменном генераторе». Но в 1941 году такого понятия не существовало. Слово «плазма» было относительно ново, учёные его использовали с 1928 года не только в биологии («плазма крови»), но и в физике, однако генераторы плазмы появились только в 50-х годах прошлого века. Так, в самом СССР первый «плазмотрон» мощностью 75 кВт был запущен сотрудниками МАИ только в октябре 1957 года. Даже если поверить, что немецкие учёные тайно овладели плазменной технологией, в документе, предназначенном для неспециалистов, термины, да и само явление явно требовали бы расшифровки.

Не менее странно выглядит и информация о сверхоружии. Можно предположить, что речь идёт об атомной бомбе. Но весной 1941 года немецкие учёные занимались лишь теоретическими вопросами: они не были уверены, что бомбу удастся сделать. «Только в сентябре 1941 года, – вспоминал физик Вернер Гейзенберг, – мы поняли, что атомную бомбу создать можно». Ни о какой «сборке конструкции» или испытаниях атомного оружия в том году речи быть вообще не могло.

Вызывает вопрос и список рассылки, приведённый в «документе». Удивляет почти расстрельная ошибка в самом конце второй страницы: в сокращении напечатано «ВПП(б)» вместо «ВКП(б)», если посмотреть на раскладку печатных машинок, ошибиться в выборе между буквами «К» и «П» довольно сложно, а для человека, который такую аббревиатуру использует каждодневно, и вовсе невозможно.

Также удивляет и чрезмерная краткость рассылки. Бывший начальник ГРУ генерал армии П. И. Ивашутин в сборнике «Солдаты невидимого фронта» пишет: «Тексты всех документов и радиограмм, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно: Сталину (два экземпляра), Молотову, Берия, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба...» Получается, рассылка на семь человек. А в данном случае только на пять.

Теперь об авторе доклада: донесения берлинской резидентуры, посвящённые грядущей войне с фашистами, в силу их важности обычно подписывались лично В. Меркуловым или начальником 1-го Управления НКГБ СССР (внешняя разведка) П. М. Фитиным. Известен и единственный со-

ветский агент, который работал в министерстве авиации Германии: член «Красной капеллы», заведующий секретным отделом разведслужбы генштаба ВВС обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен (псевдоним Старшина). Он докладывал не напрямую в СССР, а через другого агента НКГБ – Арвида Харнака (Корсиканец).

Окончательную точку в расследовании о подлинности данного документа ставит обращение в архивы. За таким номером (№ 725/м 27 марта 1941 года) в архиве ЦА СВР РФ действительно есть документ. И это «Сообщение НКГБ СССР И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, Л. П. Берия с препровождением агентурного сообщения из Берлина от «Корсиканца». И учёным этот документ давно известен и неоднократно публиковался в сборниках, посвящённых деятельности разведки и подготовке к Великой Отечественной войне. Вот её полный текст:

«№ 725/м 27 марта 1941 г.

Направляется Вам агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

*Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов
Исп[олнитель] тов. Рыбкина, 1-е отд[еле]ние, 1-го отд[ела] 1-го
Упр[авления] НКГБ Основание: Сообщение «Корсиканца» от 24/3–41 г.*

Сообщение из Берлина от «Корсиканца»

Работник Министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил:

В германском генеральном штабе авиации ведётся интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки советских городов и других объектов, в частности города Киева.

По имеющимся в штабе сведениям, германский авиационный атташе в Москве проявляет большую активность в деле выяснения расположения советских электростанций, лично объезжая на машине районы расположения электростанций.

Доклады и шифрованные телеграммы от германских военно-воздушных атташе, которые раньше поступали через МИД, теперь пересылаются непосредственно в штаб.

Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь ещё зелёный хлеб».

Как видно, всё встаёт на свои места: фальсификаторы взяли реальный документ и, поменяв адресатов, дополнили его двумя последними абзацами (теми самыми, в которых сенсационные данные об НЛО), а также заменили подписанта с Меркулова на Кобулова.

КАК ЖУКОВ С БЕРИЕЙ УКРАИНЦЕВ ДЕПОРТИРОВАЛИ

С 1992 года сначала в украинских, а потом и в российских СМИ, а теперь и в сети Интернет гуляет Приказ № 0078/42 от 22 июня 1944 года за подписями Жукова и Берии. Ужасающий обывателя смысл этого «документа» в том, что украинцы, «особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях», враждебно встречают Красную Армию, саботируют восстановление колхозов, «срывают снабжение Красной Армии» и даже организуют в лесу «зелёные» банды, нападающие на красноармейцев. И из-за этого Жуков и Берия приказывают организовать высылку «в отдалённые края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов». Практически это означает ВСЕХ украинцев.

Вот полный текст этого «приказа»:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Приказ № 0078/42

22 июня 1944 года г. Москва

**ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
И НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ОБОРОНЫ СОЮЗА СССР**

Содержание: О ЛИКВИДАЦИИ САБОТАЖА НА УКРАИНЕ

И о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобождённых областей Украины.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зелёные» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на большие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобождённых областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти, и стремится к воз-

врату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобождённых областей Украины приказываю:

1. Выслать в отдалённые края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.

2. Выселение производить:

а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;

б) во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;

в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии;

г) выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться одним и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) завести в особых отделах специальные дела на каждого;

б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел;

в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР (Берия)

Зам. Народного Комиссара Обороны Союза ССР,

Маршал Советского Союза (Жуков)

Верно: Начальник 4-го отделения Полковник (Федоров)»

Откуда же взялся этот «документ»? В 1992 году кандидат исторических наук В. Марочкин, который занимался темой ОУН, работая в Центральном государственном архиве общественных организаций Украинской республики, среди документов Отдела пропаганды и агитации Компартии Украины, как он утверждал, обнаружил совершенно секретный «приказ», имевший прямое отношение к его исследовательской теме.

Марочкин тут же отправился в редакцию газеты «Литературная Украина», где приказ и был опубликован со ссылкой на место его хранения. В послесловии к публикации «От редакции» читателям напоминалась фраза из доклада Н. С. Хрущёва на XX съезде «О культе личности и его последствиях», воспринятая делегатами смехом. Суть её сводилась к тому, что украинцев Сталин не стал выселять только потому, что из-за многочисленности выселять их было некуда. Из приказа, говорилось в послесловии, видно, что Хрущёв отнюдь не преувеличивал, и в случае его выполнения украинцам было бы не до смеха. Приказ, по мнению редколлегии, отразил давний «всеимперский гнев на Украину кремлёвского деспота».

Л-133.

Совершенно секретно

~~82~~

91

Ряд для
Книжки
№ 05.
поку

Приказ № 0078/42

22 Июня 1944 года

г. Москва

По Народному Комиссариату Внутренних Дел Союза ССР и Народному Комиссариату Оборона Союза ССР

Содержание: О ЛИКВИДАЦИИ САБОТАЖА НА УКРАИНЕ
и о контроле над командирами и красноармейцами,
мобилизованными из освобожденных областей
Украины.

§ 1.

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того, чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах „зеленые“ банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти, и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации

Первый оборот «Приказа № 0078/42»

Счастью украинских националистов и антисоветчиков не было предела. Но всё испортило письмо в редакцию «Литературной Украины» Р. Я. Пирога, директора архива, в котором он был обнаружен.

И уже в следующем номере, 5 марта, газета была вынуждена напечатать опровержение, подписанное директором архива, кандидатом исторических наук Русланом Пирогом. Дело в том, что представленный Марочкиным «архивный документ» на проверку оказался ничем иным как немецко-фашистской агитационной листовкой, изготовленной в 1944 году для распространения на территории СССР. И хранилась в архиве она именно в этом качестве. Более того, фальсификатор Марочкин не мог об этом не знать, так как злонамеренно упустил при печати документа решающую часть текста. А именно, после слов «Начальник 4-го отделения Полковник (Федоров)» на листовке крупно напечатано:

«Украинцы!

Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования. СК 566»

Редакция газеты «Літературна Україна» принесла публичные извинения за дезинформацию читателей:

«Публикуя текст приказа № 0078/12, газета, как и всегда в подобных случаях, доверилась публикатору, в данном случае кандидату исторических наук, нашему постоянному автору, писателю Василию Марочкину. Но, к сожалению, он не проинформировал редакцию, а соответственно и читателей, о существенной детали своей находки, а именно о том, что текст приказа содержится не в аутентичном, то есть подлинном документе, а в листовке.

Не отметить этого дипломированный исследователь не мог, поскольку сам текст приказа напечатан в форме листовки, архивное дело, в котором он обнаружен, имеет тематическое название «Листовки, журнал «Вестник» немецко-фашистского и украинско-националистического Харькова» и содержит ещё десятки других листовок, а главное – в конце текста чётко напечатано: «Украинцы! Этот приказ находится в руках Германского Верховного командования».

Игнорирование этого принципиального обстоятельства и привело к дезинформации, поскольку наличие такого приказа может подтвердить только аутентичный документ, существование которого, учитывая сталинский геноцид целых народов, не исключено.

Обо всём этом и должен поведать публикатор, не торопясь на страницы газеты с сенсацией.

Вынуждены в дальнейшем от таких недобросовестных услуг отказаться».

Также выяснилось, что при публикации в газете совершили ошибку. Вместо «Выслать в отдалённые края Союза ССР всех украинцев», как в оригинале архивного документа, немецкой листовки, на которую ссылался Марочкин, было напечатано «Выслать в отдельные края Союза ССР всех украинцев». Ну это же уже мелочь.

Казалось, что после такого фиаско фальсификаторов «приказ» уйдёт в небытие, но процесс был запущен.

Вскоре этот текст перепечатала «Народная газета», и вновь без фразы – обращения немецкого командования к украинцам и без упоминания о типографских реквизитах листовки. «Народной газете» ответила «Правда Украины» статьёй В. Сергиенко. Автор призвал читателей уяснить, что «приказ» неизвестен в оригинале, что это всего-навсего немецкая листовка. Берия и Жуков, утверждал Сергиенко, не могли подписать подобный документ, поскольку решение о депортации обязательно должно было приниматься на уровне Государственного комитета обороны СССР (ГКО), и в этом случае «приказ» обязательно содержал бы ссылку на постановление ГКО за подписью Сталина.

Последовали опровержения «Военно-исторического журнала» (Москва № 4–5, 1992), и Главного архивного управления при Кабинете Министров Украины «Осторожно, фальшивка!» («Урядовый курьер», № 163–163, 20.10.94).

Но затем текст снова публикуется в газете «Час-Тайме», которую в то время редактировали два известных народных депутата Украины – В. Черновил и В. Шевченко (Народный Рух), и опять без упоминания о том, что речь идёт о фашистской листовке.

Наконец, 24 августа 1996 года, в День независимости Украины, по телеканалу УТ-1 в студии «1+1» проходит презентация фильма «Страчені світанки» (режиссёр Григорий Кохан), посвящённого УПА. В конце полторачасового фильма текст «приказа» цитируется таким образом, как будто речь идёт об общеизвестном факте.

Далее, 18 мая 2000 года газета «Вечерний Киев» в колонке главреда Виталия Карпенко снова рассуждает о приказе, как об общеизвестном факте.

19 октября 2002 года еженедельник «Зеркало недели» посредством статьи журналиста Валерия Дружинского «Скажи мне, кто твой враг...» утверждает, что некогда секретный приказ № 0078/42 от 22 июня 1944 года «теперь известен всем».

Ни в одной из этих публикаций, равно как и ни в одной из электронных публикаций, не упоминается, что речь идёт о немецкой типографской листовке, то есть о штатной продукции ведомства доктора Геббельса. Того самого доктора Геббельса, который вошёл в историю уже только одной знаменитой фразой: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в неё поверят».

Казалось, что по крайней мере в России эта тема закрыта. Увы, спустя годы «приказ» вновь появился в широком поле, теперь уже со ссылкой на книгу известного писателя и поэта Феликса Чуева «Солдаты империи: Беседа. Воспоминания. Документы» (М., 1998). Автор приводит «документ» в своей беседе с генералом В. С. Рясным (в 1944 году – нарком внутренних дел УССР). Текст приказа, приведённый в книге, имеет значительные отличия от опубликованного Василием Марочкиным в газете. В книге не затрагиваются вопросы достоверности текста, а его происхождение описано Чуевым в неопределённых выражениях. При этом в тексте «приказа» есть та же ошибка – «отдельные края» вместо «отдалённые

и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.

2. Выселение производить:

а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев.

б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации.

в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии.

г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться другим и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) Завести в особых отделах специальные дела на каждого.

б) Все письма проверять не через цензуру, а через особ. отд.

в) Прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и кр-цев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР (БЕРИЯ)**

**ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА
ССР, МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ЖУКОВ)**

Верно:

Начальник 4-го отделения

Полковник (Федоров)

У к р а и н ц ы !

Этот приказ находится в руках Германского Верховного Командования.

ЖК 201

края», что может свидетельствовать о том, что Чуев в своей книге использовал одну из многочисленных перепечаток публикации Марочкина, так, по его словам, она дополнена припиской «По неизвестным причинам этот приказ не был выполнен».

Учитывая, что тираж немецкой листовки мог составлять не одну тысячу экземпляров, не исключено, что по роду своей деятельности нарком внутренних дел Рясной мог знать о её существовании. А также то, что как раз Рясной по долгу службы боролся с украинскими националистами и коллаборантами, а Чуев при беседе не имел оригинала, а только пересказал содержание документа, позволяет допустить, что дальнейшее признание генерала о том, что приказ «был выполнен частично», имеет отношение совершенно к другому документу.

Однако это дало «документу» новую жизнь, и с тех пор он многократно перепечатывался в бумажных СМИ, а уж о его распространении в сети Интернет, при такой-то востребованности, и говорить не приходится. Даже стали утверждать, что найден подлинник «документа», правда, всё с той же отсылкой на книгу Ф. Чуева. Поэтому приведём анализ самого текста.

Первое, что обращает на себя внимание, это использование термина «карательные дивизии НКВД». Такие выражения, как «каратели», «карательный отряд», в те времена употреблялись только в отношении немцев. Словосочетание «фашистские каратели» было обычным газетным штампом для заклеивания преступлений гитлеровцев. Очень странно было увидеть это слово в советском официальном документе применительно к советским же воинским частям.

Далее в «документе» Георгий Константинович Жуков обозначен как «Зам. Народного Комиссара Оборонны», в то время как он был Первым заместителем НКО.

Если посмотреть другие приказы НКО 1944–1945 годов, то там Жуков обозначается как «Первый заместитель Народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза ЖУКОВ». Единственное исключение – данный «приказ».

В «приказе» встречаются довольно странные для русскоязычного документа, причём документа чрезвычайно высокого уровня, обороты вроде «враждебно сопротивляется выполнять» или «чтобы не дать скрыться одним и не дать знать членам его семьи».

Немало вопросов и к смыслу «документа». В нём указывается, что нужно «...выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации» – но это же практически означает выслать **ВООБЩЕ ВСЮ УКРАИНУ!** Получается, что собирались выслать и партизан. А ведь мощнейшее, массовое партизанское движение против немцев – это отличительная черта Советской Украины, наравне с Россией и Белоруссией. А что делать с миллионами фронтовиков-украинцев (среды которых две тысячи удостоенных звания Героя Советского Союза)?

Идём дальше. Реально проведённые депортации народов в СССР во время войны осуществлялись на основании постановлений Государственного комитета обороны, а не ведомственного или межведомственно-

го приказа. О таком постановлении или даже его разработке относительно украинцев ничего не известно.

По данным Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Центрального архива ФСБ России, приказ за № 0078/42 от 22 июня 1944 года в этих архивах не числится. Существующий приказ по НКВД № 0078 за 1944 год датирован 26 января, подписан заместителем наркома С. Н. Кругловым и посвящён совершенно другой теме.

«Приказ» неконкретен, не устанавливает ни одного ответственного за его исполнение лица или органа, никак не определяет распределение задач между НКВД и НКО.

В «приказе» явно упоминаются только два соединения, предназначенные для проведения депортации: 12-я и 25-я карательные дивизии НКВД. «Внезапная» (так в «приказе») депортация десятков миллионов людей силами двух дивизий выглядит технически невыполнимой задачей.

В «приказе» нет ни слова о взаимодействии с другими ведомствами, без которых вся операция очевидно невозможна (в первую очередь Наркоматом путей сообщения).

Двойной номер межведомственного совершенно секретного приказа должен был бы иметь вид «0078/0042» (два нуля – признак совершенно секретного документа в нумерации и того, и другого наркомата), как в других подобных документах того времени.

В «приказе» упоминаются «особые отделы», которых в войсках не существовало с апреля 1943 года.

В «приказе» военнослужащие Красной Армии названы «красноармейцами» и «командирами». В 1944 году в официальных документах употреблялось слово «офицеры» вместо принятого до 1943 года «командиры».

КАК БЕРИЯ С МЮЛЛЕРОМ ДРУЖИЛИ

Одной из главных тем фальсификации истории со стороны антисоветских и антироссийских сил уже давно является попытка поставить на одну доску советский строй и фашизм в Германии. Для достижения этого идут на всевозможные ухищрения. Не исключены и подлоги письменных источников. Так, сначала в СМИ, а потом на телевидении (здесь отметились не только страны Прибалтики и Польша, но и, например, российское НТВ) появилось так называемое «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)». Характерно и то, что это целый комплекс «документов», который постоянно дополняется и изменяется. Уже известно более 10 версий этого «соглашения».

Вот один из текстов:

«Документ Соглашения НКВД – ГЕСТАПО (1938)

(Перевод с немецкого)

*Сов. секретно. Рейхсфюрер СС Шеф Главного управления безопасности
№ I-448 /12-I Берлин, 3 ноября 1938 г.*

ДОВЕРЕННОСТЬ: С этой доверенностью шеф четвертого управления главного управления безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии бригаденфюрер СС Генрих Мюллер уполномочивается подписать в Москве с руководством Министерства внутренних дел договор о совместной деятельности между руководством Главного управления безопасности НСДАП и руководством советских специальных служб.

Подпись.

Группенфюрер СС

печатать: Рейхсфюрер СС, Шеф главного управления безопасности,

Переводчик (подпись)

Верно: руководитель секретариата НКВД СССР Мамулов С. С.

(подпись)

печатать: НКВД СССР. Секретариат № 1

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

О сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (ГЕСТАПО).

время подписания: гор. Москва, 11 ноября 1938 г. 15 час 40 мин.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности, гор. Москва, 11 ноября 1938 г.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР, далее по тексту НКВД, в лице начальника Главного управления государственной безопасности, комиссара госбезопасности 1 ранга Лаврентия БЕРИЯ, с одной стороны, и Главное управление безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии в лице начальника четвертого управления (ГЕСТАПО) Генриха МЮЛЛЕРА, на основании доверенности № 1448/12-1 от 3 ноября 1938 г., выданной шефом Главного управления безопасности Рейхсфюрера СС Рейнхарда Гейдриха, далее по тексту ГЕСТАПО, с другой стороны, заключили настоящее генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между НКВД и ГЕСТАПО.

§ 1.

п. 1. Стороны видят необходимость в развитии тесного сотрудничества органов государственной безопасности СССР и Германии во имя безопасности и процветания обеих стран, укрепления добрососедских отношений, дружбы русского и немецкого народов, совместной деятельности, направленной на ведение беспощадной борьбы с общими врагами, ведущими

планомерную политику по разжиганию войн, международных конфликтов и порабощению человечества.

п. 2. Стороны, подписавшие настоящее соглашение, видят историческую необходимость такого решения и будут стараться делать всё для укрепления влияния и силовых позиций своих стран во всём мире, не причиняя взаимного вреда. Принимая во внимание исторические процессы в развитии международных отношений, при которых СССР и Германия являются лидирующими странами, а также, что между нашими правительствами устанавливаются хорошие отношения, между народами крепнет дружба и сотрудничество, в то же время желание общими врагами СССР и Германии направлено на разобщение добрососедских отношений, разжигание недоверия, неприязни, откровенной вражды и реваншистских выпадов, НКВД и GESTAPO поведут совместную деятельность в борьбе с общими врагами и будут информировать правительства своих стран о результатах такой деятельности.

п. 3. Сознвая, что происшедшие в последнее время перемены в мире представляют нашим странам уникальный шанс установить в мире новый порядок, основываясь на примате, желая придать динамизм отношениям между СССР и Германией, стороны договорились о нижеследующем:

§ 2.

п. 1. НКВД и GESTAPO будут развивать свои отношения во имя процветания дружбы и сотрудничества между нашими странами.

п. 2. Стороны поведут совместную борьбу с общими основными врагами:
– международным еврейством, его международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением;

– дегенерацией человечества, во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены.

п. 3. Виды и формы дегенерации, подлежащие стерилизации и уничтожению, стороны определили дополнительным протоколом № 1, являющимся неотъемлемой частью настоящего соглашения.

§ 3.

п. 1. Стороны будут всемерно способствовать укреплению принципов социализма в СССР, национал-социализма в Германии, и убеждены, что одним из основополагающим элементом безопасности является процесс милитаризации экономики, развитие военной промышленности и укрепление мощи и дееспособности вооружённых сил своих государств.

п. 2. Стороны будут способствовать в развитии сотрудничества в военной области между нашими странами, а при необходимости войны способствовать проведению совместных разведывательных и контрразведывательных мероприятий на территории вражеских государств.

§ 4.

п. 1. В случае возникновения ситуаций, создавших, по мнению одной из сторон, угрозу нашим странам, они будут информировать друг друга и незамедлительно вступать в контакт для согласования необходимых инициатив и проведения активных мероприятий для ослабления напряжённости и для урегулирования таких ситуаций.

это подписания сроком на пять лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды.

Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу, укреплен подписями и печатями представителей НКВД и ГЕСТАПО. Русский текст соглашения остается в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО.

Совершено в Москве, " 11 " ноября 1938 г.
в " 15 " час. " 40 " мин.

Подписи сторон:

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНЕШНИХ ДЕЛ СССР
ПО БЕЗОПАСНОСТИ I РАНГА

Л. Берия (Л. БЕРИЯ)

НАЧАЛЬНИК ЧЕТВЕРТОГО УПРАВЛЕНИЯ (ГЕСТАПО) ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ
ПАРТИИ ГЕРМАНИИ
СС

Г. Мюллер (Г. МЮЛЛЕР)

Пятая страница так называемого «Генерального соглашения
НКВД и ГЕСТАПО»

§ 5.

п. 1. Стороны придают важное значение развитию и углублению профессиональной деятельности. Обмен опытом и встречи, командировки сотрудников обоих ведомств будут осуществляться на постоянной основе.

п. 2. Руководители НКВД и ГЕСТАПО, сотрудники служб обоих ведомств будут иметь регулярные встречи для проведения консультаций, обсуждения иных мероприятий, способствующих развитию и углублению взаимоотношений между нашими странами.

§ 6.

п. 1. Стороны будут способствовать расширению и углублению сотрудничества между нашими странами в областях:

- военной промышленности;*
- самолётостроения;*
- экономики;*
- финансов;*
- научно-технического сотрудничества;*
- в области энергетики;*
- науки и техники;*
- в области сокровенных тайн, теозологии, теософии, паранормальных и аномальных явлений, влияющих на социальные процессы и внутреннюю жизнь государств.*

§ 7.

п. 1. Каждая из сторон будет способствовать облегчению, насколько это возможно, на основе взаимности, визового режима въезда сотрудников обоих ведомств в наши страны.

§ 8.

п. 1. Стороны будут заключать по мере необходимости дополнительные соглашения в целях реализации положений настоящего соглашения.

§ 9.

п. 1. Настоящее соглашение вступает в силу в день его подписания сроком на пять лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды.

Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу, скреплён подписями и печатями представителей НКВД и ГЕСТАПО. Русский текст соглашения остаётся в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО.

Свершено в Москве, 11 ноября 1938 г. в 15 час. 40 мин.

Подписи сторон:

Начальник Главного управления государственной безопасности

Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР

Комиссар Госбезопасности 1 ранга Л. Берия

*Начальник четвёртого управления (ГЕСТАПО) Главного управления безопасности Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии
Бригаденфюрер СС Г. Мюллер*

ПРОТОКОЛ № 1

Приложение к соглашению от 11 ноября 1938 г. между НКВД и ГЕСТАПО.

Кроме всего прочего стороны определили, что в § 2 п. 3 подписанного соглашения речь идёт о следующих видах квалификации дегенеративных признаков вырождения, как то:

- рыжие;*

- косые;
- внешне уродливые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие дефекты речи: шепелявость, картавость, заикание (врождённое);
- ведьмы и колдуны, шаманы и ясновидящие, сатанисты и чертопоклонники;
- горбатые, карлики и с другими явно выраженными дефектами, которые следует отнести к разделу дегенерации и вырождения;
- лица, имеющие большие родимые пятна и множественное кол-во маленьких, разного цвета кожное покрытие, разноцветие глаз и т. п.

Стороны дополнительно определяют квалификацию типов (видов) дегенерации и знаков вырождения. Каждая из сторон определит соответствующий (приемлемый) лимит и программу по стерилизации и уничтожению этих видов.

Подписи сторон:

ПРОТОКОЛ № 2

*Дополнение к соглашению от 11 ноября 1938 г. между НКВД и ГЕСТАПО.
О выдаче граждан и их этапировании.*

Подлежат выдаче:

- граждане, лица без гражданства, иностранцы, совершившие преступления, предусмотренные уголовным законодательством СССР и Германии, на их территории, которые в силу тех или иных обстоятельств находятся за пределами своего государства и не желают возвратиться назад

Для производства выдачи лиц, виновных в совершении преступлений, необходимо: предоставить мотивированное письменное требование, с указанием мотивов и обстоятельств, послуживших обращению. Требование адресуется в адрес лиц, подписавших соглашение, и ими же подписывается.

Этапирование преступников производит сторона, на территории которой его задержали, до границы своего государства и передачи по необходимости.

Подписи сторон»

Сразу приношу извинения, что привожу столь огромный текст. Но так как очень редко его приводят целиком, а в основном выдёргивают цитаты, то нужно иметь полное представление об этой фальшивке. Ведь вопрос фальсификации таких «документов» именно в том, чтобы позже, ссылаясь на них, дурачить людей, вводить их в заблуждение, манипулировать ими.

Эта фальшивка хорошо известна историкам. Подробный её разбор провёл историк А. Р. Дюков.

Впервые она была опубликована в выходящей в Москве антисемитской газете «Память» в 1999 году. Этот «документ», повествующий о совместной борьбе НКВД и гестапо против «еврейской угрозы», получил широкое распространение в российских ультранационалистических кругах и через некоторое время был частично воспроизведён в книге писателя Владимира Карпова «Генералиссимус». «Генеральное соглашение» также представлено на многочисленных ресурсах в сети Интернет.

Содержание «Генерального соглашения» неоспоримо свидетельствует о поддельности этого «документа». Согласно пометам на папке, в которой якобы было «найден» «Генеральное соглашение», эта папка хранится в фонде 13 архива ЦК КПСС. Однако в фонде 13 этого архива (ныне Российский государственный архив новейшей истории) отложились документы Бюро ЦК КПСС по РСФСР, действовавшего в 1956–1966 годах и не имевшего никакого отношения к органам НКВД. Никакого «Генерального соглашения» в фонде не хранится и не хранилось.

«Документ» подписан «начальником Четвёртого управления (гестапо) Главного управления безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии бригаденфюрером СС Г. Мюллером» 11 ноября 1938 года. Однако гестапо стало Четвёртым управлением только 27 сентября 1939 года, когда было создано РСХА – Главное управление имперской безопасности. Таким образом, «Генеральное соглашение» подписано от имени не существовавшего к тому моменту ведомства.

Этим странности «документа» не исчерпываются.

Г. Мюллер к ноябрю 1938 года носил звание штандартенфюрера СС, а не бригаденфюрера СС, как указано в «Генеральном соглашении». И гестапо он не возглавлял, а являлся начальником референта Главного управления полиции безопасности и СД. Более того, 11 ноября 1938 года Мюллер находился не в Москве, как явствует из «Соглашения», а в Берлине, подводя итоги знаменитой «Хрустальной ночи». Получается, что «Генеральное соглашение» от лица несуществующей организации подписал представитель другой организации, находившийся за тысячи километров от места подписания и к тому же перепутавший собственное звание.

Однако и это ещё не всё. В «Генеральном соглашении» указывается, что Мюллер подписал его «на основании доверенности № I 448/12-1 от 3 ноября 1938 года, выданной шефом Главного управления безопасности Рейхсфюрера СС Рейхарда Гейдриха». Заверенный «руководителем секретариата НКВД СССР Мамуловым» перевод на русский язык этой «доверенности» был опубликован в том же номере газеты «Память», что и «Генеральное соглашение». Однако Мамулов был назначен начальником Секретариата НКВД СССР только 3 января 1939 года – через два месяца после того, как он якобы заверил перевод «доверенности».

Как видим, фальшивка оказалась крайне грубой. Неудивительно, что она подверглась разгромной критике в российских СМИ сразу же после частичной перепечатки в книге В. Карпова «Генералиссимус».

Однако, к сожалению, эта критика была учтена фальсификаторами при изготовлении второй, исправленной версии «Генерального соглашения».

Второй вариант «Генерального соглашения» был введён в оборот через специализировавшегося на криминальной хронике журналиста телекомпании НТВ Сергея Канева. Как утверждал сам Канев, «человек, который принёс эту папку, сообщил, что документ подлинный, из личного архива Л. Берии».

От опубликованной в газете «Память» новая версия «Генерального соглашения» отличалась существенно. Была изменена должность Мюллера – на сей раз она звучала как «представитель начальника Главного управления безопасности Германии». Звание «бригаденфюрер СС» ока-

залось исправленным на более адекватное «штандартенфюрер СС». Текст «Генерального соглашения» был изменён; кроме того, появились сургучные печати и «личные пометки Берии». Однако некоторые свидетельства подложности остались; так, например, в новом варианте «Генерального соглашения» Мамулов по-прежнему значился «руководителем секретариата НКВД СССР». Вопрос о том, каким образом находившийся 11 ноября 1938 года в Берлине Мюллер смог в тот же день подписать «Генеральное соглашение» в Москве, также остался открытым.

Сергей Канев принял «Генеральное соглашение» за подлинный документ; снятый им фильм «НКВД и гестапо: Брак по расчёту» в 2004 году был показан по телеканалу НТВ. Спустя четыре года снятые Каневым кадры второй версии «Генерального соглашения» вместе с рядом других фальшивок были использованы авторами латвийского псевдодокументального фильма «The Soviet Story». Возражений со стороны официальных латвийских историков на этот фильм не последовало; более того, эта переполненная фальшивками и ложными утверждениями картина была ими одобрена. Этот факт, а также использование «Соглашения» как подлинного документа в книге литовского историка Петраса Станкераса «Литовские полицейские батальоны» свидетельствуют о прогрессирующей деградации прибалтийской исторической науки.

Как известно, премьеру «The Soviet Story» посетил президент этой страны, а министр юстиции призвал показывать этот фильм в школах.

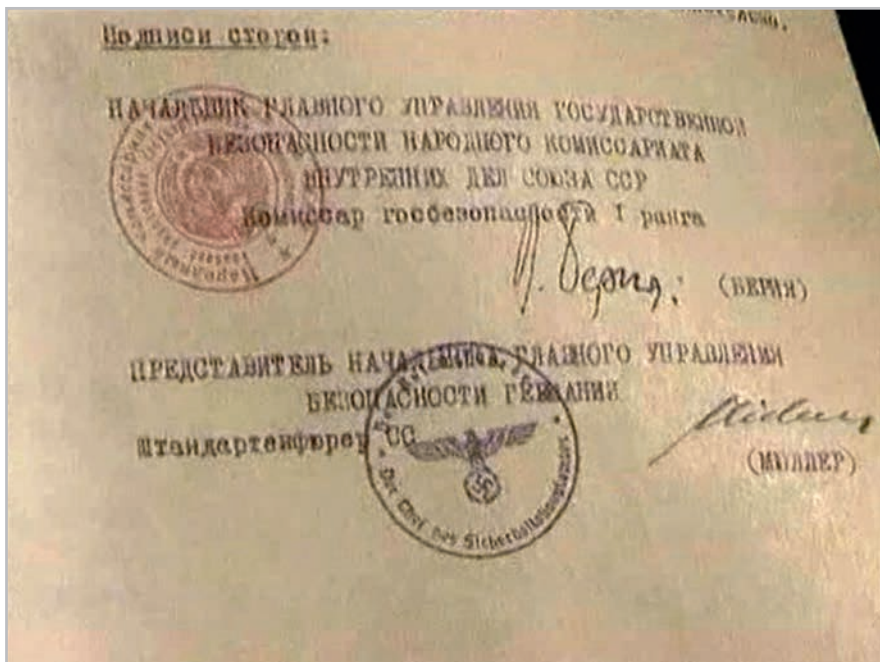
Ещё более примечательное во всей этой затее то, что латышские политики попытались предъявить его Совету Европы ещё до начала показа в собственной стране. В Европе, правда, это творение особого интереса не вызвало. Пока не вызвало. Но это, как мы все понимаем, отнюдь не заслуга латышских историков.

Что можно добавить? Любое такого рода соглашение предваряется каким-то соглашением на высшем уровне, как это было, например, в 1939-м. Тогда, как известно, был заключён **Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом** и одновременно с ним – торговое соглашение. И потом уже, в развитие этих основополагающих актов, – другие, уже более частные документы.

Но в 1938-м между СССР и Германией никаких договоров заключено не было. Поэтому совершенно невероятным является заключение любого договора между спецслужбами СССР и Германией до заключения договора между странами.

Любой договор заключается обычно, если обе стороны считают его для себя выгодным. Договоры (тем более тайные) не заключаются для того, чтобы что-то доказать потомкам. Они заключаются для реализации этой выгоды, то есть для практической деятельности. Какова же была в то время выгода для СССР в ловле по всей стране рыжих и косых её граждан?

Германия – там всё понятно. Там была принята, гласно и вполне официально, расовая теория. В качестве государственной, подчеркну. Согласно этой теории, как известно, полноценной расой объявлялась арийская. Все остальные расы эта теория объявляла неполноценными со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Второй вариант «Соглашения». Кадры из фильма Канева

Но в Советском Союзе шла полномасштабная кампания по развенчанию расовой теории, выходили десятки книг от публицистических до научных на эту тему. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров: «Против фашистского мракобесия и демагогии» (Соцэкгиз, 1936), Корнев Н. «Третья империя в лицах» (Гослитиздат, 1937), «Против фашистской фальсификации истории» (Академия наук СССР, 1939) и т. д.

Тогда почему и каким образом НКВД СССР ощутил вдруг потребность изо всех сил внедрять эту теорию в практику советской жизни? Берии пришлось на ум воевать с теорией и практикой диктатуры пролетариата? Так получается? Берия решил заняться борьбой за чистоту арийской расы?

Настоящее «соглашение» заключено в 1938 году. Значит, должны быть известны факты, подтверждающие то, что, начиная с 1938 года, в СССР в больших масштабах начались преследования людей, имеющих физические недостатки.

А ведь должны были проводиться эти репрессии не выборочно, а в масштабах всей страны. Иными словами, с размахом, никак не поддающимся их сокрытию. И уж совершенно точно запомнился бы какой-нибудь экзотический факт, если кого-то отправили в лагерь с формулировкой «за то, что рыжий». Такие перлы забыться никак не должны. Но даже у ярых антисоветчиков, фальсификаторов и собирателей антисоветских мифов таких «данных» нет.

ДВАЖДЫ УТОПЛЕННАЯ МОЛОГА

В многочисленных публикациях в интернете уже давно гуляет некий «документ» о том, как бесчеловечные коммунисты и энкаведешники при строительстве Рыбинского водохранилища затопили сотни людей. В 2011 году к пиару этой фальшивки подключился даже Первый канал, где вышел фильм «Молога. Русская Атлантида», повествующий о событиях, связанных с созданием Рыбинского водохранилища. Фильм позиционируется как «документальная драма», то есть это такое художественное произведение, но как бы основанное на реальных событиях и включающее в себя, помимо игровых эпизодов, реальные интервью и архивные съёмки. Центральным моментом фильма является так называемый «рапорт Складорова», на основе и вокруг которого построен весь фильм.

Итак, ознакомимся с содержанием этого документа.

«НАЧАЛЬНИКУ ВОЛГОСТРОЯ ВОЛГОЛАГА НКВД СССР МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ТОВ. ЖУРОВУ

РАПОРТ.

В дополнение к ранее поданного мною рапорта докладываю, что граждан добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наполнении водохранилища составляет 294 человека. Эти люди абсолютно все

НАЧАЛЬНИКУ ВОЛГОСТРОЯ ЭВОЛГОЛАГА
НКВД СССР
МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ тов. ЖУРБАВУ
РАПОРТ.

В дополнение к ранее поданного мною рапорта докладываю, что граждан добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наводнении водохранилища составляет 294 человека.

Эти люди абсолютно все ранее страдали нервным расстройством здоровья, таким образом общее количество погибших граждан при затоплении города Мологи и селения одноименного района осталось прежним 294 человека.

Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками предварительно обмотав себя к глухим предметам.

К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР.

НАЧАЛЬНИК МОЛОГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЛАГПУНКТА ВОЛГОЛАГА
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ / СКЛЯРОВ /

Так называемый «Рапорт Склярова о затоплении людей в Мологе»

ранее страдали нервным расстройством здоровья, таким образом общее количество погибших граждан при затоплении города Мологи и селении одноименного района осталось прежним 294 человека. Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками, предварительно обмотав себя к глухим предметам. К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР.

*НАЧАЛЬНИК МОЛОГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЛАГПУНКТА
ВОЛГОЛАГА ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СКЛЯРОВ».*

Рапорт подписан лейтенантом Скляровым и адресован начальнику Волгостроя-Волголага Журину. В нём указано, что 294 человека из числа жителей г. Мологи и селений Мологского района добровольно отказались от переселения из зоны затопления водохранилища и погибли. Некоторые из них приковывали себя «к глухим предметам». Этаким протест системе, «умираем, но не сдаёмся» и всё такое. «Кровавая гэбня топит патриархальных селян», – пишет один из авторов очередной публикации. Однако же данный «документ» вызывает немало вопросов.

Чтобы лучше понять, о чём идёт речь, сделаем краткий экскурс в историю Рыбинского водохранилища. В 1935 году советское руководство решило построить на Волге две крупные по тем временам гидроэлектростанции – Угличскую и Рыбинскую. Эта задача была возложена на НКВД, обладавший значительными людскими ресурсами в виде заключённых. В структуре НКВД для строительства этих гидроэлектростанций была организована специальная структура – Волгострой и при нём Волголаг. Волгострой занимался всеми работами по волжским ГЭС – он их и проектировал, и строил, и готовил зону затопления, разве что оборудование поставляли независимые заводы. В апреле 1941 года началось заполнение Рыбинского водохранилища, переселение населения (около 130 тысяч человек) из зоны затопления к этому моменту было завершено.

В зону затопления попал и город Молога. Согласно первому изданию Большой советской энциклопедии, в 1936 году в нём проживало 6100 человек, это был небольшой, застроенный преимущественно деревянными строениями городок.

Итак, перейдём к описаниям странностей «документа». Во-первых, он никак не датирован, что довольно странно. В правом верхнем углу красным карандашом нанесена отметка, напоминающая цифру 41, что даёт основание датировать «документ» 1941 годом. Вместе с тем цифра «41» скорее всего означает номер листа и не относится к датировке «документа». Следовательно, дату написания «документа» из него самого установить нельзя, но можно произвести датировку документа и другим образом. Майор Журин работал руководителем Волгостроя в 1941 – начале 1942 года, после чего Волголаг был преобразован в Рыбинский ИТЛ, а Журин уехал на Урал. В 1944 году он вновь вернулся на Волгострой, но уже в звании генерал-майора. Таким образом, документ может быть датирован с апреля 1941 года (начало заполнения Рыбинского водохранилища) до начала 1942 года.

Есть в документе и другие странности. Так, он составлен крайне неряшливо – опечатка в фамилии Журина, исправленная чернилами, абсолютное отсутствие логической взаимосвязи между двумя частями предложения во втором абзаце. Адепты данного «документа» пытаются на этом строить его защиту: «В том числе в силу упоминающихся ляпов. Документ печатный, бумага «правильной» выцветки. Печатали, видимо, сам автор, так как лист стоял в машинке криво, что для машинистки нетипично. Отсюда и ошибки в тексте и печати. Слог, в принципе, соответствует образовательному уровню начальствующего состава этого времени». Это, как говорится, «на любителя». Конечно, можно считать, что в 1941 году весь начальствующий состав был безграмотен и печатал рапорты исключительно по случаю утопления не-

скольких сотен людей, а потому не знал, как ставить бумагу в пишущую машинку, но всё же это маловероятно. Заметим, что опечатки в документе как таковые не являются доказательством ни его подлинности, ни поддельности. А вот цвет бумаги действительно может быть одним из признаков подлинности, но только если у нас имеется сам документ, а не его электронное факсимиле. Иначе фотешоп без труда даст нужную «выщветку».

Важно другое: на документе отсутствуют какие-либо отметки или штампы, неизбежно возникающие в ходе делопроизводства и дальнейшего нахождения в архиве (невразумительные, судя по всему карандашные, пометки в верхней части документа хоть и могут быть номером листа в деле, всё же не заменяют их, а наоборот, обращают внимание на отсутствие следов «подшивания» в дело).

Теперь перейдём к странностям фактологическим. Совершенно непонятно, почему отказывающиеся переселиться люди не были выселены принудительно. В самом документе указывается на некие применённые «меры физического воздействия» к тем, кто отказался переселиться, но которые, по неясным причинам, не привели к успеху. А ведь и сейчас при необходимости приставы выселяют без проблем, а уж в то время с этим тем более не могло быть особых сложностей. Занимающийся работами НКВД мог без труда отправить всех, кто сопротивлялся решениям советской власти, в тот же Волголаг.

Перед заполнением водохранилища в обязательном порядке происходит очистка его ложа от строений. Деревянные дома либо разбираются и перевозятся на новое место, либо сжигаются. Накануне затопления в районе города взрывали оставшиеся ещё каменные строения: усадьбы, храмы и дома, склады. Каменные постройки могли помешать судоходству, поэтому оставшиеся от них горы кирпича также постарались вывезти. Причём делается это задолго (минимум за год) до заполнения водохранилища (Мологу начали переселять ещё в 1937 году).

Мологский район, г. Молога и 6 сельсоветов Мологского района, попадающих в зону затопления, были официально ликвидированы Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 20 декабря 1940 года. Поскольку местные советские власти принимали самое непосредственное участие в процессе переселения (в частности, выдавали справки о выезде, на основании которых переселенцы получали финансовую помощь от государства), можно достаточно уверенно полагать, что к этой дате переселение было завершено.

Возникает довольно странная картина – почти триста человек месяцами сидят среди чистого поля и ждут, когда придёт вода. Некоторые ещё и на цепи.

Далее, чисто физически утопиться при заполнении водохранилища довольно проблематично. Рыбинское водохранилище имеет небольшой подпор, но большой объём, и соответственно заполняется довольно медленно – это сантиметры в день. Это не цунами и даже не обычное наводнение, уйти от поднимающегося водохранилища можно просто пешком и не особо напрягаясь. Сидеть неделю, а то и больше в воде и ждать, когда тебя утопит ме-е-е-дленно повышающимся уровнем воды – это удивитель-

25
ЛЕТ

УГЛИЧСКОЙ и РЫБИНСКОЙ
ГЭС

ИЗ ОПЫТА СТРОИТЕЛЬСТВА
И ЭКСПЛУАТАЦИИ

Под общей редакцией
Героев Социалистического Труда
Н. А. Малышева и М. М. Мальцева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭНЕРГИЯ»
МОСКВА 1967 ЛЕНИНГРАД

Титул книги по истории Рыбинской ГЭС

но дурацкий и мучительный способ самоубийства. Даже если согласиться со Склярковым и признать, что утопленники были психически больными людьми, то даже для сумасшедших это уж слишком.

Ну и наконец, самое интересное. Как мы помним, сей документ мог быть написан в 1941-м, ну максимум в начале 1942 года. Но дело в том, что Рыбинское водохранилище заполнялось не за год, а за 6 лет. Как это происходило, можно увидеть на приведённом графике.

Итак, в 1941 году водохранилище поднималось максимально до отметки 97,5 м (условная 112,5 м – обозначенная так по соображениям секретности), в 1942 году – до отметки 99,3 м (условная 114,3 м). А на какой

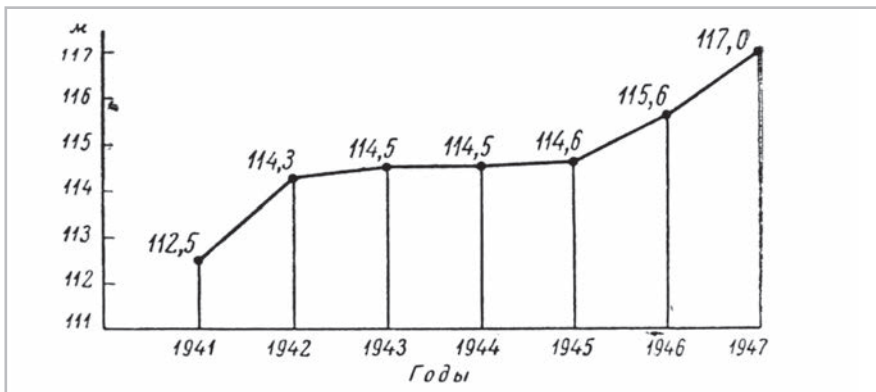

График наполнения водохранилища по годам

отметке расположена Молога? Ответ известен – на отметках 98–101 м (условная 113–116 м). Таким образом, впервые Молога скрылась под водой в 1946 году. Соответственно, никакие жители Мологи утонуть ни в 1941, ни в 1942 году не могли физически – вода до них просто не дошла. Чтобы погибнуть при затоплении, приковавшим себя в 1941 году к «глухим предметам» мологжанам пришлось бы сидеть на цепи пять лет, до весны 1946 года. И лейтенант Скляров, начальник Мологского отделения лагпункта Волголага, никак не мог написать рапорт о затоплении Мологи, которая не была в то время затоплена, тем более Владимиру Дмитриевичу Журину, крупному советскому гидротехнику, руководителю Волгостроя, доктору технических наук, профессору, генерал-майору технической службы, который одновременно был главным инженером стройки и прекрасно знал, что именно затапливалось и когда.

Большие вопросы вызывают и обстоятельства обнаружения документа, и его современное местонахождение. Обычно указывается, что документ был найден в архивах Рыбинского музея-заповедника, что само по себе крайне странно – документ внутренней переписки НКВД должен храниться в архиве ФСБ, а никак не в музее. Если же этот документ по каким-то непонятным причинам был передан из архива в музей, на нём должны были сохраниться соответствующие отметки архива, да и музея – единица хранения же, под учётом. Более того, из музея сей документ как-то исчез, и где он сейчас – никому не известно:

«На этот документ, когда-то найденный в архивах Рыбинского музея-заповедника, ссылаются авторы большинства публикаций о Мологе, однако, по словам молодого директора Музея Мологского края Снежаны Евсеевой, вышеназванного рапорта сама она не видела и где этот документ находится и есть ли он в природе вообще, не знает. Возможно, он хранится в Угличском историко-архитектурном музее-заповеднике, но на запрос рыбинцев туда ответ не пришёл. Что дало им повод засомневаться в реальности «самоубийственных» событий».

После того, как выяснилось, что данного «документа» нет ни в музейном, ни Рыбинском, ни в Ярославском архиве, что нет его и в архивах МВД и ФСБ, адепты подлинности «рапорта» придумали уж совершенно фантастическую версию. «Появление его «на руках» в некоем частном собрании возможно, так как значительные объёмы региональных ведомственных архивов уничтожались с сохранением лишь части документов, составлявших переписку с центром. Корневые доки, как правило, сжигались. Это происходило по истечении сроков хранения, а также в ходе комплексного уничтожения ведомственных архивов в 1985–89 годах. В процессе уничтожения часть бумаг попадала в частные руки. Во всяком случае, я такие документы встречал неоднократно». Вы только вдумайтесь – при уничтожении документов человек, который обязан отчитаться об их уничтожении, продаёт их в частную коллекцию. Прям вор на воре. Но тогда где эта частная коллекция? Что ж молчит владелец такой сенсации?

Но не все адепты уверены, что документ у частника, встречаются и «очевидцы» документа в архивах. Так, некий Никита Охотин пишет: «Я видел этот документ в деле, поскольку подбирал документальные материалы для выставки и сайта «Музей энергии». Он находится в одном из двух шитых дел с материалами Волголага, которые были переданы в архив Моск. Мемориала в сер. 1990-х гг. Из тех же дел на сайте воспроизведены и некоторые другие документы Волголага (последние шесть позиций в разделе 1929–1940). В делах собраны документы разного уровня, разных делопроизводственных жанров и разного времени, исходящие перемежаются входящими, нумерация листов также не последовательная, то есть очевидно, что это не подневная (помесячная) подшивка материалов лагерной канцелярии, а более поздняя шивка разрозненных материалов из этой канцелярии (возможно, это как раз и есть часть Катунинской коллекции)... Что касается содержания, то к тому времени, когда я открыл это дело (2008), он был уже неоднократно опубликован, в частности, в материалах Рыбинского музея. Поэтому проводить его экспертизу на подлинность (для временной выставки!) мне в голову не пришло. Но и сейчас, должен сказать, не вижу в нём ничего «левого»: разноречивое в написании должности – обычное дело, алогичность изложения – как раз свидетельство подлинности, а фраза о поголовных псих. отклонениях у погибших явно указывает на желание Складорова прикрасить собственную жопу – такое, ей-богу, не выдумаешь. Конечно, при полном научном исследовании сюжета надо проверить «на зуб» и этот документ, но не думаю, что Катунин вшил в подборку подлинных документов (совершенно рутинных) фальшивую бомбу. Но вообще дела хранятся в Мемориале, могу при случае посмотреть ещё раз (когда буду в Москве)».

Что ж, с данного заявления прошло три года, ни Охотин, ни Мемориал так и не предъявили публичке подлинник.

Что же в итоге? Есть лишь одна версия, просто и логично объясняющая всё вышеперечисленное. Не было никаких трёх сотен мологжан-самоубийц, и быть не могло. А документ, известный как «рапорт Складорова», никогда не существовал в реальности. Это обычная и не очень хорошо сработанная фальшивка.

КАК ФАЛЬШИВКИ МЕМОРИАЛАМИ СТАНОВЯТСЯ

В столице Украины Киеве с недавних пор есть несколько мемориалов Голодомору (о самом явлении написано много разоблачительных книг и статей), один из них, Мемориал жертв Голодомора на Печерске, снабжён так называемой «Аллеей чёрных табличек», где вдоль лестницы в чёрном граните выбиты «цитаты» о голодоморе. Все цитаты подготовлены Украинским институтом национальной памяти. Одна из этих цитат снабжена подписью «В. Ленин» и гласит: «Чёрт с ними, с этими крестьянами – ведь они тоже мелкие буржуа, а значит, пусть и они исчезнут с лица земли, как рудимент». К несчастью для украинского института памяти, вы не найдёте эту цитату ни в Полном собрании сочинений Владимира Ильича, ни в дополнительном томе «Неизвестный Ленин», где опубликованы все ранее засекреченные работы Ленина. Откуда же эта цитата?

Во-первых, это цитата из эмигрантских мемуаров Г. А. Соломон-Исецкого «Ленин и его семья», изданных в Париже в 1931 году, то есть через семь лет после смерти В. И. Ленина, а следовательно, он не мог ни ознакомиться с ними, ни опровергнуть.

А во-вторых, Ленин в этих самых мемуарах, а именно в главе 6, произносит указанные слова в саркастическом смысле, споря с наивным 18-летним радикалом, неким Саней.

«Вот как! – снова сцепился Ленин с ним. – Так что вы считаете, товарищ Саня, что для России парламентский режим тоже пережиток, который можно спокойно выбросить, как яичную скорлупу! Великолепно, я принимаю ваше глубокомысленное решение и всеми мерами приветствую его. Итак, долой парламенты всего мира, вплоть до старейшего из них английского! Долой!.. Ну, а что же вы предлагаете взамен этих отживших учреждений? Ведь вы, конечно, как ортодоксальный максималист, считаете, что и мировая – о российской мы, конечно, и говорить не желаем – буржуазия выполнила свою историческую миссию, а потому долой и её?.. Так ведь?

– Да, так, – робко проскрипел Саня.

– Правильно, – ехидным тоном сказал Ленин, – принимаю и даже ставлю вопрос шире. Принимаю, что вообще и демократия, и её режим тоже жили своё. Принимаю и приветствую глубокие заключения товарища Сани... Да здравствует максимализм, а следовательно, по-максималистски же и немедленная диктатура пролетариата! Так, верно я говорю? Чёрт с ними и с крестьянами – ведь и они тоже мелкие буржуа, а значит, говорю о России, пусть и они исчезнут также с лица земли, как рудимент... Хорош. Ну а предлагаемый образ правления, раз вы изволите уничтожить парламент? Ну, мудрый Эдип, разреши!!..»

«Цитата Ленина» на аллее чёрных табличек в Киеве

Интересно здесь отметить, что слово «чёрт» на доске дано в старой орфографии (до 1956 года). То есть либо изготовители решили написать, как при жизни Ленина (неожиданно скрупулёзно для таких халтурщиков), либо пользовались каким-нибудь факсимильным изданием мемуаров, а значит, не могли не понимать, что занимаются подлогом и передёргиванием.

Приведу ещё ряд «цитат» В. И. Ленина, которые активно используются в публикациях СМИ и сети Интернет для антикоммунистической и антироссийской пропаганды.

Цитата 1: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев... (Полное собрание сочинений Ленина, т. 50, с. 156, изд. 5, 1970 год)». Здесь мы имеем дело с откровенной фальсификацией. Открываем ПСС Ленина, том 50, страница 156, и читаем: «Глупо спрашивать, может ли наркомфин, ещё притом одной области, отменять моё распоряжение. Если это распоряжение будет не исполнено, я отдам виновных под суд. Роту латышей оставьте пока в Пензе до подавления Чембар. Передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев. Я возмущён Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчётов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно.

Ленин

Написано 19 августа 1918 г. Послано в Пензу».

Итак, перед нами двойная фальсификация.

Во-первых, в «цитате» написано «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев», что означает не что иное, как террор в отношении целых социальных групп без разбору, в то время как на самом деле «передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг

беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев». То есть мы имеем дело не с призывом к массовому террору против всех подряд, а с подавлением конкретных вооружённых антисоветских элементов в годы Гражданской войны в конкретной местности, что вполне естественно и нормально для любого правительства, попавшего в подобную ситуацию. Про попов же у Ленина не сказано ни слова.

Во-вторых, надо пояснить, что речь идёт о подавлении левоэсеровского мятежа и примкнувших к ним кулаков в г. Чембере Пензенской губернии в августе 1918 года. Данные условия многое могут объяснить. Нет ни одного в мире правительства, которое бы не реагировало жёстко на мятеж.

Цитата 2: «Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» (там же, с. 179). В действительности же на странице 179 такой цитаты вообще нет. Но мы можем допустить, что авторы ошиблись и имели в виду страницу 178. Но и там ничего подобного нет! Единственная цитата, хоть как-то похожая на приведённую, – это телеграмма Троцкому, в которой было сказано: «уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживавших их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное». И здесь мы видим, что речь идёт о подавлении врагов советской власти в условиях Гражданской войны в совершенно конкретном месте и при совершенно конкретных условиях, а не призыве чинить массовый террор. Таким образом, вторая цитата бессовестно сфальсифицирована.

Цитата 3: «По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление...» (там же, с. 178.). И далее авторы от себя добавляют: «Ленин понимал преступный характер того, о чём настаивал, и заметал следы, приписав к телеграмме: «Секретно Шифром (оригинал мне вернуть) (Прислать мне копию шифра)». Приведём цитату в подлиннике: «Удивлён и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщённое мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дольше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце».

Итак, что мы видим?

Во-первых, сама ленинская цитата урезана. Получается так, что Ленин был таким кровопийцей, что не желал жалеть города и хотел всех беспощадно истребить. В то время как, посмотрев на высказывание в контексте событий и без сокращений, становится вполне очевидным, что шла боевая операция против белогвардейцев, что были затруднения с взятием Казани, и Владимир Ильич написал срочную телеграмму, в которой высказывал озабоченность возникшими трудностями и пожелание как можно скорее освободить город от противника.

Во-вторых, совершенно очевидно, что телеграммы такого уровня в таких условиях очень часто бывают секретными, и только наивный человек может усматривать причину этого в мотиве скрыть противозаконность приказа.

Наконец, в-третьих, совершенно очевидно, что Ленин действовал строго в рамках военной целесообразности, что полностью отвечало военным условиям. Было бы интересно узнать, какая армия в годы войны

(а тем более в годы гражданской войны) действует в строгом соответствии с законом? При том, что и сами-то законы были частью ещё не написаны, а частью уже не действительными.

Цитата 4: «После окончания Красного террора периода Гражданской войны политические репрессии в Советской России и в образованном в 1922 году СССР продолжились. В 1922 году в связи с разработкой первого Уголовного кодекса РСФСР В. И. Ленин писал наркому юстиции Курскому 17 мая 1922 года: «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (ПСС, т. 45, с. 190–191)».

Посмотрим же, что на самом деле писал Ленин Курскому:

«17.V.1922. т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, **его пределы** (*выделено нами*). Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого».

Обратите внимание, Ленин говорил о необходимости «выставить пределы террора»! То есть, Ленин выступал за то, чтобы террор не был плодом произвола судей и силовых структур, а был регламентирован по закону. Иными словами, Ленин выступал сторонником законности в применении террора! Говорить же об упразднении террора в тех условиях означало бы обманывать себя и народ, что Ленин не мог себе позволить.

Но что именно обозначал Ленин словом «террор»? А далее Ленин пояснял это: «Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признаёт равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному её свержению, путём ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу».

Как видно из этого ленинского варианта, опущенного антисоветчиками, речь идёт о параграфе, посвящённом контрреволюционным преступлениям. Иными словами, мы имеем дело с обычной функцией любого государства преследовать по закону деятельность по **насильственному** свержению власти, и среди мер наказания присутствует и обычная мера – высшая, но с оговоркой вполне гуманной: возможность смягчения – лишение свободы или и того мягче – высылка за границу.

Подобное цитирование сегодня очень распространено, и не хватило бы и отдельной книги, чтобы привести их все. Здесь они приведены лишь как иллюстрация инструментария фальсификаторов.

РЕЧЬ СТАЛИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Случ Сергей Зиновьевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Эта история началась 65 лет назад, поздней осенью 1939 года. Именно с этого времени и по сей день по публицистическим эссе и историческим работам в разных странах блуждает некий текст «речи Сталина», будто бы произнесённой им на якобы состоявшемся 19 августа 1939 года сверхсекретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В ней раскрывались потаённые мотивы решения Сталина заключить с Гитлером пакт о ненападении и его возможные последствия, связанные с этим надежды руководства СССР на использование предстоявшей войны между Германией и западными державами для революционизирования Европейского континента. Не прошли мимо этой речи некоторые крупные политики того времени и прежде всего сам Сталин. При этом У. Черчилль упомянул о ней в мемуарах буквально одной достаточно расплывчатой фразой, без каких-либо комментариев, а бывший премьер-министр Франции Э. Даладьё, коснувшись её содержания, заявил, что хотя и не может «удостоверить подлинность документа, содержащего текст «речи Сталина», но верит в его подлинность». Однако некоторые современные публицисты и историки лишены даже тени каких-либо сомнений, рассматривая эту «речь Сталина» в качестве ключевого документа по истории Второй мировой войны. «Любая попытка установить точную дату начала Второй мировой войны и время вступления СССР в неё неизбежно приводит нас к дате 19 августа 1939 года».

«19 августа 1939 года на внезапно созванном заседании Политбюро ЦК... в программной речи Сталин провозгласил, что теперь наступил момент поднести фитиль военного пожара также к пороховой бочке Европы». Как полагает американский историк Р. Раак, «эта ранее не публиковавшаяся речь является, несомненно, наиболее важным документом, извлечённым из советских архивов со времени их открытия...». Он, как утверждает российский историк В. Л. Дорошенко, «должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны». Именно так он и предстаёт в недавно вышедшей в Германии первой биографии Сталина, написанной профессором Гейдельбергского университета Х.-Д. Лева. Немецкий историк приводит обширные цитаты из этой «речи Сталина» с целью «раскрытия» намерений советского вождя, якобы рассматривавшего заключение пакта с Гитлером как необходимое условие

для последующего революционизирования всего Европейского континента в ходе Второй мировой войны.

Однако текст этой «речи Сталина», известный по крайней мере западным историкам со времени своей первой публикации, то есть с конца ноября 1939 года и до конца 1980-х годов, не только никогда не рассматривался в качестве ключевого документа советской внешней политики или тем более Второй мировой войны, но не был даже помещён в изданных на Западе сборниках документов о советской внешней политике. Нет его и в опубликованном Гарвардским университетом 14-м томе собрания сочинений Сталина. И это несмотря на то, что все эти издания увидели свет в период «холодной войны», когда откровения советского диктатора могли стать бесценной находкой как для советологов, так и для политиков».

Пытаясь ответить на этот и ряд других вопросов, связанных с «речью Сталина» 19 августа 1939 года, я прослеживаю основные этапы истории этого «документа»: в статье приводятся результаты, опубликованные его первым исследователем немецким историком Э. Йеккелем ещё в 1958 году, подробно рассматриваются обстоятельства нового всплеска интереса к «речи Сталина» в историографии с середины 1990-х годов и вплоть до самого последнего времени в связи с одной находкой в бывшем Особом архиве в Москве. Здесь также анализируются на основе ранее неизвестных документов из российских архивов содержание этого текста и мотивы как его появления, так и реанимирования.

I

28 ноября 1939 года информационное агентство «Гавас» распространило следующее сообщение:

«Агентство «Гавас» получило из Москвы (через Женеву) от источника, который оно рассматривает как достойный абсолютного доверия, следующие сведения о заседании Политбюро, проведённом по инициативе Сталина 19 августа в 10 часов вечера, вскоре после которого СССР подписал известное политическое соглашение с рейхом: вечером 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали также видные лидеры Коминтерна, но только те, кто входил в русскую секцию. Никто из зарубежных коммунистов, даже Димитров – генеральный секретарь Коминтерна, не был приглашён на это заседание, цель которого, не обозначенная в повестке дня, состояла в том, чтобы заслушать доклад Сталина».

Далее следовала запись его основных положений⁴:

«Мир или война.

Этот вопрос вступил в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займёт Советский Союз.

⁴ Места, где располагались появившиеся впоследствии дополнения в первоначально опубликованный текст, отмечены цифрами, обозначающими год, а в фигурных скобках – порядковый номер, указывающий на последовательность приведённых ниже дополнений.

Мы совершенно убеждены, что если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отказаться от Польши и искать *modus vivendi* с западными державами. Таким образом, войны удастся избежать, и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападёт на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным. (1941 {1}).

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы. (1941 {2}), (1942 {1})

Итак, наш выбор ясен: мы должны принять немецкое предложение, а английской и французской делегациям ответить вежливым отказом и отправить их домой.

Нетрудно предвидеть выгоду, которую мы извлечём, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь. В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до подступов Варшавы, включая украинскую Галицию.

Германия предоставит нам полную свободу действий в трёх прибалтийских странах. Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии. Она будет готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию.

Остаётся открытым вопрос о Югославии, решение которого зависит от позиции, которую займёт Италия. Если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя потребует, чтобы Югославия входила в зону её влияния, ведь именно через Югославию она получит доступ к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдёт вместе с Германией, то тогда она за счёт Италии получит выход к Адриатическому морю, и в этом случае Югославия перейдёт в нашу сферу влияния.

Всё это в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны. Однако мы должны предвидеть последствия как поражения, так и победы Германии. Рассмотрим вариант, связанный с поражением Германии. (1941 {3}) У Англии и Франции будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь.

Поэтому наша цель заключается в том, чтобы Германия как можно дольше смогла вести войну, чтобы уставшие и крайне изнурённые Англия и Франция были не в состоянии разгромить Германию.

Отсюда наша позиция: оставаясь нейтральными, мы помогаем Германии экономически, обеспечивая её сырьём и продовольствием; однако, само собой разумеется, что наша помощь не должна переходить определённых границ, чтобы не нанести ущерба нашей экономике и не ослабить мощь нашей армии.

В то же время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в странах англо-французского блока, и прежде всего

во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша (так в тексте. – С.С.) партия во время войны будет вынуждена прекратить легальную деятельность и перейти к нелегальной. Мы знаем, что подобная деятельность требует больших средств, но мы должны без колебаний пойти на эти жертвы. (1942 {2}) Если эта подготовительная работа будет тщательно проведена, тогда безопасность Германии будет обеспечена, и она сможет способствовать советизации Франции. (1941 {4}) Рассмотрим теперь вторую гипотезу, связанную с победой Германии.

Некоторые считают, что такая возможность представляла бы для нас наибольшую опасность. В этом утверждении есть доля правды, но было бы ошибкой полагать, что эта опасность настолько близка и велика, как некоторые себе это воображают.

Если Германия победит, она выйдет из войны слишком истощённой, чтобы воевать с нами в ближайшие десять лет. Её основной заботой будет наблюдение за побеждёнными Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать их подъёму.

С другой стороны, Германия-победительница будет обладать огромными колониями; их эксплуатация и приспособление к немецким порядкам также займут Германию в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что Германия будет слишком занята другим, чтобы повернуть против нас. (1941 {5}), (1942 {3})

Товарищи, – сказал в заключение Сталин, – я изложил вам свои соображения. Повторяю, что в ваших (так в тексте. – С.С.) интересах, чтобы война разразилась между рейхом и англо-французским блоком. Для нас очень важно, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы обе стороны истощили свои силы. Именно по этим причинам мы должны принять предложенный Германией пакт и способствовать тому, чтобы война, если таковая будет объявлена, продлилась как можно дольше. В то же время мы должны усилить экономическую работу в воюющих государствах, чтобы быть хорошо подготовленными к тому моменту, когда война завершится».

«Доклад Сталина, выслушанный с благоговейным вниманием, не вызвал никакой дискуссии. Было задано только два малозначительных вопроса, на которые Сталин ответил. Его предложение о согласии на заключение пакта о ненападении с рейхом было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с секретарём Димитровым под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом».

Распространённый агентством «Гавас» текст был опубликован 28 ноября во французской прессе. Несмотря на то, что в Германии он не публиковался, Берлин не остался безучастен к этой «сенсации». 29 ноября МИД направил посольству в Москве текст сообщения «Гавас» с просьбой информировать о реакции на него в официальных кругах СССР, а также обратить внимание Наркоминдела на желательность соответствующего отклика в советской прессе. Однако, ещё не будучи полученным в посольстве, вопрос был фактически снят: советская реакция на сообщение «Га-

вас» последовала уже 30 ноября на самом высоком уровне – в форме ответа Сталина на вопрос редактора газеты «Правда».

«О лживом сообщении агентства «Гавас»

Редактор «Правды» обратился к т. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства «Гавас» о «речи Сталина», якобы произнесённой им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны». Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства «Гавас», как и многие другие его сообщения, представляет враньё. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это враньё. Но как бы ни ввали господу из агентства «Гавас», они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны. Таковы факты. Что могут противопоставить этим фактам кафешантанские политики из агентства «Гавас»?»

Опубликованный текст, причём не только ответа, но и вопроса, несомненно составленный лично Сталиным, несёт на себе отпечаток большого раздражения его автора. Чем это объяснить? Почему Сталин пошёл на столь очевидное и, самое главное, публичное передёргивание ещё свежих фактов, заострив и на этот раз авторизовав основные положения не просто прогерманской, а фактически пронацистской статьи «Мир или война?». Есть серьёзные основания полагать, что у Сталина было как минимум два веских повода для подобного недипломатичного заявления, которые ни по существу, ни по форме не имели ничего или очень мало общего со стремлением убедить мировую общественность в отсутствии замыслов, содержащихся в приписываемом ему агентством «Гавас» выступлении. Сталин мог опасаться, что опубликованный текст способен нанести серьёзный ущерб советско-германским отношениям и особенно реализации достигнутых в августе-сентябре 1939 года договорённостей о разделе Восточной Европы. Не случайно комментарий Сталина был опубликован безотлагательно именно 30 ноября: в этот день СССР начал войну с Финляндией, в ходе которой Сталин был особенно заинтересован в максимально благожелательной позиции Берлина.

Ответ Сталина был выдержан в весьма типичной для его стиля полемической форме, а именно – «инкриминировать врагу свои собственные преступления, свою собственную тактику». Правда, в данном случае он обвинял западные державы в том, что совершила нацистская Германия, не забывая при этом и о необходимости выдать индульгенцию самому себе. Однако Сталин зря волновался, реакция Берлина была совершенно спо-

койной. Там были вполне удовлетворены опубликованным ответом Сталина, поместив его в немецких газетах под крупными заголовками. При этом в Берлине явно не придавали серьёзного значения этому событию, так как были заняты подготовкой западной кампании и начавшейся советско-финской войной. И. Геббельс, как правило, фиксировавший в то время в дневнике все выгодные для Германии высказывания советских лидеров и центральной советской прессы, на этот раз обошёл слова Сталина полным молчанием.

II

Более полутора лет никто не вспоминал о «речи Сталина». Однако 22 июня 1941 года всё изменилось, и уже 12 июля 1941 года бывший женеvский корреспондент «Гавас» Анри Рюффен публикует статью в газете «Journal de Geneve» под заголовком «Два документа». Одним из них был текст «речи Сталина» 19 августа 1939 года. Из публикации Рюффена следовало, что именно он 27 ноября 1939 года передал агентству «Гавас» полученный им из не афишируемого источника («secret professionnel») текст «речи Сталина». Причём представленный им в 1941 году вариант был дополнен несколькими новыми фразами.

1. «В результате [войны] Западная Европа подвергнется глубокому разрушению».

2. «Диктатура коммунистической партии возможна лишь в результате большой войны...»

3. «В случае поражения Германии, – сказал он, – неизбежно последует её советизация и создание коммунистического правительства».

4. «Но для этого необходимо, чтобы война продолжалась как можно дольше, и именно в этом направлении должны быть задействованы все наши средства».

5. «Если мы окажемся достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из развития событий, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить её в нашего союзника, равно как и все народы, попавшие под опеку Германии».

Дополнения, сделанные Рюффеном, носили как антисоветский, так и пронацистский характер, недвусмысленно намекая на спасительную миссию Германии как «защитницы» европейской цивилизации. И на этот раз нацистская пресса без промедления откликнулась на публикацию Рюффена, которая органично вписалась в начатую Геббельсом «крупную пропагандистскую кампанию против большевизма» под лозунгом: «Пелена спала: Москва без маски». В последующие дни в Германии появились статьи под крупными заголовками: «Война в Европе должна подготовить почву для мировой революции. Сенсационные французские документы о двойной игре Сталина». «Эта война должна длиться как можно дольше. Сенсационные разоблачения о подлой двойной игре Москвы».

Следующая версия текста «речи Сталина» появилась в книге французского профессора А. де Ла Праделя «Щупальца марксизма. Возникно-

вание, тактика и действия советской дипломатии 1920–1940», изданной на контролируемой режимом Виши территории. В одной из её глав «Признания Сталина» были помещены уже в основном известные «Документы Рюффена» с предисловием журналиста. Вместе с тем в версии 1942 года содержалось несколько новых дополнений к уже известным вариантам.

1. «Опыт последних двадцати лет ясно доказывает, что в мирное время в Европе не может быть коммунистического движения достаточно сильного, чтобы взять власть. Такое движение и, следовательно, сама (диктатура коммунистической партии) возможны лишь в результате большой войны. – См. дополнение 1941 {2}».

2. «Мы знаем, что эта деятельность требует больших средств, но мы должны пойти на эти жертвы без колебаний и поручить французским товарищам поставить в числе первоочередных задач подкуп полиции» (дополнение выделено курсивом).

3. «Но нужно быть готовым и к другому: в побеждённой Франции неизбежно произойдёт коммунистическая революция. Если мы будем достаточно ловкими, чтобы извлечь выгоду из этого обстоятельства, мы сможем прийти на помощь коммунистической Франции и превратить её в нашего союзника. Нашими союзниками станут также все те народы, которые оказались под опекой (см. дополнение 1941 {5}) Германии-победительницы, и перед нами, таким образом, откроется широкое поле деятельности».

Содержание дополнений 1942 года свидетельствует о всё большем смещении акцентов в «речи Сталина» на взаимодействие СССР и французских коммунистов в советизации Франции и остальной Европы. И это не случайно. Неизвестно, в каком именно месяце 1942 года увидела свет книга де Ла Праделя, но в любом случае его книга в целом и публикация «речи Сталина» с дополнениями Рюффена – это реакция на изменения на фронтах Второй мировой войны и активизацию движения Сопротивления во Франции, в котором значительную роль играли коммунисты, то есть реакция на проблемы, вызывавшие озабоченность вишистского режима.

В предисловии Рюффена приводились и некоторые подробности того, как он оказался обладателем информации, распространённой агентством «Гавас». На протяжении трёх недель, то есть с начала ноября 1939 года, среди журналистов и политиков курсировали слухи о совершенно секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), принявшем исключительно важное решение, касающееся войны. Эти слухи обретали различную форму, наполняясь деталями, например, о том, в какой мере от Сталина зависит будущее Европы, но при этом всё оставалось только на уровне слухов. Рюффен предпринял попытки получить более точную информацию, но они оказались безрезультатными. И вдруг представилась возможность войти в контакт с высокопоставленным лицом, чья информированность не вызывала сомнений. Это лицо и предоставило все необходимые сведения, которые Рюффен записал как можно точнее.

Прошло ещё два года, и в издававшемся в Виши журнале «La Revue universelle» Рюффен публикует статью «План Сталина (ноябрь 1939 года)»,

где вновь приводится «речь Сталина», но на этот раз в варианте почти идентичном тому, что был опубликован в книге де Ла Праделя. Однако при этом сама история появления «речи Сталина» выглядела иначе, чем в этой книге. Согласно этой версии, ничего не подозревавший Рюффен находился 27 ноября 1939 года в женевском бюро агентства «Гавас», когда неожиданно появился посетитель, доверивший ему документ. После тщательного анализа, не оставившего никаких сомнений в подлинности документа, Рюффен в тот же вечер передал его в Париж.

На этой публикации Рюффена 1944 года завершается «военная история» «речи Сталина». Йеккель проследил все этапы трансформации её текста и даже вступил с Рюффеном в переписку во второй половине 1950 годов. Рюффен подтвердил, что именно он был посредником в передаче текста «речи Сталина» агентству «Гавас». Однако уже на второе письмо, в котором содержались конкретные вопросы, касающиеся расхождений между двумя опубликованными лично Рюффеном текстами и вариантом, помещённым в книге де Ла Праделя, он не ответил. И, по-видимому, не случайно. Йеккель установил, что Рюффен придерживался ярко выраженных антикоммунистических взглядов, отразившихся в написанной им ещё в середине 1920-х годов книге «Грядёт ли опять война?» и получивших дальнейшее развитие в более поздних статьях периода войны. Это во многом объясняет, почему именно Рюффен оказался причастен к публикации «речи Сталина» и её вариантов. Трудно сказать, был ли Рюффен автором или соавтором приписываемого Сталину текста, но определённо он мог знать немало о его происхождении. Поэтому ему было что скрывать даже во второй половине 1950-х годов.

На основании тщательного исследования Йеккель пришёл к выводу, что «документ» вызывает серьёзные сомнения как с точки зрения его происхождения, так и по содержанию, местами совершенно немыслимому. «Всего этого было бы достаточно, чтобы так называемую речь Сталина исключить из использования в научной литературе, если и не как доказуемо фальшивую, то, во всяком случае, как в высшей степени сомнительную». При этом «речь» не содержала никакой новой информации (за исключением явно абсурдных положений), которая не была бы известна в ноябре 1939 года любому наблюдателю. Поэтому, резюмировал Йеккель, эта «речь» могла бы вполне представлять собой «фиктивно-пророческий» набросок «специалиста по большевизму». Появление столь содержательной статьи не могло не повлиять на отношение к этому «документу» западных историков, в подавляющем большинстве принявших аргументацию Йеккеля.

Судьба «речи Сталина» 19 августа 1939 года на этом не закончилась – время от времени её вспоминали и даже цитировали преимущественно праворадикальные авторы на Западе, хотя и не акцентировали на ней внимание. Так, наверное, и остались бы в историографии текст «речи Сталина», распространённый агентством «Гавас» в конце ноября 1939 года, и почти таинственная история его различных публикаций неким полузабытым эпизодом политической интриги, но наступили другие времена.

III

В ходе начавшейся в СССР во второй половине 1980-х годов перестройки постепенно появились возможности для научного исследования советской внешней политики на базе ранее совершенно недоступных архивных документов. Этот процесс идёт сложно, порой болезненно, с неизбежными рецидивами, связанными со стремлением определённой группы российских историков при помощи селективного подбора архивных документов оправдать действия Сталина, якобы руководствовавшегося исключительно национально-государственными интересами. С другой стороны, некоторые историки, исходя из бесспорного постулата, что во главе установленного большевиками в СССР тоталитарного режима стоял один из крупнейших преступников XX века, полагают, что нет таких отягчающих фактов и документов, которые нельзя было бы инкриминировать Сталину, а поэтому тщательная проверка и перепроверка каждого очередного факта и документа на предмет их соответствия исторической истине не обязательна, и действуют по принципу: чем больше обвинений, тем лучше. Однако подобный подход, сочетающий в себе агрессивность и не менее очевидный непрофессионализм, чреват серьёзными издержками: каждое приписываемое Сталину деяние, не находящее подтверждения, неизбежно вызывает цепную реакцию псевдоопровержений, ставя под сомнение уже доказанные факты и вооружая вновь активизировавшихся неосталинистов новыми аргументами по реабилитации преступного режима и его вождя.

Всё сказанное имеет самое непосредственное отношение и к истории с «речью Сталина» 19 августа 1939 года. Реанимации интереса к ней предшествовали некоторые события на околоисторическом фронте. В 1985 году в Англии появилась статья перешедшего на Запад офицера ГРУ, скрывшегося под псевдонимом В. Суворов. Автор обосновывал тезис о намерении Сталина летом 1941 года напасть на Германию. Опубликованная в журнале британского Института оборонных исследований, она скорее всего привлекла бы внимание лишь специалистов как ещё одна, причём не новая, интерпретация событий 1941 года, если бы не реклама, сделанная взглядам В. Суворова в «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Тем самым фактически было положено начало новому «спору историков», на этот раз по поводу тезиса о «превентивной войне» 1941 года, не законченному и по сей день.

Ещё до того как центр этой дискуссии в начале 1990-х годов сместился в Россию, В. Суворов выпустил в 1989 году первую эпатазирующую книгу «Ледокол», которая, будучи наполнена произвольно отобранными фактами и вырванными из контекста цитатами, ставила своей задачей обоснование тезиса о якобы готовящемся Сталиным нападении на Германию в 1941 году. При всём нагромождении фактов, представленных в «Ледоколе», в книге ощущался явный дефицит «программно-теоретического» обоснования заинтересованности Сталина во Второй мировой войне как возможности реализовать свои экспансионистские замыслы и осуществить советизацию Европы. Поскольку Суворов располагал не сообщением

агентства «Гавас», а лишь реакцией Сталина на него, то его писательская фантазия концентрируется на заседании Политбюро 19 августа 1939 года, где было «принято бесповоротное решение осуществить... план «освобождения Европы», означавшее не что иное, как «точную дату начала Второй мировой войны и время вступления СССР в неё»...».

В начале 1994 года Суворов выпустил книгу «День М», где развивал тезис о том, что Сталин начал Вторую мировую войну 19 августа 1939 года. По мнению Суворова, именно в этот день «Сталин принял решения, которые повернули мировую историю». При этом он обрушивает свой полемический раж на тех, кто принижал значение этого дня в мировой истории, доказывая, что «в этот день никаких решений не принималось, и вообще заседания Политбюро 19 августа 1939 года вовсе не было». Для доказательства обратного В. Суворов ссылается на статью Д. А. Волкогонова, признавшего, что он сам якобы держал в руках протоколы того самого заседания. В действительности же Волкогонов писал: «В. Суворов настойчиво подчёркивает особое значение даты 19 августа 1939 года, когда, по его мнению, было принято решение о нападении на Германию. Разочарую автора: действительно, 19 августа заседание Политбюро состоялось, но военный вопрос стоял лишь такой: «Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск – Карталы (по телеграмме Скворцова)». И всё. Никакого упоминания о плане «Гроза» и т. д.»

Из статьи Волкогонова видно, что он «держал в руках» не протокол заседания Политбюро от 19 августа 1939 года, а решение Политбюро от 19 августа 1939 года. В конце 1930-х годов количество вопросов, по которым Политбюро принимало решения, постоянно возрастало, но при этом число зафиксированных в протоколах заседаний Политбюро неизменно сокращалось (в 1937 году – 7 заседаний, в 1938 году – 5). В 1939 году Политбюро приняло решения по 2855 вопросам, тогда как в течение года было проведено только два заседания Политбюро, оформленные именно как его заседания соответствующими протоколами, – 29 января и 17 декабря.

Абсолютное большинство решений готовилось Оргбюро и Секретариатом ЦК и принималось путём опроса членов Политбюро либо на совещаниях в узком кругу в кабинете Сталина. Именно на встречах руководящей «пятерки» в Кремле или в неофициальной обстановке, в полном или неполном составе принимались важнейшие решения, которые затем могли оформляться, но могли и не оформляться в качестве решений Политбюро. Таким образом, очевидно, что Волкогонов допустил ошибку, отождествив наличие решения Политбюро от 19 августа 1939 года по одному вопросу с фактом проведения в этот день заседания Политбюро. Конечно, в этот день Сталин принимал самые различные решения (например, о визите рейхсминистра И. Риббентропа в Москву), отдавал письменные и устные указания, встречался в Кремле с узким кругом лиц, с ними в основном обсуждал вопросы, связанные с советско-германскими отношениями, мог он продолжать обсуждение этих и других вопросов и вечером на даче. Единственное, чего Сталин не делал 19 августа 1939 года, – не выступал с речью на расширенном заседании Политбюро. Его в тот день просто не было. Исследователям не извест-

ны документы, в том числе и из архивного фонда Сталина, или чьи-либо свидетельства, которые могли бы подтвердить информацию агентства «Гавас» о заседании Политбюро 19 августа 1939 года.

IV

Новый этап в развитии спекуляций вокруг «речи Сталина» начался в середине 1990-х годов после того, как российский историк Т. С. Бушуева в рецензии на книги В. Суворова, опубликованной в журнале «Новый мир», поделилась результатами своих архивных находок. Вот как она их представляет: «В секретных трофейных фондах Особого архива СССР удалось обнаружить сведения о том, что 19 августа 1939 года, то есть за четыре дня до подписания советско-германского договора о ненападении (пакта Молотова – Риббентропа), Сталин срочно созвал Политбюро и руководство Коминтерна. На этом заседании он выступил с речью, текст которой у нас никогда не публиковался». Далее Бушуева приводит текст «выступления Сталина» в переводе с французского, в основном уже знакомый по сообщению агентства «Гавас» и дополнениям к нему, опубликованным в 1941–1944 годах. Вместе с тем в нём имелись и кое-какие отличия (некоторые пассажи были опущены, другие добавлены)⁵.

«Вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. [Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займёт Советский Союз.] Если мы заключим договор о взаимопомощи (о союзе) с Францией и Великобританией (Англией), Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР.

Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападёт на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. /1941 {1}/. Западная Европа будет подвергнута серьёзным волнениям и беспорядкам (серьёзным беспорядкам). В этих условиях (При таких обстоятельствах) у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну (мы сможем с выгодой для себя ждать, когда наступит наша очередь вступить в войну). [Именно это отвечает нашим интересам.] /1941 {2} /, /1942 {1} /.

Опыт двадцати последних лет показывает (доказывает), что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени (достаточно сильное для того), чтобы большевистская партия смогла бы (смогла) захватить власть. Диктатура этой партии

⁵ В круглых скобках приводится уточнённый перевод; в квадратных – текст, несущий смысловую нагрузку, который был опущен или изменён в сопоставлении с сообщением агентства «Гавас» от 28 ноября 1939 года; места, содержащие опубликованные в последующие годы дополнения в текст, распространённый агентством «Гавас», отмечены цифрами в косых скобках; новый текст выделен полужирным.

становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор (Наш выбор сделан), и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. [Нетрудно распознать выгоду, которую мы извлечём, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция в состоянии будут прийти ей на помощь.] **Первым преимуществом, которое мы извлечём, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию.**

Германия предоставляет нам полную свободу действий в [трёх] Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остаётся открытым вопрос, связанный с Югославией (в отношении Югославии)⁶.

В то же время (Однако) мы должны предвидеть последствия (возможности), которые будут вытекать как из поражения, так и из победы (появятся как в результате поражения, так и в результате победы) Германии. /1941 {3}/. В случае её поражения неизбежно произойдёт советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. **Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием (следствием) поражения Германии в скоротечной войне.** Англия и Франция будут ещё достаточно сильны, чтобы захватить (занять) Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии (а мы из-за нехватки времени будем не в состоянии) прийти на помощь нашим большевистским товарищам (товарищам-большевикам) в Германии.

Таким образом, наша задача (цель) заключается в том, чтобы Германия смогла вести (вела) войну как можно дольше, с целью (с тем), чтобы уставшие и до такой степени изнурённые (уставшие до крайности) Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжая её сырьём и продовольственными товарами. Но, само собой разумеется, наша помощь не должна превышать определённых размеров для того, чтобы не подрывать нашу экономику и не ослаблять мощь нашей армии.

В то же самое время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в англо-французском блоке и преимущественно во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране в военное время [наша] партия будет вынуждена отказаться от легальной деятель-

⁶ В оригинале уточнения нет, а следует текст, опущенный Бушуевой: «решение которого зависит от позиции, которую займёт Италия; если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя потребует от неё, чтобы Югославия относилась к зоне её влияния; [и сверх того от Югославии – получения доступа к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдёт вместе с Германией, тогда Германия обеспечит себе выход к Адриатическому морю за счёт Италии. При этом Югославия была бы отнесена к нашей зоне влияния, по крайней мере, в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны] это в том случае, если Германия и Италия выйдут победителями из войны».

ности и уйти в подполье. /1942 {2}/. Мы знаем, что эта работа потребует многих (много) [средств] жертв, но [мы должны без колебаний принять на себя эти жертвы] наши французские товарищи не будут сомневаться (будут непоколебимы). Их задачами в первую очередь будут разложение и деморализация армии и полиции. Если эта подготовительная работа будет выполнена в надлежащей форме, безопасность советской Германии будет обеспечена, а это будет (и Германия сможет даже) способствовать советизации Франции. /1941{4}/. Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону (на это) должны быть направлены все силы (средства), которыми мы располагаем **в Западной Европе и на Балканах.**

Рассмотрим теперь второе предположение, то есть победу Германии. Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьёзную (самую большую) опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые её представляют. Если Германия одержит победу, она выйдет из войны слишком истощённой, чтобы начать вооружённый конфликт с СССР по крайней мере в течение десяти лет. Её основной заботой будет наблюдение за побеждёнными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. С другой стороны, победоносная Германия будет располагать огромными территориями, и в течение многих десятилетий она будет занята «их эксплуатацией» и установлением там германских порядков (их эксплуатацией и приспособлением к немецким порядкам). Очевидно, что Германия будет очень (слишком) занята в другом месте, чтобы повернуться против нас. /1941 {5}/, /1942 {3}/. Есть и ещё одна вещь, которая послужит нашей безопасности. В побеждённой Франции ФКП (коммунистическая партия) всегда будет очень сильной. Коммунистическая революция неизбежно произойдёт, и мы сможем использовать это обстоятельство для того, чтобы прийти на помощь Франции (коммунистической Франции) и сделать её нашим союзником. Позже все народы, попавшие под «защиту» победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции.

Товарищи! В интересах СССР – Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать всё (и это является решающим для нас), чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух (обеих) сторон. Именно по этой причине (По этим причинам) мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды (если она будет объявлена), продлилась максимальное количество времени. Надо будет усилить пропагандистскую работу в воюющих странах для того, чтобы быть готовыми к тому времени, когда война закончится...».

Бушуева завершает публикацию «документа» выводом: «Приведённый текст речи Сталина воспроизводится на основе её французской копии, сделанной, вероятно, кем-то из Коминтерна, присутствовавшим на Политбюро. Конечно, необходимо сравнить этот вариант с подлинником. Однако

сделать это невозможно, так как он в архиве за семью печатями и в ближайшее время вряд ли станут обнародовать факсимиле этого безусловно исторического документа, столь откровенно обнажившего агрессивность политики СССР. Эта речь Сталина легла в основу позиции советской стороны при подписании ею секретных протоколов с фашистской Германией о разделе Европы».

Заметим, что Бушуева представила не исследование с анализом и критикой источника, а всего лишь рецензию-панегирик на книги писателя Суворова «Ледокол» и «День М», в которой пыталась подкрепить один из его центральных тезисов – «Точный день, когда Сталин начал Вторую мировую войну, это 19 августа 1939 года». С этой целью она и включила в рецензию обнаруженный в бывшем Особом архиве один из вариантов текста «речи Сталина» 19 августа 1939 года, опустив при публикации для придания ей большей достоверности некоторые сомнительные места из найденного материала.

В чём же отличие опубликованного Бушуевой текста «речи Сталина» от уже рассмотренных нами вариантов? Как видно из проведённых сопоставлений, документ из бывшего Особого архива в Москве содержит с некоторыми сокращениями и дополнениями все основные положения текста «речи Сталина», опубликованной с 1939 по 1944 год. Поэтому можно предположить, что речь идёт о различных вариантах одного и того же текста, подвергавшегося редактированию под влиянием политической конъюнктуры во Франции, обусловленной в свою очередь развитием международной обстановки. Каковы основания для подобного рода предположения?

Этот документ находился в фонде 2-го бюро Генштаба французской армии, в деле, содержащем материалы за период с 1918 по 1940 год о различных аспектах деятельности ФКП, её связях с компартией Германии, а также о полицейских мерах по борьбе с коммунистическим движением. Текст «речи Сталина» предварял официальный бланк Государственного секретариата по военным делам правительства Виши, на котором было зафиксировано рукописное распоряжение: «Документ из надёжного источника о коммунизме. Использовать, принимая во внимание указания, которые должны быть даны офицерам М. А. Директивы представить нам».

Что даёт нам эта резолюция? Во-первых, соотнесение документа с местом и временем его активного использования службой разведки и контрразведки при правительстве Виши. Во-вторых, хотя сама резолюция не датирована, но на следующей странице, где после преамбулы начинается текст «речи Сталина», сверху от руки проставлена дата: 23–12–40. Учитывая содержание текста «речи Сталина», особенно в сравнении с версиями, увидевшими свет позднее, можно сделать вывод, что как публикации Рюфена 1941 и 1944 годов, так и текст «речи Сталина», помещённый в книге де Ла Праделя, были так или иначе инициированы и в соответствии с меняющейся обстановкой модифицированы секретной службой Петена.

Тексту «речи Сталина» была предпослана преамбула, опущенная Бушуевой при публикации: «Почему СССР подписал договор с рейхом? Этим вопросом задаются ещё многие французские коммунисты. Здесь изложены мотивы, по которым правительство СССР 19 августа вынуждено

было подписать известные политические и экономические соглашения с рейхом. 19 августа в 10 часов вечера Сталин созвал Политбюро и виднейших лидеров Коминтерна. Сталин заявил: ...».

Данная преамбула содержит существенные отличия от текста, распространённого агентством «Гавас» 28 ноября 1939 года. С одной стороны, здесь нет ни слова о самом агентстве и надёжности источника, от которого был получен текст; не упоминаются также некоторые детали, связанные с «заседанием Политбюро 19 августа»: степень секретности, обусловившая присутствие на нём деятелей Коминтерна, входивших только в его «русскую секцию»; срочность созыва заседания и т. п. С другой стороны, преамбула более определённо указывает на конкретное адресата документа – французских коммунистов. Эта адресность уже присутствовала в первоначальном варианте «речи Сталина», но на ней ещё не акцентировалось столь значительное внимание.

Заключительная часть документа из бывшего Особого архива по сравнению с концовкой, опубликованной в конце ноября 1939 года (см. выше), несколько видоизменена и выглядит следующим образом: «Предложение было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение: поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с товарищем Дмитриевым разработать инструкции для зарубежных компартий. Товарищи, верьте товарищу Сталину, вождю мировой революции. Будьте уверены, большевистско-социалистическая революция восторжествует, несмотря на все препятствия. Работайте смело под его руководством. Да здравствует Коммунистический Интернационал...»

Последний абзац документа, по-видимому, должен был передать атмосферу происходившего, якобы «типичную» для заседаний Политбюро. Скорее всего он был заимствован из стенограммы XVIII съезда ВКП(б) или торжественного собрания, посвящённого какой-либо революционной годовщине.

Текст «речи Сталина» в «Новом мире», «упрятанный» в рецензию, вряд ли привлёк бы большое внимание, особенно западных историков, но спустя всего лишь несколько месяцев о нём в специальном докладе говорил Дорошенко на научном семинаре в Новосибирске, в котором выдвигалась версия происхождения этого текста, не уступающая «нефантастическим» произведениям писателя Суворова. По утверждению Дорошенко, он «был сделан, вероятнее всего, по распоряжению Сталина с лакунами государственных секретов и передан по его же распоряжению как для исполнения руководству ФКП, так и агентству «Гавас» для разгрома ФКП французским правительством, что вполне в духе Сталина». Неизбежно возникает вопрос: зачем это нужно было Сталину? Дорошенко предлагает на него следующий ответ: «С помощью публикации этого текста достигалась задача дезорганизации самого крупного сухопутного врага гитлеровской Германии – Франции, а именно путём компрометации компартии Франции. И эта цель была достигнута – французская компартия в тот период была запрещена как пособник врага...».

Эти рассуждения представляют собой очевидный нонсенс, даже если абстрагироваться от «интерпретации» замыслов Сталина. Французское

правительство начало проводить политику ограничения деятельности ФКП сразу же после одобрения ею советско-германского пакта. 26 августа были запрещены центральные газеты компартии – «Юманите» и «Се суар», а спустя ровно месяц, 26 сентября, было принято решение о запрещении ФКП и связанных с ней организаций без какой-либо юридической мотивировки. Согласно изданному декрету, запрещалась «всякая деятельность, прямо или косвенно имеющая целью распространение лозунгов, исходящих или зависящих от Третьего Коммунистического Интернационала или от организаций, фактически контролируемых этим Третьим Интернационалом». И всё это произошло за 2 месяца до распространения агентством «Гавас» текста «речи Сталина».

Дорошенко стремится также подвести некую теоретическую базу под политические и стратегические «ошибки Сталина», которые «отразились в данном тексте и, более того, сформировали сам текст в соответствии с тогдашними взглядами Сталина». Он представляет их в виде агрессивности сталинской политики и его стремления к революционизированию Европы, говорит о политической недалёковидности Сталина (вместо того чтобы, помогая западным державам, затянуть войну, он делает всё наоборот). Рассуждая о «десятилетиях» мирной жизни для СССР, Сталин сосредоточил слишком крупные силы на границе с Германией, что не позволило Гитлеру демобилизовать вермахт после завершения западной кампании «перед лицом, вероятно, не столько продолжающейся войны с Англией, сколько перед лицом Красной Армии». Так, «речь Сталина» в построениях Дорошенко непосредственно смыкается с тезисом о «превентивной войне» Германии против СССР в 1941 году, выступая в качестве его программно-теоретического обоснования.

Источниковедческо-археографический анализ предполагает в качестве *conditio sine qua non* критику источника с использованием всего находящегося в распоряжении науки материала, а не обрывочных сведений, способных скорее запутать, чем прояснить вопрос. Критика источника исключает априорное суждение о нём, требуя не только строго документированных выводов, но и обоснованных предположений; она допускает полемические суждения при условии их аргументированности и корректности. К сожалению, этим требованиям «анализ» Дорошенко не удовлетворяет.

Публицистический доклад Дорошенко, опубликованный в малотиражном сборнике в Новосибирске, не мог иметь большого резонанса, но в том же году он был перепечатан в сборнике РГГУ в Москве. Во вступительной статье Ю. Н. Афанасьева подчёркивалось, что «из конкретных событий предвоенных лет в первую очередь следует обратить внимание на текст речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 года, содержание которой не оставляет сомнений относительно агрессивных намерений советского руководства и прямого его участия в развязывании Второй мировой войны». Приведя из неё пространные цитаты, Афанасьев резюмирует: «Достоверность речи подтверждается не только источниковедческим анализом, но и, что особенно важно, многими важнейшими фактами и событиями предвоенных лет, а также всем послевоенным мироустройством». Факты, правда, не приводятся, аргументация тем более,

но это и не так важно. Главное – как «речь Сталина», так и её «источниковедческий анализ», сделанный Дорошенко, получили «добро» на столь авторитетном, правда, не столько научном, сколько на овейном прежней оппозиционностью уровне.

Конечно, не «анализ» Дорошенко, а реклама, которую он и те, кто поддержал его, сделали «речи Сталина», вызвала определённый резонанс на Западе.

В консервативной «Die Welt» появилась статья под броским заголовком «Сталинская стратегия войны и мира», где подробно излагалось содержание «речи Сталина», якобы «найденной теперь в секретных советских архивах, которая по-новому освещает историю Второй мировой войны».

Через полтора месяца та же «Die Welt» публикует ответ на эту публикацию израильского историка Г. Городецкого под ещё более хлётким заголовком «Секретная речь Сталина парижского происхождения». Трудно представить более неудачный вариант «опровержения» «речи Сталина», чем это получилось у Городецкого. Утверждая, что «французская секретная служба сфальсифицировала выступление, чтобы способствовать принятию решительных мер против Советского Союза», он не привёл ни одного сколько-нибудь серьёзного доказательства в пользу этой версии. Неизвестно откуда появилась и дата фальсификации – 23 декабря 1939 года (?), не выдерживающая никакой критики, поскольку изложение «речи Сталина» было распространено агентством «Гавас» ещё 28 ноября 1939 года. Статья Городецкого изобиловала фактическими неточностями и очевидной ангажированностью, выразившейся в стремлении представить Сталина в роли последовательного поборника политики коллективной безопасности, чем не замедлили воспользоваться его оппоненты, оценившие публикацию Бушуевой как важное научное открытие.

Появились и попытки использовать такие «открытия» в целях, далёких от исторической науки. Бывший председатель ультраправой Национал-демократической партии Германии А. фон Тадден, обрушившись на западную историографию, которая в основном не разделяет тезис о «превентивной войне» Германии против СССР, решил противопоставить ей российскую. Он заявил: «В то время как речь Сталина 19 августа 1939 года была охарактеризована «западной историографией» как дешёвая антикоммунистическая фальшивка и отброшена, российские историки, напротив, с помощью средств, которые находились в их распоряжении, постарались прояснить ситуацию». По его мнению, новосибирские историки «положили начало обширному исследованию всей предыстории Второй мировой войны».

Фон Тадден приводит наиболее «яркие» места из статьи Дорошенко, которые должны убедить читателя, что главный виновник Второй мировой войны был вовсе не Гитлер, а Сталин. В книге «Ловушка Сталина» он делает следующий вывод: «Если в 1995 году появляется речь Сталина, в которой тот 19 августа 1939 года характеризует разразившуюся спустя четырнадцать дней войну как отвечающую интересам Советского Союза и поэтому желательную, тогда рухнет также [первая] опора единоличной

ответственности Германии за войну. Второй опорой является утверждение о коварном и преступном нападении на ничего не подозревающий и миролюбивый сталинский Советский Союз. Если теперь, – прогнозировал фон Тадден, – российскими историками будет подтверждено соответствующими документами, что германское нападение 22 июня 1941 года только на несколько недель опередило нападение Красной Армии, тогда рухнет вторая опора».

Для некоторых западных историков и публицистов «речь Сталина» стала своего рода «рычагом», используя который, они предпринимают попытки подвергнуть пересмотру всю предысторию Второй мировой войны.

Так, в книге В. Штрауса «Операция «Барбаросса» и спор российских историков» одна из глав названа «Вторая мировая война началась 19 августа 1939 года». Представляя российских сторонников подлинности текста «речи Сталина» (новосибирских историков В. Л. Дорошенко, И. В. Павлову) в качестве «ревизионистов», Штраус не анализирует опубликованные ими доклады, а использует их только для подтверждения своих взглядов на предысторию Второй мировой войны, главным виновником возникновения которой, её поджигателем он, как и Дорошенко, считает Сталина. Рассматривая российскую публикацию «речи Сталина» как имеющую «всемирно историческое значение», Штраус считает её «новым фундаментальным достижением российского ревизионизма», знаменующим «поворотный пункт в области фундаментальных исследований» всей Второй мировой войны.

Штраус полагает, что «своим впечатляющим успехом российские ревизионисты обязаны также немецким историкам, например И. Хоффману. Его ревизионистские тезисы подробно представлены историком Павловой». В книге Хоффмана «Война Сталина на уничтожение 1941–1945 годов» затрагивается вопрос об «эпохальной речи Сталина», подлинность которой у автора не вызывает сомнений не только потому, что она была «обстоятельно проанализирована и прокомментирована» в ходе конференции в Новосибирске, а прежде всего из-за болезненной реакции Сталина на распространение текста этой речи агентством «Гавас».

Хоффман считает – и не без оснований – австрийского философа Э. Топича своим единомышленником, вместе с которым, а также с писателем В. Суворовым, они в 1980-е годы якобы совершили «научный прорыв» в раскрытии агрессивных замыслов Сталина. Но в оценке «речи Сталина» их взгляды несколько разошлись. Хотя Топич и утверждает, что содержащиеся в ней взгляды Сталина находят подтверждение в других документах, но тем не менее приходит к выводу, что текст «речи Сталина», распространённый агентством «Гавас», «является спорным и не обладает собственной доказательностью».

Напротив, для австрийского историка Х. Магенхаймера, исследовавшего советскую внешнюю политику того времени, всё свелось только к повторению известных аргументов апологетов текста «речи Сталина». В последних работах он вновь возвращается к этому вопросу, особо подчёркивая, что «российские историки никоим образом не сомневаются» в аутентичности «этого ключевого документа», в котором «с сегодняшней

точки зрения Сталин даёт довольно обоснованную оценку положения».

В западной историографии имеет место и некая амбивалентность оценок этой «речи Сталина», выразившаяся, в частности, в признании за данным «документом» своего рода «полуофициального» статуса: с одной стороны, констатация затруднительности «установления его аутентичности» и допущение, что «документ был частично подделан и возможно даже составлен задним числом», а с другой – отсутствие сомнений «в точности французского сообщения», отражавшего «в убедительных выражениях стратегию Сталина в период после заключения пакта», частично совпадающую «с записями в дневнике Димитрова от 7 сентября». Последнее даже даю профессору С. Понсу (Институт Грамши) основание для предположения, что «текст «речи» Сталина был другим вариантом этих записей».

В западной историографии фактически не было серьёзной реакции на всплеск спекуляций 1990-х годов вокруг «речи Сталина», за исключением, пожалуй, лишь статей профессора Бохумского университета Б. Бонвеча. Вступив в полемику с В. Суворовым сразу же после появления «Ледокола», Бонвеч не прошёл мимо вопроса и о месте 19 августа 1939 года в оценке внешней политики СССР, подтвердив вывод Йеккеля, аргументы которого он назвал «очень убедительными», что текст якобы произнесённой хозяином Кремля речи не может рассматриваться «как доказательство намерений Сталина». Спустя почти 10 лет Бонвеч более подробно остановился на этом сюжете, учитывая резонанс, вызванный находкой в московском архиве. По его мнению, «комментарий», сопровождающий публикацию Бушуевой в «Новом мире», статья Дорошенко, а также неоднократная перепечатка текста «речи Сталина» есть не что иное, как «бесцеремонное использование вероятнее всего фальшивого документа для подтверждения тезиса о преднамеренном провоцировании Сталиным мировой войны в целях создания возможности Советскому Союзу выступить на европейской арене в качестве «третьего радующегося» и экспортировать социалистическую систему».

Подобного рода методы работы вызвали у Бонвеча нескрываемое сожаление ещё и потому, что российские историки, как он полагает, в наше время должны знать о Сталине, процедуре принятия решений на Политбюро и т. п. значительно больше по сравнению с тем, что мог знать Йеккель, публикуя в конце 1950-х годов результаты своего исследования. Свою оценку ситуации в российской историографии Бонвеч резюмирует так: «Реакция на длившееся десятилетиями преднамеренное преуменьшение опасности советской политики не должна приводить к некритичному обращению с источниками, которые создают впечатление о доказательстве противоположного», тем более что доступны другие документы, проливающие свет на советскую внешнюю политику, подлинность которых у исследователей не вызывает сомнений.

В российской историографии не было дискуссий вокруг «речи Сталина» 19 августа 1939 года, хоть каким-то образом сопоставимых с тем, что имело место по поводу его выступления перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года, не говоря уже о накале страстей в ходе российского «спора историков» о намерениях и планах Сталина весной 1941 года.

Тем не менее «речь Сталина» оказалась востребована. Некоторые историки не только безоговорочно взяли на вооружение её текст, как не вызывающий никаких сомнений, но и выдвинули вполне в духе того времени («кругом враги») версии его происхождения, якобы связанные с «предательством в Кремле» и с активностью британской резидентуры в Москве, организовавшей совместно с французской разведкой передачу полученной информации в агентство «Гавас».

Текст «речи Сталина», опубликованный Бушуевой, очень импонировал ряду радикально настроенных историков («настоящей сенсацией» назвал его Д. Г. Наджафов), подкрепляя их собственную трактовку советской внешней политики как направленной на революционизирование Европейского континента. Поэтому они цитируют из «речи» некоторые особенно «лакомые» кусочки, не утруждая себя даже анализом текста. Одни историки занимают осторожную позицию в отношении этого «выступления Сталина», однако и они считают возможным его цитировать. Другие более откровенны, хотя их точка зрения не отличается логикой: поскольку документы, «освещающие настроения в Кремле накануне заключения пакта о ненападении с Германией», всё ещё недоступны для исследователей, полагает М. И. Мельгухов, «тем большее значение приобретает публикация Бушуевой французской записи речи Сталина перед членами Политбюро 19 августа 1939 года», чьё «содержание корреспондирует с другими недавно рассекреченными советскими документами этого периода», и это «позволяет использовать эту публикацию».

Ряд историков апеллирует и к конкретному документу, якобы полностью подтверждающему аутентичность текста «речи Сталина», – к записи в дневнике Г. Димитрова о встрече со Сталиным 7 сентября 1939 года. Однако при этом упускают из виду или игнорируют всё то, что предшествовало приглашению Сталиным Димитрова для беседы.

Конечно, не все российские историки взяли на вооружение эту «речь Сталина» от 19 августа 1939 года для раскрытия его глобальных внешнеполитических замыслов. Некоторые позволили себе усомниться в подлинности этого текста, резонно считая, как это сделал В. А. Невежин, что источник, на основании которого была сделана в России публикация этой речи, «требует критического анализа». Подобные сомнения не остались незамеченными, вызвав даже возмущение со стороны одного из самых активных апологетов «речи Сталина» Павловой. При этом она, несмотря на все ею же приводимые «неопровержимые» доказательства подлинности «речи Сталина», признаёт, что всё-таки с обнаруженным в бывшем Особом архиве документом не всё ясно («с этим текстом связаны серьёзные научно-теоретические трудности и загадки, которые необходимо разрешить»). Правда, резюмирует Павлова, «в разрешении этой проблемы до сих пор больше политических трудностей, что свидетельствует о нравственной незрелости ситуации».

Риску предположить, что ситуация «нравственно» уже созрела, а политические трудности пока ещё не наступили, и поэтому стоит подвести черту под многолетними спекуляциями вокруг «речи Сталина» 19 августа 1939 года, представив основные результаты предпринятого исследования.

Приоритетной задачей послемиунхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией, что обуславливалось как продолжаемой западными державами политикой «умиротворения» и всё большего дистанцирования от советского тоталитарного режима, так и обозначившейся общностью внешнеполитических интересов СССР и Германии, которую Сталин из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене «разглядел» раньше, чем Гитлер. Конкретные шаги в этом направлении были предприняты Москвой ещё осенью 1938 года. Но путь к этому соглашению был непростым, причём многое не зависело ни от намерений Сталина, ни даже Гитлера, определяясь сложением различных факторов международного развития.

Сталин стремился обеспечить национально-государственные интересы СССР, представление о которых создалось у него из набора весьма противоречивых компонентов, таких как его коммунистические взгляды и эклектические воззрения на национально-государственную традицию России, унаследованную Советским Союзом, схематическое видение будущего мирового устройства и стремление обеспечить СССР соответствующее положение в новой системе координат. При этом на передний план он выдвигал геополитическую составляющую этих интересов, видя в расширении границ страны, то есть в экспансии, лучшее средство для обеспечения её безопасности. Был ли Сталин заинтересован в войне? Несомненно, но... не во всякой. По его замыслу, приведшему к соглашению с Третьим рейхом, а не с западными державами, одна из первоочередных задач Кремля заключалась в том, чтобы, используя участие европейских держав в военном конфликте, аннексировать, «прибрать к рукам» страны, отнесённые по договорённости с Берлином к «сфере интересов» СССР, и при этом по возможности остаться вне большой войны.

Всё связанное с внешней политикой всегда было окутано в СССР большой тайной. В силу жёсткого контроля, осуществляемого лично Сталиным, даже каждый член Политбюро должен был знать только то, что непосредственно относилось к сфере его компетенции. По продолжительности посещений кремлёвского кабинета Сталина на протяжении месяца, предшествовавшего заключению советско-германского договора о ненападении, можно судить о мере вовлеченности членов руководящей «пятерки» в большую «игру» на международной арене: Молотов (более 62 часов), Ворошилов (60 часов), Каганович (более 25 часов), Микоян (более 23 часов), а также не входившие в «пятерку» – член ПБ Жданов (около 16 часов) и кандидат в члены ПБ Л. П. Берия (17 часов). Все они в зависимости от возглавляемого ими ведомства или курируемого направления принимали участие в обсуждении вопросов, связанных с реализацией внешнеполитического курса, и были в основном посвящены в замыслы Сталина, касающиеся сближения с Германией. У него не возникало необходимости разъяснять им то, что неоднократно обсуждалось в предшествовавшие недели, а тем более вводить в заблуждение, называя

решёнными те проблемы, которые только должны были стать предметом переговоров с Риббентропом.

Исследователи крайне мало знают, как проходили заседания Политбюро, не говоря уже о встречах ведущей «пятерки». Как правило, в Кремль вызывались для доклада или справки, обсуждения конкретных вопросов или получения указаний только те лица, номенклатурное положение и уровень компетенции которых позволяли высшему руководству получить необходимую информацию, обсудить вопрос и принять решение, а также обеспечить его выполнение. И отношения Сталина с руководством Коминтерна в конце 1930-х годов не были исключением, ограничиваясь встречами с Димитровым и Мануильским. Совместные заседания Политбюро с участием видных деятелей Коминтерна никогда не проводились. Выступал Сталин на расширенных заседаниях Политбюро крайне редко, в случаях, когда возникала необходимость ознакомить приглашённых с конкретными директивными указаниями, которые следовало затем довести до сведения нижестоящих исполнителей или даже всей страны.

Руководство Коминтерна не было посвящено в планы Сталина, направленные на сближение с Берлином. Ничего не было ему известно и об изменениях, произошедших во внешнеполитическом курсе СССР в результате подписания советско-германского договора о ненападении. Об этом убедительно свидетельствуют следующие факты. 20 августа, то есть на следующий день после якобы имевшего место выступления Сталина на заседании Политбюро, состоялось заседание Секретариата ИККИ, на котором присутствовали многие видные деятели Коминтерна и руководители ряда компартий. Они обсуждали вопрос о положении и задачах Объединённой соцпартии Каталонии и её отношения с компартией Испании.

Прошло ещё два дня, и вновь собрался на заседание Секретариат ИККИ. В ходе заседания было рассмотрено два вопроса: 1. Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией; 2. О приезде делегации КП и комсомола Англии. Среди принятых Секретариатом установок по организации компартиями наступления «против буржуазной и социал-демократической печати» на первом месте значилась: «Эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам». Обращалось также внимание на необходимость «указать партиям о необходимости продолжать с ещё большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма». Характер рассмотренных вопросов позволяет предположить, что участники заседания (К. Готвальд, Г. Димитров, О. Куусинен, Д. Мануильский, А. Марти, В. Флорин) не имели информации о «речи Сталина». Инструкции, разработанные Секретариатом ИККИ 22 августа, свидетельствовали о полном отсутствии у руководства Коминтерна представлений относительно истинного содержания предстоявших советско-германских договорённостей.

27 августа Димитров и Мануильский направили Сталину письмо, в котором шла речь о позиции, занятой компартиями по отноше-

нию к советско-германскому пакту о ненападении. В нём руководители Коминтерна просили также совета по вопросу об отношении ФКП к мероприятиям французского правительства по организации обороны страны. «Мы думаем, (выделено мной. – С.С.) – говорилось в письме, – что компартия должна и впредь стоять на позиции сопротивления агрессии фашистской Германии. Она должна поддерживать мероприятия по укреплению обороноспособности Франции, но в то же время обусловить свою поддержку этих мероприятий требованием сохранения для партии возможности открыто излагать свои взгляды и развивать свою деятельность». Очевидно, что Димитров и Мануильский по-прежнему оставались в полном неведении относительно «речи Сталина» и заключавшихся в ней «установках», иначе невозможно объяснить ни их письмо Сталину, ни его содержание.

Ответа на это обращение к Сталину не последовало. Поэтому в условиях начавшейся Второй мировой войны руководство Коминтерна продолжало действовать в духе традиционных установок, не имея ясного представления о произошедших кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Кремля после 23 августа. Это становится ясно из решения, принятого на заседании Секретариата ИККИ 2 сентября: «Поручить комиссии в составе гг. Димитрова, Куусинена, Мануильского выработать директиву Компартиям, на основе состоявшегося обмена мнениями».

В распоряжении исследователей имеется часть проекта тезисов, написанных Мануильским, работа над которыми продолжалась вплоть до 5 сентября. В них, в частности, отмечалось: «Победа германского фашизма в войне несёт наибольшую опасность для международного рабочего движения. Поэтому долг коммунистов всех стран и в первую очередь коммунистов Германии содействовать поражению германского фашизма». Далее Мануильский намечал конкретные задачи для коммунистов различных стран, в том числе уже захваченных нацистской Германией, лозунгом которых должна была стать борьба за национальное освобождение. Что касается Польши, то для неё наиболее актуальным считалось требование свержения «нынешнего правительства, приведшего страну к катастрофе, создания правительства рабочих и крестьян, могущего возглавить народную борьбу за национальную независимость».

В то же время Димитров, будучи искушённым политиком, явно почувствовал, что произошло нечто, не укладывавшееся в привычные представления об отношении советского руководства к начавшейся войне. Беседа 4 сентября со Ждановым, он вновь вернулся к вопросам, поднятым в письме к Сталину от 27 августа и оставшимся без ответа. Жданов не был готов либо не был уполномочен давать какие-либо разъяснения на этот счёт и попросил Димитрова прислать ему копию этого письма. Направляя её на следующий день, Димитров писал, что при подготовке документа о принципиальной линии и тактических позициях компартий в условиях разразившейся империалистической войны в Европе «мы встречаем исключительные трудности и для их преодоления, как и для принятия правильного решения, мы нуждаемся больше, чем когда бы то ни было, в непосредственной помощи и совете товарища Сталина». Мог ли Димитров

писать нечто подобное, если бы руководство Коминтерна что-либо знало о «речи Сталина», не говоря уже о присутствии кого-либо из его видных функционеров на заседании Политбюро 19 августа? Вопрос, разумеется, риторический.

Такова была предыстория встречи Сталина с Димитровым 7 сентября, которую совершенно обходят вниманием приверженцы подлинности «речи Сталина». Впрочем, о Коминтерне всё-таки вспоминают именно в связи с этой беседой. На неё ссылаются некоторые историки, утверждающие, что «содержание записи Г. Димитрова вполне соответствует тому, о чём Сталин говорил 19 августа 1939 года». При этом акцентируется внимание на следующих словах Сталина: «Мы не прочь, чтобы они (капиталистические державы. – С.С.) подрались хорошенько и ослабили друг друга».

Хотя эти слова и корреспондируются с тональностью текста «речи Сталина», они никак не могут служить доказательством его подлинности, представляя общее место, «секрет полишинеля» стратегии СССР на международной арене, о чём нередко писала западная некоммунистическая пресса. К тому же эта действительно стержневая для Сталина мысль выражена ненавязчиво, с использованием почти «домашней» лексики, но при этом налицо явная заинтересованность Сталина в крупном и затяжном военном конфликте между враждующими сторонами, результатом которого должно стать их взаимное ослабление. Однако Сталин не говорит о том, что «нужно сделать всё, ...чтобы эта война длилась как можно дольше» («речь Сталина»), хотя и наверняка думает об этом. Говорит же он Димитрову и присутствующим на встрече нечто совсем иное: «Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений», а потому необходимо «выступить решительно против войны и её виновников». Сталин, вводя в курс дела руководство Коминтерна, не фантазирует, рисуя радужные картины будущего мироустройства: «Безопасность советской Германии будет обеспечена, и Германия сможет даже способствовать советизации Франции» («речь Сталина»), а говорит только по существу, то есть о том, о чём уже достигнута договорённость с Риббентропом, да и то в сослагательном наклонении: «Что плохого **было бы**, если (выделено мной. – С.С.) в результате разгрома Польши мы распространили социалистич[ескую] систему на новые территории и население».

Ознакомившись с программной статьёй Димитрова, которая фактически заменила тезисы ИККИ «Война и задачи коммунистов», и внеся в неё ряд исправлений, Сталин счёл необходимым вновь встретиться с ним 25 октября, чтобы ещё раз разъяснить задачи, стоящие перед Коминтерном. Лейтмотивом его высказываний стало стремление всячески приглушить революционную борьбу в капиталистических странах, как совершенно несвоевременную: «Ставить сейчас вопрос о мире **на основе уничтожения капитала** (выделено мной. – С.С.) – значит помогать Чемберлену, поджигателям войны, значит изолировать себя от масс!» Поэтому, подчёркивал Сталин, «необходимо выдвигать лозунги, которые соответствуют современному моменту войны», «необходимо постепенно приобщать массы к революционным лозунгам» и не копировать опыт большевиков периода Первой мировой войны, которые «переоценили ситуацию».

Все эти высказывания (указания) Сталина, нашедшие отражение не только в дневнике Димитрова, но и во многих документах Секретариата ИККИ, создают реальное представление о том, что Сталин говорил или мог говорить, когда речь шла о позиции СССР и задачах Коминтерна в связи с начавшейся Второй мировой войной, а также о том, в какой мере руководство Коминтерна, рассматриваемого в Кремле в качестве одного из инструментов советской внешней политики, было информировано о произошедших изменениях во внешнеполитическом курсе СССР после 23 августа 1939 года. Это вовсе не означало, что Сталин при этом думал именно то, что говорил, но он и говорил «не для того, чтобы высказать то, что он думает и как он думает». Это означало лишь то, что в тот конкретный момент он считал необходимым, чтобы прозвучали именно эти слова, сразу же превратившись в генеральную линию советского руководства, воплощённую в директивы, лозунги, статьи, публичные выступления и т. п.

Таким образом, находящиеся в распоряжении исследователей документы Коминтерна указывают на то, что только в ходе состоявшейся 7 сентября встречи Сталина с Димитровым и Мануильским руководство ИККИ было сориентировано относительно изменившегося подхода Кремля к начавшейся войне. Обозначив свою недвусмысленную заинтересованность во взаимном ослаблении находящихся в состоянии войны сторон, Сталин одновременно сформулировал конкретные лозунги для зарубежных компартий, носившие антивоенный и антикапиталистический характер.

Обратимся теперь к «французскому следу» текста «речи Сталина».

Анализ всех известных её вариантов даёт основания для вывода о существовании одного основного или первоначального текста, распространённого 28 ноября 1939 года агентством «Гавас», а затем опубликованного в «Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques», и его доработанного варианта, оказавшегося не позднее 23 декабря 1940 года в распоряжении службы разведки и контрразведки при правительстве Виши, то есть того варианта «речи Сталина», который впоследствии был обнаружен в Москве.

Ссылка в сопроводительной бумаге к нему на указания по использованию текста «речи Сталина» офицерами спецслужбы даёт основания для предположения, что обе статьи Рюффена, а также публикация этого текста в книге де Ла Праделя увидели свет не без участия этой спецслужбы. Подтверждением этому служит и тот факт, что все дополнения к тексту «речи Сталина», опубликованные в 1941–1944 годах, касались не геополитических амбиций Кремля, а исключительно революционизирования Европы, в основном Франции, и задач компартии в этой связи. В поверхностно доработанном варианте «речи Сталина» были устранены некоторые бросающиеся в глаза нелепости и критика политики западных держав по отношению к Польше. Последнее свидетельствует о том, что доработка текста происходила после поражения Франции, когда общественность страны, большая часть которой была оккупирована, болезненно реагировала на напоминание о трагических последствиях внешнеполитических просчётов своего правительства.

Первоначальный вариант «речи Сталина» готовился в условиях форс-мажора во внутривластной жизни Франции, вызванного внешними факторами, в том числе советско-германским партнёрством. После доклада Молотова 31 октября полпред СССР во Франции Я. З. Суриц так характеризовал позицию официального Парижа по отношению к Москве: «Непосредственным результатом выступления т. Молотова было распоряжение, отданное цензуре, не стеснять печать в отношении СССР. ...Что касается общей оценки нашей внешней политики, – резюмировал он, – то по-прежнему наблюдаются три основных варианта: 1) она рассчитана на развязывание мировой революции; 2) эта политика русская и национальная, воскрешающая линию, проводившуюся царским империализмом... и 3) сочетание того и другого».

Несмотря на роспуск компартии, деятельность депутатов-коммунистов, официально объединившихся в «рабоче-крестьянскую группу» и тем самым ещё какое-то время сохранявших свои мандаты, а соответственно и некоторые возможности для пропаганды установок Москвы в пользу прекращения войны, вызвала озабоченность правительства Франции. Другой советский дипломат отмечал в этой связи: «В правительственных кругах очень обозлены текстом обращения Коминтерна в связи с 22 годовщиной Октябрьской революции и статьёй тов. Димитрова, помещённой в последнем номере «Рэвию Энтернациональ». Эти лозунги в мирное время, в прошлые годы имели будто бы другой смысл. Теперь же, в условиях войны, они показывают, что Москва будет якобы продолжать вмешательство во внутренние дела Франции. Этот факт особенно тревожит руководителей правительства и военные круги ввиду того, что нынешняя внутренняя политика французского правительства и без того вызывает недовольство в массах. Этим и объясняется, – приходил к выводу дипломат, – что печати был дан сигнал поднять кампанию против лозунгов Коминтерна, которая, конечно, проходит под антисоветским флагом».

Приведённые оценки, при всей их субъективности, высвечивают заинтересованность французских властных структур в разоблачительном материале, демонстрирующем долгосрочную ставку Москвы на компартию как своё орудие по советизации страны, изображающем внешнюю политику Кремля не только как соучастника раздела Восточной Европы, но и как очень коварного партнёра Третьего рейха, делающего ставку на взаимное ослабление Германии и западных держав ради революционирования Европы и установления полного контроля над ней; вбивающего клин между Москвой и Берлином, позволяющего заронить у последнего сомнения по поводу надёжности «дружбы, скреплённой кровью». Раскручивание в ходе широкой антисоветской кампании в печати запущенного через агентство «Гавас» «документа из надёжного источника» должно было способствовать решению поставленных задач. Через два дня после его появления, 30 ноября, СССР напал на Финляндию, что предсказывалось наблюдателями, демонстрируя перед всем миром свою экспансионистскую политику.

Анализ содержания «речи Сталина» позволяет высказать также некоторые предположения относительно её автора и методов его работы. Его

личность вряд ли ныне поддаётся установлению, да это, впрочем, и не так важно. Его связь с французскими секретными службами, о чём стали писать историки только на основании того, что текст «речи Сталина» был обнаружен в архивном фонде 2-го бюро Генштаба Франции, исключать нельзя, но имеющаяся аргументация пока недостаточна.

Скорее всего этот, по определению Иеккеля, «специалист по большевизму» был информирован о внешней и внутренней политике СССР не из «первых рук», а преимущественно из французской прессы. Об этом не в последнюю очередь свидетельствуют типичные для журналистики «ляпы» в «речи Сталина», в том числе и пренебрежение к деталям. Содержащиеся в тексте пассажи о «масштабах советско-германских договорённостей» характеризуют автора как дилетанта в вопросах международных отношений. Имели место также как филиация общей «идеи», так и почти текстуальные заимствования из опубликованных статей, правда, иногда с заменой Германии на Францию в качестве проигравшей стороны. При этом автор явно переборщил, уделив слишком большое внимание вопросам будущего революционирования Европы и роли ФКП в этом процессе. Между тем эти проблемы едва ли занимали сколько-нибудь заметное место в тогдашних замыслах Сталина, о чём свидетельствовали его указания Димитрову в ходе бесед 7 сентября и 25 октября. Очевидно, что и с информацией о деятельности Коминтерна у автора «речи Сталина» дело также обстояло неважно. Он не был в курсе механизма отношений между советским руководством и верхушкой Коминтерна (Димитров, Мануильский), исключавшего в 1939 году отсутствие кого-либо из них на заседании в Кремле, где могла идти речь о задачах зарубежных компартий. Поэтому линия «Кремль – Коминтерн» в «речи Сталина», как и весь текст в целом, оказались явно не на уровне поставленных заказчиком задач, что во многом предопределило его фактическое забвение, пока не наступили другие времена.

Резюмируя всё сказанное, можно с уверенностью утверждать, что 19 августа 1939 года Сталин не произносил речи ни в приписываемой ему агентством «Гавас» форме, ни в её «доработанном» варианте, обнаруженном в бывшем Особом архиве в Москве.

Отсутствие какого-либо установочного выступления Сталина в преддверии заключения советско-германского договора о ненападении подтверждается большим количеством как архивных, так и опубликованных документов, прежде всего связанных с деятельностью руководства Коминтерна, которое вплоть до 7 сентября 1939 года не имело указаний относительно трактовки кардинальных изменений во внешней политике СССР. Подлинность распространённого агентством «Гавас» текста «речи Сталина», как и её версий, не может быть подтверждена тем фактом, что упоминавшиеся там события произошли или неизбежно должны были произойти. Текст «речи» был опубликован спустя три с лишним месяца

после якобы имевшего места выступления Сталина, когда о вероятных последствиях советско-германских договорённостей писала вся европейская пресса, особенно французская. Обсуждение сталинских планов по революционизированию Европы и извлечению «дивидендов» из начавшейся Второй мировой войны также не представляли собой ничего нового, будучи общим местом в немалом числе тогдашних публикаций. Исследователям неизвестны какие-либо документы или свидетельства, которые хотя бы в малейшей степени подтверждали подлинность приписываемой Сталину речи 19 августа 1939 года, содержащей, помимо всего прочего, большое число неверных и откровенно несуразных положений.

Почему же во второй половине 1990-х годов некоторые западные и российские историки так рьяно ухватились за обнаруженную в московском архиве «речь Сталина», даже не утруждая себя её серьёзным анализом?

Что, собственно, пытаются они доказать, приписывая этому тексту значение «одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны»?

Может быть, как это прозвучало в некоторых работах, всё дело в необходимости пересмотра общей концепции истории Второй мировой войны, положив в основу утверждения об экспансионизме советской внешней политики и её ответственности за возникновение этой войны?

Попытки схожего характера предпринимались праворадикальной историографией на Западе неоднократно с единственной целью – снять ответственность за развязывание Второй мировой войны с нацистской Германии, возложив её на Польшу, Великобританию, СССР и даже США. При этом ставились под сомнение одни документы, подлинность которых не вызывала сомнений у большинства исследователей, и абсолютизировались другие, несопоставимые с ними по своему значению, да к тому же весьма произвольно цитировавшиеся. Все эти ревизионистские попытки оказались тщетными. Они ни разу не поставили под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, не только нашедшую подтверждение в огромном количестве документов самого разного уровня, но, самое главное, отразившую цепь реально произошедших взаимосвязанных событий, составляющих общую картину Второй мировой войны.

Сопричастность советского руководства к возникновению Второй мировой войны, как, впрочем, и западных держав, о чём, кстати, в последнее время историография почти «запаятовала», откровенный экспансионизм внешней политики Кремля в 1939–1941 годах, который вовлёк СССР во Вторую мировую войну задолго до 22 июня 1941 года и поставил его на грань столкновения с западными державами, подтверждаются многочисленными фактами и документами. Однако всё это отнюдь не ставит под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, как и ответственность её главного виновника – Гитлера и нацистского режима.

Прорыв в сторону демократизации и открытости, произошедший в России в первой половине 1990-х годов, если и не нарушил, то в какой-то мере поколебал относительное спокойствие в мировой исторической науке. Большое количество сборников документов, изданных в России в по-

следние годы, а также целый ряд заслуживающих внимания исследований, в том числе и по проблемам внешней политики СССР, не говоря уже о самой возможности работы с доступными архивными документами, – всё это обусловило заметное повышение интереса к советской истории на Западе. Не осталась незамеченной и значительная поляризация позиций и оценок внутри российской историографии о характере внутренней политики тоталитарного режима, его внешней политике накануне и в начале Второй мировой войны, а также роли Сталина. Однако, если противостояние сторонников и противников оправдания действий тоталитарного и посттоталитарного режима в СССР и признания лишь отдельных его ошибок, просчётов во внутренней и внешней политике достаточно очевидно, то размежевание среди тех историков, кто считает необходимым не заниматься косметическим «ремонтom» или «подновлением» старых исторических схем, а заново изучать историю советского государства на основе всех доступных науке фактов и документов, не всегда бросается в глаза.

Характерное для некоторой части историков стремление во что бы то ни стало и как можно скорее заявить о «завоевании» новых позиций, подменяя при этом кропотливую работу по выявлению, анализу документов и формулированию выводов, сделанных на их основании, публичностью и хлесткостью подачи материала, отнюдь не способствовало повышению уровня исторических исследований, ставя под сомнение профессионализм их авторов. Именно непрофессионализм и стал той питательной средой, которая объединила западных и российских адептов подлинности «речи Сталина», охочих до пересмотра генезиса и общей концепции Второй мировой войны, хотя и по разным причинам.

Архивные и опубликованные в России, других странах документы, работы зарубежных и российских историков, посвящённые внешней политике и международным отношениям во второй половине 1930-х годов, не говоря уже о реально произошедших исторических событиях, создают широкие возможности для всестороннего научного исследования роли СССР и его руководства в возникновении Второй мировой войны. При этом нет необходимости использовать сомнительные источники, а тем более делать «сенсацию» на фальшивках, к коим, как показывает приведённый анализ, принадлежит и «речь Сталина», якобы произнесённая на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 года

Противодействие попыткам
фальсификации истории России:
научные и законодательные аспекты

Редактор В. В. Нарбут
Корректоры Т. Д. Романосова, А. В. Чусовлянова
Компьютерная вёрстка Л. А. Дерр

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 16.11.2020
Формат 60x90/16. Печ. л. 10,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 2595

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Агентство МИГ»
140002, Московская область, г. Люберцы, Октябрьский просп., 18